ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46
2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Александрович Чернов* (1966–2017) — советский и российский программист, автор кодировки KOI8-R, один из создателей Рунета и первый российский участник административного совета проекта FreeBSD.

Андрей Чернов родился в Москве. Его детство и юность пришлись на эпоху, когда доступ к западным компьютерным технологиям в СССР был ограничен, а отечественная вычислительная техника развивалась в значительной мере путем адаптации зарубежных разработок.

После окончания средней школы Чернов поступил на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Уже будучи студентом третьего курса, в 1987 году он принял участие в семинаре по разработке операционных систем Unix, которым руководил профессор В. Г. Сухомлин. Практика проходила на операционной системе ДЕМОС — советском клоне Unix V7, адаптированном для отечественной техники. В 1990 году Чернов окончил университет, защитив диплом с отличной оценкой; его работа была посвящена развитию операционных систем класса Unix.

Еще в 1980-е годы, совмещая учебу с работой, Чернов вошел в коллектив разработчиков советских операционных систем МНОС и ДЕМОС на кафедре прикладной кибернетики Института повышения квалификации Минавтопрома. В его задачи входила реализация механизма оверлеев для управления памятью, русификация системы и отладка ядра и утилит. В 1988 году на Всесоюзной конференции по переносимому программному обеспечению в Калинине (нынешней Твери) он представил собственный многооконный текстовый редактор LE. В 1990 году Чернов участвовал в первой Всесоюзной конференции пользователей Unix.

В начале 1990-х годов он присоединился к команде разработки сети Релком, соединившей советские научные организации с глобальной сетью, а затем работал в компании «Демос» — первом российском интернет-провайдере. Чернов непосредственно участвовал в запуске и наладке первого интернет-канала между Россией и западными странами. В сетевых проектах он использовал никнейм ache.

Главным техническим достижением Чернова стала кодировка KOI8-R — 8-битная таблица символов, обеспечивающая поддержку русского алфавита при сохранении совместимости с ASCII в младшей части кодовой таблицы. В июле 1993 года она была зарегистрирована в Инженерном совете Интернета (IETF). На протяжении 1990-х годов KOI8-R фактически стал стандартом для обмена кириллической информацией в Unix-системах, электронной почте, группах новостей и ранней русскоязычной сети.

В 1991–2001 годах Чернов разрабатывал и поддерживал почтовую программу UUPC/@, позволившую подключить к сети Релком большое число пользователей со слабыми ПК под управлением MS-DOS и OS/2. В 1994 году написал перекодировщик TODOS для преобразования текстов из кодировки CP866 в KOI8-R. В 1993–2000 годах Чернов входил в административный совет, определявший развитие операционной системы FreeBSD, и был первым российским участником этого совета. Его вклад в проект охватывал драйверы устройств, соответствие стандарту POSIX, безопасность и русификацию.

Никнейм ache Чернов использовал во всех сетевых проектах; под этим псевдонимом он был известен и в контркультурной среде 1990-х годов.

Помимо программирования, он занимался литературным переводом с английского: в 2005–2016 годах публиковал переводы на личном сайте Vniz.net и в печатных изданиях («Колонна», «Митин журнал»).

В 2002 году служба гражданства и иммиграции США запретила Чернову въезд в страну, из-за чего он не смог посещать американские конференции разработчиков FreeBSD; к началу 2000-х он свел участие в совете проекта к минимуму, называя его «слишком забюрократизированной структурой».

Личный сайт Vniz.net Чернов использовал как цифровой архив редких материалов: графики художников рубежа XIX–XX веков (Н. Калмаков, Л. Уэйн, Ф. фон Байрос), аниме и оккультных текстов. В декабре 2018 года, через год после смерти Андрея Александровича, домен прекратил работу, так как пароль от сервера был известен только самому Чернову; архив был восстановлен энтузиастами по материалам Wayback Machine на зеркале zachem.ne.jp.

В последние годы Чернов тяжело болел: выраженный остеопороз осложнился переломом ноги и практически лишил его возможности покидать дом. Андрей Александрович Чернов скончался 16 августа 2017 года в Москве на 51-м году жизни; церемония прощания прошла в подмосковном Николо-Архангельском крематории.

Память об Андрее Александровиче Чернове сохраняется в самой инфраструктуре Рунета и открытого программного обеспечения: сообщество FreeBSD увековечило его имя в разделе In Memoriam, отметив влияние, затронувшее практически все аспекты проекта. Коллеги называли его одним из отцов-основателей Рунета — человеком, благодаря которому русская кириллица впервые свободно зазвучала в глобальной сети.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Госян А. К.
Критерии правомерности краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах 445

Григорьев А. А.
Влияние цифровизации и автоматизации на систему административных наказаний 447

Григорьева М. А.
Правовые основы государственной политики цифровизации публичного управления в Российской Федерации 448

Григорьева М. А.
Правовые гарантии защиты граждан при цифровизации государственного управления 450

Гущина Д. А.
Административные правонарушения юридических лиц 452

Гущина Д. А.
Правовое регулирование административной ответственности юридических лиц 455

Джуманьязов А. Х.
Понятие и формы квалифицированной юридической помощи по делам об административных правонарушениях: теоретико-правовой аспект 458

Дзюба А. В.
Применение мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком обязательств, предусмотренных государственным контрактом на поставку товара для государственных и муниципальных нужд 460

Долгачева А. С.
Проблемы признания лиц бывшими членами семьи собственника жилого помещения в судебной практике 463

Дубейко А. С.
Зарубежный опыт противодействия коррупции в системе публичной службы и возможности его адаптации в российских условиях 466

Жеватова Р. Р.
Цифровизация административного судопроизводства: проблемы обеспечения доступности и эффективности судебной защиты 469

Жучкова А. Д.
Теоретико-правовые основы защиты прав и соблюдения законных интересов несовершеннолетних детей 472

Забродина У. А.
Независимость присяжных заседателей и гарантии её обеспечения: состояние и пробелы правового регулирования 475

Зверев Д. В.
Формы воздействия решений Конституционного Суда Российской Федерации на развитие законодательства 477

Зверев Д. В.
Содержательное исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательном процессе 479

Ильин А. Н.
Провокация при проведении оперативно-розыскных мероприятий 481

Исаева О. В.
Особенности предмета доказывания по преступлениям, совершаемым организованными преступными группами 487

Казачанский В. Е.
Система представительных органов публичной власти в Российской Федерации: научный анализ, цифровое развитие и пути совершенствования 491

Камбетова С. Н.
Проблемы достоверности и публичной достоверности Единого государственного реестра недвижимости 493

Камбетова С. Н.
Правовые проблемы осуществления права собственности на жилые помещения в многоквартирных домах 495

Камбетова С. Н.
Приобретение права собственности на объект незавершенного строительства: гражданско-правовые и регистрационные проблемы 499

Капустина В. В.
Тактические особенности допроса участников преступных групп, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с учетом индивидуальных и этнокультурных особенностей 503

Кашаева А. В.
Понятие и правовая природа изъятия земельных участков и его разграничение с иными основаниями принудительного прекращения 505

Клычников Р. Ю.
Основания возникновения правоотношения по ведению переговоров 506

Койше Д. О., Силаева А. А.
Особенности доказывания в делах о защите авторских прав 508

Кондратенко К. Д.
Применение искусственного интеллекта в системе государственного финансового контроля: правовые возможности и проблемы 510

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Критерии правомерности краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах

Госян Арина Кареновна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается правовая проблема определения критериев правомерности краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах после закрепления такого права в жилищном законодательстве. Анализируются нормы Гражданского, Жилищного кодексов РФ, позиции Конституционного Суда РФ и судебная практика. На основе анализа судебных актов автор выделяет материально-правовые критерии разграничения правомерного найма и незаконной гостиничной деятельности.

Ключевые слова: *жилое помещение, краткосрочный наём, посуточный найм, гостиничная деятельность.*

Принятие Федерального закона от 23.03.2024 № 55-ФЗ, внёсшего изменения в статью 30 Жилищного кодекса РФ, прямо закрепило за собственником право сдавать жилое помещение в многоквартирном доме по договору краткосрочного найма [1]. Однако реализация этого права поставлена законодателем под жёсткое условие — соблюдение прав и законных интересов соседей. Поскольку данная категория остаётся оценочной и не раскрыта на уровне закона детально, складывающаяся правоприменительная практика требует осмысления и систематизации, поскольку от её устойчивости напрямую зависит определённость правового режима краткосрочного найма.

Прежде чем рассматривать правовой режим краткосрочного найма жилого помещения необходимо понять, что следует понимать под этой правовой категорией. В пункте 2 статьи 683 Гражданского Кодекса РФ законодатель упоминает краткосрочный договор найма жилого помещения, который может быть заключен на срок до одного года [2]. В тоже время законодатель не указывает минимальный срок такого договора. Суды, рассматривая споры по данной категории дел о правомерности краткосрочных договоров найма жилых помещений подходят не через формальный признак срока такого договора, а через совокупность фактических обстоятельств: наличие признаков гостиничной деятельности, соблюдение прав соседей, использование помещения по назначению и порядок оплаты коммунальных ресурсов. Такой подход позволяет сформулировать критерии, применимые в правоприменительной практике и восполняющие пробел, оставленный законодателем в статье 30 ЖК РФ [3]. Если предоставление жилого помещения нарушает жилищные права граждан, проживающих в этом доме, они вправе обратиться за защитой в суд.

Конституционный Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 23.03.2023 № 9-П устранил пробел в правовом регулировании краткосрочного найма жилья, разграничив краткосрочный наём и гостиничную деятельность и указал, что сам по себе посуточный характер сдачи квартиры, систематическое получение прибыли и поиск клиентов через интернет-ресурсы ещё не превращают жильё в гостиницу и не могут быть основанием для запрета такой деятельности [4]. При этом Суд подчеркнул, что право собственника сдавать жильё на любой срок ограничено соблюдением прав соседей: сдача не должна создавать для них неудобств, которые существенно превышают обычные неудобства при проживании. Признав наличие пробела в законе, Конституционный Суд обязал законодателя установить чёткие правила посуточного найма, что и было сделано Федеральным законом от 23.03.2024 № 55-ФЗ, закрепившим в части 2 статьи 30 ЖК РФ требования о соблюдении прав соседей, тишины и наличии приборов учёта. Таким образом, именно Постановление Конституционного суда задало направление дальнейшего правового регулирования и одновременно обозначило критерии разграничения краткосрочного найма и гостиничных услуг, конкретизация которых в судебной практике и составляет предмет настоящего исследования.

По разграничению найма и гостиничного сервиса высказался Верховный Суд РФ, который отменил решения нижестоящих судов, запретивших собственнику посуточную сдачу квартиры, позиционировавшейся на сайтах бронирования как «апарт-отель» [5]. Так, в Определении СК по гра-

жданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2025 г. № 81-КГ25–2-К8 указано, что систематическое предоставление жилья на короткие сроки и извлечение прибыли само по себе не является оказанием гостиничных услуг. Гостиничная деятельность предполагает именно сервисное обслуживание — регулярную смену белья горничными во время проживания, наличие администратора или ресепшена, организацию питания. Если же имеет место лишь передача ключей для временного проживания по договору найма, деятельность признаётся правомерной.

Следующим критерием следует признать недопустимость избыточной нагрузки на места общего пользования — раскрывается через сопоставление фактического использования квартиры с обычным проживанием. Показательно постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 28.07.2025 по делу № А28–7254/2024, которым деятельность предпринимателя, сдававшего квартиру под видом краткосрочного найма, была квалифицирована как гостиничная [6]. Суд принял во внимание, что в квартире, где зарегистрирован один человек, при полном заселении одновременно могли находиться до семи человек, которые входили и выходили в разное время, заказывали доставку еды, чем существенно повышалась интенсивность эксплуатации мест общего пользования по сравнению с обычным проживанием. Дополнительно суд отметил, что начисления за электроэнергию и водоснабжение производились по нормативу на одного зарегистрированного человека без использования индивидуальных приборов учёта, а разница между показаниями общедомового прибора учёта и суммой индивидуальных показаний распределялась на всех собственников дома в виде дополнительных расходов на общедомовые нужды. Таким образом, критерий избыточной нагрузки на общее имущество получает объективное выражение через количество одновременно проживающих лиц и порядок расчёта коммунальных ресурсов.

В основу третьего критерия следует отнести — соблюдение прав и законных интересов соседей — в судебной практике трансформировался в вопрос бремени доказывания: суды дифференцируют обычное «соседское терпение» и реальные правонарушения, исходя из того, что неприязнь соседей к краткосрочным жильцам сама по себе не ограничивает право собственности. Так, по делу о запрете посуточной сдачи жилого дома для досуговых мероприятий суд удовлетворил требования соседей, установив неоднократные нарушения: подтверждённые протоколами факты ночного шума, обращения в полицию, показания свидетелей о шумных компаниях, распитии спиртного и мусоре [7]. Указав, что нарушения имели место неоднократно, а меры к их устранению не предпринимались, суд на основании статьи 1065 ГК РФ запретил такую деятельность. Иными словами, наём остаётся правомерным, пока нарушения не зафиксированы официальными органами.

Таким образом, ключевым критерием разграничения краткосрочных договоров и договоров на оказание гостиничных услуг следует признавать не срок договора и не количество заключённых договоров, а фактический способ использования помещения. Проведённый анализ позволяет выделить три взаимосвязанных критерия правомерности краткосрочного найма: отсутствие признаков гостиничного сервиса, недопустимость избыточной нагрузки на места общего пользования и общее имущество дома, а также соблюдение прав и законных интересов соседей, подтверждаемое официально зафиксированными нарушениями. Если квартира сохраняет своё жилое назначение, используется для временного проживания граждан и не создаёт для соседей неудобств, существенно превышающих обычные, краткосрочный наём остаётся правомерным. Если же помещение переоборудуется под изолированные комнаты с отдельными санузлами, предоставляется с полноценным гостиничным сервисом, влечёт повышение интенсивности эксплуатации общего имущества либо сдаётся на срок менее суток, налицо признаки гостиничной деятельности, запрещённой пунктом 3 статьи 17 ЖК РФ.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации» от 23.03.2024 № 55-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472768/ (дата обращения: 04.11.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.11.2026).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) от 29.12.2004 № 188-ФЗ — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 04.11.2026).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442716/ (дата обращения: 04.11.2026).
5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2025 г. № 81-КГ25–2-К8 — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412265224/ (дата обращения: 04.11.2026).

6. Постановление от 28 июля 2025 г. по делу № А28–7254/2024. — Текст: электронный // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/1pvEfWVjJDNG/ (дата обращения: 04.11.2026).
7. Решение № 2–2828/2022 2–763/2023 2–763/2023(2–2828/2022;)~М-2085/2022 М-2085/2022 от 30 октября 2023 г. по делу № 2–2828/2022. — Текст: электронный // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/zBTVr-du4wt5V/ (дата обращения: 04.11.2026).

Влияние цифровизации и автоматизации на систему административных наказаний

Григорьев Александр Александрович, студент магистратуры
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета

В рамках статьи автор анализирует трансформацию системы административных наказаний под воздействием цифровизации и автоматизации государственных процессов, рассматривает изменения в механизмах как фиксации правонарушений, так и обработки доказательной базы и вынесения решений. Автор также подчеркивает важность адаптации современной нормативной базы к технологическим реалиям, важность выстраивания баланса между существующей тенденцией цифровизации с автоматизацией и обеспечением правовых гарантий граждан.

Ключевые слова: *цифровизация, автоматизация, административные наказания, правоприменение, цифровые технологии, процессуальные гарантии.*

Стремительное развитие цифровых технологий и ускоренная автоматизация управленческих процессов радикально трансформируют подходы государства к контролю, предупреждению и наказанию административных правонарушений.

Система административных наказаний, опиравшаяся прежде на традиционные механизмы выявления нарушений, их квалификации и исполнения санкций, постепенно переходит в новое состояние, в котором цифровые платформы, искусственный интеллект и автоматизированные комплексы наблюдения становятся не вспомогательным, а фактически структурообразующим компонентом правоприменения [4].

Влияние этих изменений носит комплексный характер, затрагивая как сущностные, так и процедурные аспекты административной ответственности, а также меняя саму природу взаимодействия граждан и государства.

Одним из наиболее очевидных проявлений цифровизации выступает расширение практики фиксации правонарушений с применением автоматических средств. Речь идет не только о широко распространенных комплексах фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения, но и о технологических системах, отслеживающих соблюдение требований в сфере благоустройства, экологического контроля, миграционного законодательства и иных областях [3].

Автоматизация фиксации позволяет исключить человеческий фактор на первоначальной стадии административного процесса, минимизируя риск субъективных ошибок, а также снижает вероятность коррупционных проявлений [2]. Однако такой подход одновременно порождает новые вопросы, включая проблему технической точности, возможность оспаривания данных автоматически созданных доказательств, а также риски чрезмерной формализации.

Цифровизация воздействия на правонарушителей проявляется и в изменении механизма назначения наказаний. Автоматизированные информационные системы обеспечивают единообразие квалификации, мгновенное распределение поступающих материалов между уполномоченными органами, проверку наличия повторных нарушений и применение санкций в соответствии с алгоритмически закрепленными правилами [5].

Эти технологии повышают скорость обработки дел, уменьшают нагрузку на административные органы и повышают предсказуемость санкций. Вместе с тем возникает опасность неоправданного упрощения сложных случаев, которые требуют индивидуального, контекстуального анализа, а не однозначного следования стандартному программному шаблону.

Существенные изменения происходят и в механизмах исполнения административных наказаний. Цифровые сервисы позволяют автоматизировать проверку уплаты штрафов, направлять уведомления, сопоставлять данные из различных реестров, использовать электронные сервисы судебных приставов и государственных порталов.

В результате исполнение наказаний становится более эффективным, уменьшается количество безрезультатных взысканий, повышается собираемость штрафов. Однако усиление технологического контроля за финансовыми и регистрационными действиями граждан усиливает дискуссии о допустимых пределах государственного вмешательства в частную сферу и вызывает вопросы о защите персональных данных и кибербезопасности.

Цифровизация влияет не только на практическое применение санкций, но и на сам характер административной юрисдикции. Формируются электронные формы производства по делам об административных правонарушениях, развивается дистанционное взаимодействие на-

рушителей с органами власти, внедряются электронные кабинеты, позволяющие отслеживать ход дела, подавать жалобы и получать решения без личного посещения учреждений [1].

Это повышает доступность правосудия, снижает бюрократические барьеры и делает процесс более прозрачным. Однако одновременно появляется риск цифрового неравенства: лица, не имеющие необходимых технических навыков или доступа к цифровым сервисам, могут оказаться в менее защищенном положении.

Особую дискуссию вызывает использование аналитических систем и искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и выявления рисков их совершения. Такие технологии создают новые возможности для профилактики, но одновременно обращают внимание на проблему потенциальной предвзятости алгоритмов, недостаточность правового регулирования механизмов автоматизированного анализа данных и угрозу квазисанкционного воздействия, когда гражданин может быть подвергнут повышенному вниманию без факта совершения проступка.

Цифровизация оказывает влияние и на нормативное закрепление административных наказаний. Появляются новые составы правонарушений, связанные с нарушением цифровых требований, например, в сфере электронного документооборота, обработки данных или предоставления государственных услуг в цифровой форме. Одновременно государство вынуждено адаптировать общие принципы административной ответственности к цифровой реальности, уточняя критерии доказательств, правила верификации информации и пределы применения автоматизированных решений.

Таким образом, влияние цифровизации и автоматизации на систему административных наказаний носит многоуровневый характер и требует глубокого научного осмысления. С одной стороны, цифровые технологии повышают точность, оперативность и эффективность государственного контроля.

С другой — порождают новые риски, связанные с формализацией, ошибками алгоритмов, цифровым неравенством и возможным снижением гарантий прав личности. Современный этап развития административной ответственности можно охарактеризовать как переходный, в котором необходимо сочетание технологических инноваций и единых правовых подходов, обеспечивающих баланс между эффективностью государственного управления и защитой прав человека.

Именно научно обоснованная интеграция цифровых решений в систему административных наказаний позволит избежать односторонних перекосов и сформировать устойчивую, прозрачную и справедливую модель правоприменения.

Литература:

1. Волчков А. В. Административная ответственность юридических лиц в условиях цифровой трансформации // Инновационная наука. 2025. № 3–1. С. 161–164.
2. Добряков Д. А., Евдокимов А. Д. К вопросу о перспективах использования цифровых технологий в судопроизводстве // Закон и право. 2025. № 3. С. 144–150.
3. Овчарова Е. В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 129–136.
4. Ракитский В. В. Трансформация института административных наказаний в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 241–242.
5. Тотурбиев А. А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации // Вестник науки. 2025. № 3 (84). С. 245–255.

Правовые основы государственной политики цифровизации публичного управления в Российской Федерации

Григорьева Мария Александровна, студент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Рассматриваются содержание, правовая основа и направления цифровизации публичного управления. Обосновывается необходимость согласования стратегических документов и специальных норм. Предлагается использовать рамочный документ государственной политики для координации регулирования при сохранении самостоятельного значения отраслевых законов. Результативность цифровизации связывается с доступностью услуг, качеством управления и защитой прав граждан.

Ключевые слова: *цифровизация, государственная политика, публичное управление, государственные услуги, управление на основе данных.*

Введение

Цифровизация изменяет взаимодействие граждан с государством, межведомственный обмен и подготовку управленческих решений. Электронные документы, платформы и обработка данных становятся средствами осуществления публичных функций. Право определяет условия работы информационных систем и пределы их использования.

Цель статьи — раскрыть содержание государственной политики цифровизации публичного управления и условия согласованного развития ее правовой основы. Применяются формально-юридический метод, анализ и систематизация нормативных положений.

Содержание и правовая основа цифровой политики

Пункт 3.21 ГОСТ Р 43.0.22–2020 связывает цифровизацию с представлением, хранением, передачей и применением информации посредством цифровых устройств [1]. Это определение раскрывает технологическую сторону процесса. В публичном управлении необходимо учитывать также изменение процедур и способов принятия решений. Перевод документа в электронную форму еще не означает преобразования управления: оно возникает при изменении работы с данными, взаимодействия органов и содержания выполняемых действий.

В пределах рассматриваемого предмета государственная политика цифровизации понимается как целенаправленная деятельность государства по развитию цифровых технологий в публичном управлении для повышения его качества, совершенствования взаимодействия с гражданами и защиты прав и публичных интересов. Исследовательское определение связывает преобразования с общественно значимым результатом. Цифровизация не предполагает обязательного исключения человека или замены всех законных способов обращения электронным каналом.

Общую правовую основу формирует Федеральный закон № 149-ФЗ, регулирующий информационные отношения и предусматривающий государственные информационные системы [2, ст. 1, 13]. Закон № 152-ФЗ устанавливает условия обработки персональных данных и требования к их защите [3, ст. 6, 19]. Закон № 210-ФЗ регулирует предоставление государственных и муниципальных услуг, включая электронную форму [4, ст. 10]. Следовательно, техническая возможность получения и объединения сведений должна соотноситься с правомерностью обработки и компетенцией органа власти.

Стратегический уровень представлен Стратегией развития информационного общества на 2017–2030 годы, связывающей использование технологий с национальными интересами [5, п. 1]. Указ Президента РФ № 309 определяет задачи цифровой трансформации государственного и муниципального управления, включая управление на основе данных и развитие электронных услуг [6, п. 9]. Для искусственного интеллекта самостоятельное значение имеет Национальная стратегия, утвержденная Указом Президента РФ № 490 [7]. Таким образом, правовое регулирование сочетает общие цели развития и специальные требования к отдельным отношениям.

Нормативный массив можно сгруппировать по восьми направлениям: информационное законодательство; цифровизация публичного управления; информационная безопасность; искусственный интеллект и экспериментальные технологии; цифровые права и платформенная экономика; финансовые технологии; государственные данные и реестры; стратегическое и программное регулирование. Такая классификация служит средством систематизации, а не разделяет акты на изолированные отрасли: обработка персональных данных, например, одновременно связана с управлением и безопасностью.

Многообразие актов само по себе не доказывает несогласованность регулирования. Специальные нормы необходимы вследствие различий предметов. Проблема возникает при несовместимости терминологии, компетенций и процедур. Поэтому систематизация должна выявлять конкретные расхождения и связи между общими принципами и специальными правилами. Исследование Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора также обращает внимание на преобразование права в условиях цифровой реальности [8].

Направления развития и согласование регулирования

Первое направление связано с электронными государственными услугами. Дистанционная подача заявления имеет значение, если гражданин может завершить процедуру и получить юридически значимый ответ. Поэтому наличие услуги на портале не является достаточным показателем доступности. Требования к электронной форме необходимо применять во взаимосвязи с гарантиями, установленными статьями 4–6 Закона № 210-ФЗ [4]. Технологическое изменение способа обращения не должно уменьшать предусмотренные законом возможности реализации права.

Второе направление составляет управление на основе данных. Объединение реестров и межведомственный обмен позволяют использовать сведения разных органов, однако повышают значение их достоверности. Ошибка в исходной информации способна перейти в последующие стадии процедуры. Следовательно, согласованию подлежат правила получения, проверки и использования данных. Доступность сведений в информационной системе не означает достаточности оснований для конкретного решения.

Третье направление — применение искусственного интеллекта при подготовке решений. Здесь необходимо разграничивать информационное сопровождение, формиро-

вание проекта и осуществление публичного полномочия. Производительность системы не заменяет проверки юридически значимого результата. Четвертое направление охватывает инфраструктуру и технологическую независимость: устойчивость программных, телекоммуникационных и вычислительных средств необходима для непрерывного выполнения функций. Развитие инфраструктуры и российских технологий входит в стратегические приоритеты [5].

На федеральном, региональном и муниципальном уровнях единая процедура может объединять несколько органов и ресурсов. Поэтому согласование компетенций и обмена сведениями должно обеспечивать доступность услуг, безопасность данных и проверяемость решений.

В качестве средства координации предлагается рассмотреть утверждение Основ государственной политики Российской Федерации в сфере цифровизации. Документ мог бы закрепить общие понятия, принципы, направления и пределы преобразований, а также ориентиры дальнейшего нормотворчества. Его принятие требует сопоставления с действующими стратегиями: новый акт оправдан при наличии задач, которые не обеспечиваются существующим регулированием. Рамочный документ должен согласовывать специальные нормы, сохраняя самостоятельное значение федеральных законов.

Систематизация актов должна выявлять терминологические расхождения и положения, требующие изменения. Механическое объединение цифровых отношений в одном законе не устраняет различий их правовой природы.

Заключение

Государственная политика цифровизации объединяет технологическое развитие, изменение управленческих процедур и правовые гарантии.

Ее основные направления — электронные услуги, управление данными, интеллектуальные системы и устойчивая инфраструктура. Согласованность регулирования предполагает разграничение функций базовых законов, специальных норм и стратегических документов. Рамочные Основы могут стать средством координации при условии обоснования их соотношения с действующими актами. Общим критерием цифровых преобразований должно выступать повышение качества управления с соблюдением прав граждан.

Литература:

1. ГОСТ Р 43.0.22–2020. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Интеллектуализация деятельности. — Москва: Стандартинформ, 2021.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4179.
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.
6. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2584.
7. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 41. — Ст. 5700.
8. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.

Правовые гарантии защиты граждан при цифровизации государственного управления

Григорьева Мария Александровна, студент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Исследуются доступность государственных услуг, защита персональных данных при участии подрядчика и проверка автоматизированных решений. На основе законодательства и судебной практики предлагаются предварительная экспертиза электронных процедур, документальный контроль исполнителей и содержательная проверка результатов обработки данных должностным лицом. Обосновывается необходимость прослеживаемости цифровой процедуры для защиты прав граждан.

Ключевые слова: *права граждан, цифровизация, государственные услуги, персональные данные, автоматизированные решения.*

Введение

Цифровизация позволяет дистанционно взаимодействовать с государством, но связывает реализацию прав с организацией электронной процедуры и качеством информационных систем. Цель статьи — определить взаимосвязанные направления совершенствования правовых гарантий на стадиях обращения, обработки данных и принятия решения. Применяются формально-юридический метод и качественный анализ отдельных судебных актов. Рассмотренные дела выявляют правовые проблемы, однако не позволяют судить о распространенности нарушений.

Доступность государственных услуг

Электронная форма услуги не означает безусловной обязанности гражданина использовать только цифровой канал. Допустимые способы обращения определяются регулирующим процедуру законодательством. Подзаконный порядок должен соответствовать общим гарантиям доступности, закрепленным в статьях 4–6 Федерального закона № 210-ФЗ [1], и специальным законодательным требованиям.

Решением Верховного Суда РФ от 24 декабря 2024 г. № АКПИ24–976 частично признано недействующим положение правил подтверждения документов об ученых степенях и званиях, не предусматривавшее личного представления заявления. Решение оставлено в силе апелляционным определением от 27 марта 2025 г. № АПЛ25–58 [2]. Аналогичный вопрос применительно к документам об образовании и квалификации разрешен решением от 16 апреля 2025 г. № АКПИ25–30 [3]. Эти дела касались ограничения личной подачи при наличии иных каналов, а не полного отсутствия неэлектронного обращения.

В определении от 3 марта 2025 г. № 5-КГ24–127-К2 Верховный Суд рассмотрел спор о социальной доплате к пенсии в условиях электронного порядка обращения. Суд указал на необходимость исследовать препятствия использованию портала, отменил ранее принятые судебные постановления и направил дело на новое рассмотрение [4]. Данный результат не тождествен окончательному назначению выплаты, но показывает значение оценки фактических возможностей заявителя.

Предупреждение подобных ограничений требует предварительной правовой экспертизы административных регламентов и иных актов об электронном взаимодействии. Проверять следует соответствие способов обращения федеральному законодательству и возможность реализации права при затруднениях использования цифрового канала. Сохранение предусмотренного законом способа подачи заявления предупреждает нарушение, тогда как судебное обжалование обеспечивает защиту после возникновения препятствия.

Контроль обработки персональных данных

Привлечение подрядчика не прекращает обязанностей государственного оператора перед гражданином. Части 3 и 5 статьи 6 Закона № 152-ФЗ регулируют поручение обработки и ответственность его участников [5]. Постановлением Верховного Суда РФ от 21 января 2026 г. № 5-АД25–119-К2 оставлены в силе акты о привлечении государственного органа к ответственности при неправомерном доступе через инфраструктуру подрядчика. Существенным было отсутствие доказательств принятия необходимых мер, включая внутренний контроль и аудит [6].

Статьи 18.1 и 19 Закона № 152-ФЗ предусматривают контроль обработки и обеспечение безопасности [5]. Пункт 17 требований, утвержденных постановлением Правительства РФ № 1119, устанавливает контроль не реже одного раза в три года [7]. Следовательно, проблема состоит не в полном отсутствии проверок, а в конкретизации контроля исполнения поручения и документального подтверждения его результатов. Договорные обязанности, запрос документов и фактическая проверка представляют различные действия.

Предлагается дополнить статью 18.1 Закона № 152-ФЗ положением о документально оформляемой проверке подрядчика до предоставления доступа, последующих проверках и внеплановом контроле при выявлении неправомерного доступа. Акт должен отражать нарушения, меры устранения и сроки исполнения. Ежегодная периодичность рассматривается как обсуждаемая модель, а не действующая обязанность или доказанный оптимальный интервал. Ее закрепление требует сопоставления с существующими требованиями и характером обработки; отдельное судебное дело не обосновывает единую частоту для всех систем.

Проверяемость автоматизированных решений

Статья 16 Закона № 152-ФЗ устанавливает гарантии для решений, основанных исключительно на автоматизированной обработке персональных данных [5]. Отдельного внимания требует решение, которое формально принимает должностное лицо на основе результата системы. Человеческая подпись не доказывает проверки исходных сведений и правовых оснований. Поэтому значение имеет содержание участия человека и возможность отклонить автоматизированный вывод.

Для государственных информационных систем предлагается рассмотреть дополнение статьи 14 Закона № 149-ФЗ частью 9.1 о документировании исходных данных, результата обработки и его проверки уполномоченным лицом [8]. Содержательная проверка должна

охватывать достоверность юридически значимых фактов, относимость сведений и соответствие проекта решения применяемым нормам. Документирование должно отражать выполненные действия, а не только утверждение подготовленного системой документа.

Важны также указание факта применения автоматизации и разъяснение заинтересованному лицу оснований решения. Разъяснение должно позволять выявить ошибку в данных и сформулировать доводы при обжаловании, не предполагая безусловного раскрытия программного кода или охраняемой законом информации. Объем сохраняемых сведений необходимо соотносить с задачей проверки и требованиями защиты данных.

Требования следует определять с учетом фактического влияния операции на права граждан. Предварительная классификация обращения может изменить его направление и дальнейшее рассмотрение, поэтому вспомогательное название операции не исключает необходимости проверки. Специальное регулирование ИИ, включая Закон № 243-ФЗ [9], требует согласования с административными процедурами. Предлагаемые гарантии относятся к обоснованию решения органом власти и не предполагают одинакового правового режима всех интеллектуальных систем.

Заключение

Защита граждан при цифровизации предполагает взаимосвязь доступного обращения, безопасной обработки данных и проверяемого решения. Предлагается усилить предварительную экспертизу электронных процедур, конкретизировать документальный контроль подрядчиков и содержательную проверку автоматизированных результатов. При этом действующие обязанности необходимо отличать от законодательных предложений. Общим ориентиром выступают прослеживаемость процедуры и сохранение ответственности компетентного органа независимо от степени автоматизации.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4179.
2. Решение Верховного Суда РФ от 24.12.2024 № АКПИ24–976; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.03.2025 № АПЛ25–58 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Верховного Суда РФ от 16.04.2025 № АКПИ25–30 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2025 № 5-КГ24–127-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.
6. Постановление Верховного Суда РФ от 21.01.2026 № 5-АД25–119-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 45. — Ст. 6257.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
9. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 30. — Ст. 4089.

Административные правонарушения юридических лиц

Гущина Дарья Алексеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты административной ответственности юридических лиц в РФ: легальное определение административного правонарушения, особенности его состава, дискуссионные вопросы вины юридического лица, виды применяемых наказаний и новеллы законодательства 2026 г. о либерализации ответственности при устранении нарушений. На основе судебной практики и доктрины выявляются системные проблемы правоприменения — несогласованность норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), несоразмерность санкций и сложность доказывания вины организаций — и обосновывается необходимость совершенствования института с учётом баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: *административная ответственность, юридическое лицо, административное правонарушение, состав правонарушения, вина юридического лица, административные наказания, КоАП РФ, судебная практика, правоприменение.*

Институт административной ответственности юридических лиц прошёл в отечественном праве сложный путь развития: длительное время в теории не разрабатывались ни понятие административно-правового статуса организации, ни подходы к пониманию её вины [6; 9]. Включение юридического лица в КоАП РФ в качестве самостоятельного субъекта ответственности было исторически обоснованным и справедливым решением, однако породило ряд теоретических и практических проблем, не разрешённых до настоящего времени [1].

На наш взгляд, главная из них состоит в том, что законодатель механически перенёс на организации конструкции, исторически созданные для физических лиц, не сформулировав при этом самостоятельной и непротиворечивой теории ответственности коллективных субъектов.

Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, постоянным реформированием административного законодательства, а с другой — устойчивыми системными противоречиями. Внутренняя несогласованность норм КоАП РФ порождает противоречивую правоприменительную практику контрольно-надзорных органов и судов, а назначаемые санкции нередко оказываются несоразмерными характеру правонарушения и финансовым возможностям организации [1; 8].

Мы полагаем, что подобная несоразмерность подрывает не только доверие бизнеса к правосудию, но и превентивный потенциал самой ответственности: наказание, воспринимаемое как несправедливое, не стимулирует правомерное поведение, а лишь побуждает искать обходные пути.

Цель статьи — комплексный анализ института административных правонарушений юридических лиц, выявление ключевых проблем правового регулирования и правоприменения, а также оценка новейших законодательных изменений.

Согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, административным правонарушением признаётся противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ установлена административная ответственность [1]. Таким образом, юридическое лицо выступает наряду с физическим равноправным субъектом ответственности. Однако, по нашему мнению, формальное равенство здесь не подкреплено содержательным: категория виновности, ключевая для обеих категорий субъектов, наполняется для организаций принципиально иным смыслом, что делает конструкцию внутренне противоречивой.

Традиционно выделяются такие признаки правонарушения, как противоправность и виновность; противоправность означает нарушение охраняемых административным законодательством норм, а виновность применительно к юридическому лицу имеет особое содержание [1; 6].

В доктрине подчёркивается, что административная ответственность распространяется на все правонарушения независимо от отраслевой принадлежности, а финансовая, экологическая, таможенная и иные виды ответственности по своей сути являются разновидностями единой административной ответственности, субъектами которой во многих случаях выступают именно организации [9].

Мы разделяем этот подход и считаем, что его последовательная реализация позволила бы преодолеть отраслевую разрозненность норм об ответственности организаций и выработать единые критерии вины и соразмерности санкций.

В законодательстве воплощены три подхода к определению вины: субъективный, объективный и безвиновная ответственность организаций [1; 5]. По ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признаётся виновным, если у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, но им не были приняты все зависящие меры [1]; Пленум ВАС РФ в п. 16.1 постановления от 2 июня 2004 г. № 10 также указал, что формы вины для юридических лиц не выделяются [4]. В теории вина организации понимается как принятие либо непринятие всех необходимых и возможных мер для предотвращения нарушения либо смягчения его последствий [6; 9].

Мы считаем данную конструкцию продуктивной, но требующей уточнения: критерием вины должна выступать не абстрактная «возможность соблюдения правил», а качество организации внутрикорпоративного контроля. Организация, создавшая действенную систему комплаенса и принявшая все разумно доступные меры, не должна отвечать за единичное нарушение рядового работника — обратное означало бы возврат к объективному вменению.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 апреля 2020 г. № 17-П отметил, что вина юридического лица не тождественна вине физического лица, однако виновность организации так или иначе является следствием виновности её должностных лиц (работников) [5]; в литературе подчёркивается, что вина организации проявляется в виновном действии (бездействии) соответствующих физических лиц, действующих от её имени [8]. Мы поддерживаем эту позицию, поскольку она «очеловечивает» ответственность организации и препятствует её превращению в безвиновное вменение. Вместе с тем из неё вытекает необходимость доказывания связи между поведением работника и недостатками корпоративного управления, что на практике делается далеко не всегда.

Дискуссионность конструкции вины порождает и практические сложности: трудности установления вины организаций, риск нарушения презумпции невиновности и принципа законности [1; 4]. По нашему убеждению, без законодательного закрепления критериев «должной осмотрительности» организации риск объективного вменения будет сохраняться независимо от разъяснений высших судов.

В отношении юридических лиц применяются лишь отдельные виды наказаний, перечисленные в ч. 2 ст. 3.2 КоАП РФ: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета правонарушения и административное приостановление деятельности [1].

Предупреждение выражается в официальном порицании, штраф является наиболее распространённым видом наказания, а приостановление деятельности — специфическая мера, применяемая исключительно к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на срок до девяноста суток [1].

В доктрине обосновывается необходимость расширения системы наказаний за счёт приостановления и бессрочного лишения лицензии, а также принудительной ликвидации при неисполнении санкций с установлением судебного порядка применения [7]. Мы поддерживаем идею расширения системы наказаний, но с существенной оговоркой: любые новые меры должны применяться исключительно судом и лишь при доказанности грубого, систематического нарушения. Иначе расширение арсенала санкций обернётся усилением административного давления на бизнес, а не повышением справедливости ответственности.

Важным направлением совершенствования института стало развитие механизмов, стимулирующих добросовестное поведение организаций: Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 250-ФЗ в КоАП РФ введена ст. 2.9.1, закрепляющая освобождение от административной ответственности при заключении соглашения с контролирующим органом [2].

На наш взгляд, это наиболее значимая новелла последних лет: она знаменует отказ от сугубо карательной модели в пользу восстановительной. Однако эффективность механизма будет зависеть от того, насколько прозрачными окажутся условия соглашения и не превратится ли он в инструмент «торга» с проверяющими.

Одновременно законодательство ужесточается по отдельным направлениям: Федеральным законом от 20 мая 2026 г. № 147-ФЗ установлена ответственность за оборот метанола и метанолсодержащих жидкостей организациями и ИП, не включёнными в соответствующий реестр [3]. Мы оцениваем такую дифференциацию положительно: она отражает принцип соразмерности — чем выше общественная опасность деяния, тем строже должна быть реакция государства. Либерализация и ужесточение здесь не противоречат друг другу, а образуют единую линию.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 26.07.2026 № 250-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2026).
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 20.05.2026 № 147-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2026).
4. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2004. — № 8.
5. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2020 № 17-П // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.11.2026).
6. Алиева, С. Д. Проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности. Рекомендации по совершенствованию правового регулирования / С. Д. Алиева // Молодой учёный. — 2025. — № 46 (597). — С. 281–284.
7. Батенов, Ф. К. К вопросу о совершенствовании системы административных наказаний в отношении юридических лиц в области дорожного движения в Российской Федерации / Ф. К. Батенов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2024. — Т. 21, № 2. — С. 109–124.
8. Чапурных, Я. Н. Некоторые аспекты административной ответственности юридических лиц / Я. Н. Чапурных // Публикации Арбитражного суда Кировской области.
9. Юсифов, У. М. Административная ответственность юридических лиц: обоснование и проблематика / У. М. Юсифов, Г. Ф. Цельникер // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 4 (203). — С. 168–169.

Правовое регулирование административной ответственности юридических лиц

Гущина Дарья Алексеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье исследуется институт административной ответственности юридических лиц в российском праве. В основной части исследования раскрываются понятие и основания административной ответственности с акцентом на специфику конструкции вины юридического лица. Помимо этого, отдельное внимание уделено процессуальным особенностям привлечения юридических лиц к ответственности, в том числе стадиям производства, подведомственности дел, распределению бремени доказывания и срокам давности. В работе также проанализированы ключевые проблемные вопросы правоприменения, среди который выделены неоднозначность трактовки вины, вопросы пропорциональности наказаний и множественность ответственности. В заключительной части исследования были выявлены современные тенденции развития института, а именно переход к рискориентированному подходу, расширение профилактических механизмов, гуманизация санкций и совершенствование нормативной базы.

Ключевые слова: *административная ответственность, юридическое лицо, КоАП РФ, вина юридического лица, правоприменение.*

Введение

Административная ответственность юридических лиц представляет собой один из ключевых механизмов государственного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов. Данный институт служит не только инструментом обеспечения правопорядка, но и фактором, существенно влияющим на устойчивость и развитие бизнеса. И особую актуальность вопросы правового регулирования ответственности юридических лиц приобретают в современных условиях постоянного обновления и структуризации действующего законодательства и правоприменительной практики.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе привлечения юридических лиц к административной ответственности. Предметом, в свою очередь, являются нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также иные нормативные акты, регулирующие ответственность организаций, и сложившаяся правоприменительная и судебная практика.

Целью данной работы является комплексное изучение правового регулирования административной ответственности юридических лиц, а также исследование специфики ее оснований, видов, процессуальных механизмов и ключевых проблем. Для достижения поставленной цели следует реализовать следующие задачи:

1. Определить понятие и основания ответственности юридических лиц;
2. Систематизировать виды правонарушений и санкций, применяемых к организациям;
3. Раскрыть процессуальные особенности производства по делам об административных правонарушениях;
4. Проанализировать проблемные вопросы и выявить современные тенденции развития института.

Структура настоящего исследования включает в себя введение, четыре последовательных раздела, обусловленных поставленными задачами, а также заключение, структурирующее выводы исследования, и список использованных источников.

Понятие и основания административной ответственности юридических лиц

Административная ответственность юридических лиц представляет собой самостоятельный элемент системы юридической ответственности, отражающий специфику публичноправового воздействия на коллективные субъекты хозяйственной деятельности. Правовое регулирование данного института закреплено в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и сопряжено с необходимостью учитывать организационную природу юридического лица.

Как известно, юридическое лицо действует не самостоятельно, а через свои органы и работников, что, разумеется, накладывает отпечаток на установление состава правонарушения и трактовку вины. Именно данный факт закрепляет принципиальное отличие ответственности организаций от ответственности физических лиц, поскольку для гражданина вина традиционно раскрывается через умысел либо неосторожность. В свою очередь, вина юридического лица заключается в факте несоблюдения установленных правил и норм или непринятия всех необходимых мер для их соблюдения при неоспоримом наличии такой возможности [3]. Такая многоаспектная конструкция позволяет привлекать к ответственности организацию даже в тех случаях, когда непосредственным исполнителем противоправного действия выступает ее работник, поскольку именно юридическое лицо отвечает за состояние внутреннего контроля, а также за наличие регламентов, инструкций, процедур проверки и иных механизмов, призванных предотвращать нарушения.

Правовой статус юридического лица как субъекта административной ответственности базируется на сочетании норм гражданского и административного законодательства. С одной стороны, Гражданский кодекс РФ

определяет общие признаки юридического лица, среди которых организационное единство, обособленное имущество, а также способность отвечать по обязательствам и выступать в суде от собственного имени [1, ст. 48]. С другой стороны, КоАП РФ конкретизирует, что юридические лица подлежат административной ответственности независимо от организационноправовой формы, формы собственности, места нахождения и иных характеристик [2, ст. 2.10].

Особое внимание в вопросе привлечения юридических лиц к административной ответственности уделяется именно доказыванию вины. В данном случае правоприменители оценивают совокупность обстоятельств, среди которых возможности организации по соблюдению норм, принятые или непринятые организационные, технические и контрольные меры, документальное оформление процедур и многие другие.

Таким образом, правовое регулирование административной ответственности юридических лиц сочетает в себе публичноправовые интересы государства по обеспечению правопорядка и необходимость учитывать специфику функционирования организаций как коллективных субъектов. И именно рассмотренная ранее специфика института определяет особенности квалификации правонарушений, сбора доказательств и назначения наказания, формируя особый режим ответственности, существенно отличающийся от ответственности физических лиц.

Виды административных правонарушений и санкции для юридических лиц

Важно заметить, что спектр административных правонарушений, в которых субъектом выступает юридическое лицо, охватывает все ключевые сферы хозяйственной деятельности, а именно предпринимательскую, строительную, экологическую, трудовую, миграционную, а также области пожарной, санитарноэпидемиологической, налоговой, таможенной и валютной деятельности. Однако данная классификация весьма условна, поскольку нередко одно деяние образует совокупность составов в разных отраслях законодательства.

В свою очередь, система наказаний для юридических лиц закреплена в КоАП РФ и включает предупреждение, административный штраф, конфискацию орудия или предмета правонарушения, а также административное приостановление деятельности [2, ст. 3.2].

Наиболее распространенной мерой воздействия является штраф. Согласно действующему законодательству его размер может быть фиксированным либо кратным стоимости предмета правонарушения, сумме неуплаченных платежей или МРОТ, но не выше предельного значения для конкретного состава. Однако при наличии смягчающих обстоятельств [2, ст. 4.2] санкция может назначаться и ниже низшего предела. Так, в отдельных случаях штраф за впервые совершенное нарушение заменяют предупреждением, если отсутствует угроза вреда.

Наконец, стоит обратить внимание, что при назначении наказания учитываются характер правонарушения, финансовое положение юридического лица, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства. Помимо этого, действующим законодательством допускается одновременное привлечение к ответственности юридического лица и виновного должностного лица, поскольку организация отвечает за состояние внутреннего контроля, а должностное лицо следит за надлежащим исполнением обязанностей.

Таким образом, система санкций сочетает имущественные и ограничительные меры, а их применение основано на принципе соразмерности и требует индивидуальной оценки обстоятельств дела с учетом специфики деятельности организации и тяжести нарушения.

Процессуальные особенности привлечения юридических лиц к административной ответственности

Сам процессуальный механизм привлечения юридического лица к административной ответственности закреплен в разделах IV и V КоАП РФ. Он включает в себя несколько последовательных стадий, обеспечивающих баланс государственного принуждения и защиты прав организаций. Производство начинается с возбуждения дела при наличии достаточных данных о правонарушении, например, на основании протокола, постановления прокурора, актов проверок и иных документов. Важно отметить, что, согласно главам 23 и 28 КоАП РФ, полномочия по составлению протоколов и рассмотрению дел распределены между широким кругом органов, среди которых инспекции труда, МЧС, Роспотребнадзор, Ростехнадзор, налоговые, таможенные органы и многие другие [2].

При составлении протокола юридическому лицу и его представителю разъясняются права и обязанности по ознакомлению с материалами дела, представлению доказательств, заявлению ходатайств и помощи защитника [2, ст. 25.1–25.5]. В рамках производства зачастую применяются меры обеспечения, затрагивающие имущественную сферу организации, среди которых осмотр помещений, изъятие вещей и документов, арест товаров и транспортных средств, а также, в исключительных случаях, временный запрет деятельности.

Далее, по итогам рассмотрения выносится постановление о наказании либо о прекращении дела. Необходимо отметить, что юридическое лицо вправе обжаловать постановление путем обращения в вышестоящий орган или в суд. Подведомственность дел, в данном случае, зависит от характера правонарушения. Так, дела, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью, рассматриваются арбитражными судами, а дела иных категорий подведомственны судам общей юрисдикции [2].

Важным ограничением в рамках рассмотрения дел о правонарушениях, совершенных организациями, являются сроки давности по ст. 4.5 КоАП РФ. По общему

правилу срок давности правонарушения составляет 2 месяца, а при рассмотрении дела судьей он увеличивается до 3 месяцев. Однако по отдельным категориям правонарушений, например, в сфере рекламы, экологии, труда, санитарноэпидемиологического благополучия и некоторых других, срок давности увеличен до 1 года [2, ст. 4.5]. Нарушение сроков давности влечет за собой обязательное прекращение производства по делу.

Наконец, ключевое значение при рассмотрении дел о правонарушениях, совершенных юридическими лицами, имеет распределение бремени доказывания при соблюдении презумпции невиновности [2, ст. 1.5]. Согласно действующему законодательству, доказать событие правонарушения, его квалификацию и вину организации обязан именно орган, ведущий производство. При этом на практике решающую роль играет внутренняя документация юридического лица, а именно приказы, регламенты, журналы инструктажей, акты или договоры, которые позволяют подтвердить принятие необходимых мер либо, напротив, свидетельствует об отсутствии системы внутреннего контроля, что может расцениваться как признак вины.

Таким образом, процессуальный порядок привлечения юридических лиц к административной ответственности сочетает оперативность реагирования органов власти и гарантии защиты прав юридических лиц, что влияет на качество правоприменения и уровень правовой защищенности хозяйствующих субъектов.

Проблемные вопросы и тенденции правоприменения

Несмотря на существенную состоятельность нормативной базы, в регулировании административной ответственности юридических лиц сохраняется ряд проблемных аспектов, активно обсуждаемых в доктрине и правоприменительной практике.

Ключевой проблемой выступает оценочный характер конструкции вины, выраженный в двойственных законодательных формулировках, среди которых, например, «возможность соблюдения норм» и «непринятие зависящих мер» [2, ст. 2.1]. Ввиду этого, суды и органы зачастую применяют одни и те же факты доказательства вины неоднородно. Например, в одних случаях достаточным считают сам факт нарушения при отсутствии документального подтверждения системы внутреннего контроля, а в других, наоборот, анализируют, располагала ли организация реальными ресурсами и средствами для исполнения требований.

Не менее сложен вопрос соотношения вины юридического лица и вины его работников. Так, если нарушение допустил сотрудник вопреки регламентам, организация зачастую должна доказать принятие разумных мер, то есть предшествующее проведение инструктажа, контроль деятельности сотрудников и правильность подбора персонала. Однако закон не фиксирует, освобождает ли недобросовестное поведение работника организацию от ответственности.

Далее, с проблемой вины связан и вопрос пропорциональности санкций. Зачастую, крупные штрафы, исчисляемые кратно МРОТ или стоимости предмета правонарушения, бывают избыточны для малого и среднего бизнеса, а также нецелесообразны для бюджетных организаций [4]. Частично проблему сглаживает практика назначения наказания ниже низшего предела, учета имущественного положения и смягчающих обстоятельств, но единого критерия соразмерности не существует, что ведет к региональным различиям в правоприменении.

Также, дополнительные сложности создают множественность правонарушений и разграничение ответственности юридического лица и должностных лиц, поскольку в реальной практике не всегда ясно, когда допустимо одновременное привлечение обоих субъектов, а когда такая мера создает эффект двойного наказания за одно деяние [4].

Наконец, барьером для защиты прав организаций выступают короткий общий срок давности, затрудняющий доказывание по длящимся нарушениям, и споры о подведомственности между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Однако на данном этапе модернизации регулирование развивается в сторону заметного смягчения репрессивного воздействия и усиления превентивной функции. Основными тенденциями совершенствования законодательства и современной правоприменительной практики выступают:

1. Переход к рискориентированному подходу, который заключается в интенсивном контроле нарушений в отраслях, связанных с категориями риска, например, в сфере финансов и безопасности окружающей среды, что снижает нагрузку на добросовестный бизнес;

2. Расширение профилактических механизмов, включающих в себя предостережения, профилактические визиты, консультирование и программы аудита, при которых добровольно раскрытые нарушения не влекут наказания;

3. Гуманизация санкций, то есть замена штрафа предупреждением при первом нарушении, учет малозначительности правонарушения и развитие примирительных процедур;

4. И, наконец, систематизация КоАП РФ, которая включает в себя уточнение норм об ответственности юридических лиц, составов и размеров санкций и устранение других имеющихся пробелов и противоречий.

В заключение, среди возможных перспектив дальнейшего развития рассматриваемого института видится целесообразным закрепление четких критериев вины, стандартизация оценки «принятых мер» через отраслевые требования, внедрение цифровых инструментов контроля, а также дифференциация ответственности с учетом масштаба деятельности и характера вреда. Реализация данных направлений позволит сбалансировать публичный интерес в наступлении ответственности за правонарушение и защиту хозяйствующих субъектов от

чрезмерного давления, формируя более предсказуемую правовую среду.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование административной ответственности юридических лиц представляет собой сложный, многоуровневый институт, сочетающий публичноправовые интересы государства и необходимость учета специфики деятельности коллективных субъектов. Его основу составляет КоАП РФ, который закрепляет особый подход к определению вины организации, системе санкций и процессуальным механизмам привлечения к ответственности.

Рассмотренные ранее процессуальные особенности производства по делам об административных правонарушениях в отношении юридических лиц обеспечивают баланс между эффективностью государственного контроля и гарантиями защиты прав организаций. Причем, существенную роль, в данном случае, играют презумпция невиновности, распределение бремени доказывания, сроки давности привлечения к ответственности, а также специальные правила подведомственности.

Важно отметить, что институт административной ответственности юридических лиц до сих пор продолжает развиваться, в том числе в направлении сочетания обязательности наступления ответственности за правонарушения и защиты добросовестного бизнеса. Дальнейшее совершенствование института должно быть ориентировано на повышение правовой определенности, снижение избыточного административного давления и формирование условий для устойчивого функционирования хозяйствующих субъектов в рамках правового поля.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (часть 1). — Ст. 1.
3. Седых В. В., Корчма А. А. Доктринальные и нормативно-правовые основы административной ответственности юридических лиц // Вестник науки. — 2025. — № 12 (93), т. 3. — С. 692–702.
4. Шурухнова, Д. Н. Административная ответственность юридических лиц: современное состояние, перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. — 2026. — № 3. — С. 166–171.

Понятие и формы квалифицированной юридической помощи по делам об административных правонарушениях: теоретико-правовой аспект

Джуманьязов Азат Хаджи-Муратович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются теоретико-правовые аспекты понятия и форм квалифицированной юридической помощи применительно к производству по делам об административных правонарушениях. На основе анализа конституционных положений, норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и доктринальных источников раскрывается содержание квалифицированной юридической помощи в административно-деликтном процессе, выявляются ее сущностные характеристики и особенности. В заключении автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства в части закрепления института обязательного участия защитника и механизма бесплатной юридической помощи по назначению.

Ключевые слова: *квалифицированная юридическая помощь, административное правонарушение, защитник, адвокат, формы юридической помощи, производство по делам об административных правонарушениях, бесплатная юридическая помощь, соглашение об оказании юридической помощи.*

В системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в главе 2 Конституции Российской Федерации, особое место занимает право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Значимость данной гарантии подчеркивается ее универсальным характером, поскольку она распространяется на все сферы правоприменительной деятельности, включая производство по делам об административных правонарушениях. Однако, несмотря на конституционное закрепление, легальная дефиниция понятия «квалицированная юридическая помощь» в российском законодательстве отсутствует, а ее содержание

и формы применительно к административно-деликтному процессу остаются предметом научных дискуссий.

В отраслевом законодательстве можно обнаружить лишь косвенную легальную характеристику данного феномена. Положения ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1] (далее — ФЗ № 63-ФЗ) устанавливают, что «адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию». Данная формулировка, по сути, отождествляет два понятия, адвокатская деятельность и квалифицированная юридическая помощь. В доктрине сформировалось два основных методологических подхода к определению искомого понятия, которые условно можно обозначить как субъективный (формально-статусный) и содержательный (функционально-деятельностный) [4, с. 35–36].

Первый подход концентрируется на характеристиках лица, оказывающего юридическую помощь, выводя его квалификацию и правовой статус в качестве определяющего критерия. Наиболее последовательно данная позиция выражена в работах Т. В. Записной [3, с. 20] и разделяющего ее взгляды Г. А. Тутханяна [8, с. 147–149]. По их мнению, юридическая помощь может считаться квалифицированной только в тех случаях, когда она осуществляется на профессиональной основе и оказывается лицом, имеющим на это право. В рамках данной логики ключевое значение приобретают формальные критерии допуска к профессии: наличие высшего юридического образования, стаж работы по специальности, сдача квалификационного экзамена и получение соответствующего статуса. Именно эти формальные маркеры, по мнению сторонников данного подхода, позволяют презюмировать способность лица оказать помощь надлежащего качества.

В рамках данной позиции особое значение приобретает правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в ряде его решений [5; 6]. Проверяя конституционность положений ФЗ № 63-ФЗ, предусматривающих обязательную сдачу претендентом квалификационного экзамена, суд указал, что Конституция РФ не содержит критериев, соблюдение которых свидетельствует о должном уровне квалификации лиц, оказывающих юридическую помощь, поскольку определение таких критериев относится к компетенции законодателя, который должен исходить из необходимости обеспечения задач правосудия, конституционного принципа состязательности и равноправия сторон, а также обязанности государства обеспечить каждому именно квалифицированную юридическую помощь.

Второй, содержательный подход, смещает акцент с личности субъекта на саму деятельность по оказанию помощи, ее цели и качественные характеристики. Наиболее развернутое определение в рамках данной парадигмы предложено А. В. Закомолдиным, который сформулировал его в двух взаимосвязанных аспектах. В широком смысле квалифицированная юридическая помощь определяется им как «деятельность определенных нормами международного и внутригосударственного права субъектов — профессиональных юристов, заключающаяся в разъяснении смысла нормативно-правовых установлений и совершении юридических и фактических действий, направленных на защиту или восстановление прав, свобод и законных интересов каждого». В узком, процессуальном смысле, ученый определяет право на такую помощь как «обеспеченную уголовно-процессуальными средствами возможность каждого получить в рамках уголовного процесса правовую помощь, направленную на защиту или восстановление его прав, свобод и законных интересов» [2, с. 5–6].

Данные определения представляют значительную научную ценность, так как фокусируются на функциональном назначении института и его телеологической направленности. Вместе с тем, они не лишены определенной неполноты, поскольку оставляют без четкого ответа вопрос о том, какие именно параметры деятельности и какие критерии качества позволяют в каждом конкретном случае оценить оказываемому помощь как действительно квалифицированную. Очевидно, что для разрешения этого вопроса необходим синтез обоих подходов, позволяющих учесть как формальные требования к субъекту, так и содержательные характеристики его деятельности.

Синтез изложенных позиций позволяет выделить следующие сущностные характеристики, образующие содержание понятия «квалифицированная юридическая помощь». Институционально-статусный аспект предопределяет, что помощь должна оказываться лицом, обладающим особым правовым статусом, который служит формальным подтверждением наличия у него необходимых теоретических знаний и практических навыков. Содержательно-деятельностный аспект раскрывается через анализ функционального назначения и конкретных форм осуществления рассматриваемой деятельности. Этико-квалификационный аспект позволяет отграничить действительно квалифицированную помощь от юридической услуги ненадлежащего качества.

Следует также четко отграничить квалифицированную юридическую помощь от иных, смежных с ней правовых явлений. В современной юридической практике широкое распространение получило оказание «юридических услуг» на возмездной основе лицами, не обладающими каким-либо специальным статусом. Такая деятельность может быть как квалифицированной, так и нет, однако она не тождественна конституционной гарантии, закрепленной в ст. 48. Принципиальное отличие заключается в публично-правовой природе последней. Как подчеркивает Г. М. Резник, квалифицированная юридическая помощь — публичная функция государства, и именно поэтому такая деятельность не может быть по самой своей природе предпринимательской, направленной на извлечение прибыли [7, с. 25–27].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее определение квалифицированной юридической

помощи — публично-значимая, некоммерческая профессиональная деятельность, осуществляемая лицами, чья компетентность подтверждена в установленном законом порядке, содержание которой является совершение в интересах доверителя комплекса процессуальных и консультационных действий, направленных на защиту или восстановление его прав, свобод и законных интересов, а также на обеспечение доступа к правосудию, осуществляемая в строгом соответствии с обязательными профессиональными и этическими стандартами под контролем уполномоченных органов профессионального сообщества.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102; 2024. — № 18. — Ст. 2396.
2. Закомолдин А. В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России (понятие, содержание, гарантии): автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 21 с.
3. Записная Т. В. К вопросу о содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь». Новочеркасск: ЮРГТУ, 2013. 22 с.
4. Косолапова Н. А. Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе: дисс. … канд. юр. наук. Белгород, 2016. 156 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 364-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Соколова Андрея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=40682&ysclid=mqtxod4sli65563199#mRQWaNV2SuwlERSX (дата обращения: 12.03.2026).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72200962/?ysclid=mqtxqhhbex956265924 (дата обращения: 12.03.2026).
7. Резник Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25–27.
8. Тутханян Г. А. О некоторых аспектах определения понятия «Квалифицированная юридическая помощь» в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 147–149.

Применение мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком обязательств, предусмотренных государственным контрактом на поставку товара для государственных и муниципальных нужд

Дзюба Алеся Владимировна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается одна из ключевых проблем, связанных с мерами ответственности при исполнении государственного контракта, заключённого по итогам открытого электронного аукциона на основании Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ).

Анализируются финансовые санкции (штрафы, пени), репутационные меры (включение в реестр недобросовестных поставщиков) и практика их применения судами.

Ключевые слова: *государственный контракт, поставка товара, государственные и муниципальные нужды, заказчик, поставщик, постановление, закон, неустойка, реестр недобросовестных поставщиков, судебная практика.*

Важность вопроса ответственности участников государственных и муниципальных контрактов на поставку товаров, работ, услуг обусловлена их высокой значимостью в экономическом развитии и обеспечении стабильного функционирования государства. Именно через систему госконтрактов в первую очередь реализу-

ется государственно-частное партнёрство, выступающее фундаментом для выстраивания общественных связей и становления гражданского общества.

Специфика ответственности сторон по государственным и муниципальным контрактам во многом определяется нормами Федерального закона № 44-ФЗ. Он предусматривает чёткие требования к исполнению обязательств и устанавливает комплекс мер ответственности сторон и мер воздействия как на недобросовестных поставщиков, так и на заказчиков, участвующих в процессе исполнения обязательств по государственному контракту для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Особенностью исполнения государственных контрактов является детальная регламентация мер ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по государственному контракту. Стороны несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации и требованиями, установленными в государственном контракте.

Требования об уплате штрафов и пеней устанавливаются ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, а размер неустоек (штрафов, пеней) рассчитывается на основании правил, установленных Постановлением Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем))» (далее — Правила № 1042).

При этом заказчик не вправе отказаться от начисления неустойки. Если заказчик её не начислит, контролирующие органы могут расценить это как неэффективное расходование бюджетных средств.

Закон разграничивает две базовые санкции. Пеня начисляется за просрочку исполнения обязательств (ч. 7 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ) и исчисляется за каждый день просрочки, штраф — за неисполнение или ненадлежащее исполнение любых иных обязательств (ч. 8 ст. 34), в том числе гарантийных, за каждый факт нарушения. Такое разграничение имеет принципиальное значение: просрочка исключена из оснований начисления штрафа, попытка заказчика взыскать штраф именно за просрочку противоречит закону и Правилам № 1042.

Ответственность поставщика носит комплексный характер. Помимо финансовых санкций Федеральный закон № 44-ФЗ предусматривает и репутационные меры.

В случае существенного нарушения условий контракта заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации, если это было предусмотрено контрактом (ч. 9 ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ).

Решение об одностороннем отказе от исполнения контракта заказчик формирует с использованием единой информационной системы, подписывает усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени заказчика, и размещает такое решение в единой информационной системе. Датой поступления поставщику решения об одностороннем отказе от исполнения контракта считается дата размещения такого решения в единой информационной системе в соответствии с часовой зоной, в которой расположен поставщик.

Размещение решения в единой информационной системе считается надлежащим уведомлением поставщика об одностороннем отказе от исполнения контракта.

Заказчик не позднее двух рабочих дней, следующих за днём вступления в силу решения об одностороннем отказе в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением поставщиком обязательств, направляет в соответствии с порядком, предусмотренным п. 1 ч. 10 ст. 104 Федерального закона № 44-ФЗ, обращение в контрольный орган (Федеральная антимонопольная служба или её территориальный орган, орган местного самоуправления) о включении информации о поставщике в реестр недобросовестных поставщиков. Решение о включении сведений в реестр принимает контрольный орган, а не сам заказчик.

Сведения о недобросовестном поставщике включаются сроком на два года. Поставщик вправе обжаловать такое решение в судебном порядке.

Нахождение в реестре недобросовестных поставщиков юридически блокирует участие поставщика в закупках в течение двух лет.

Заказчики не вправе заключать контракты с участниками, сведения о которых содержатся в реестре (ст. 31 Федерального закона № 44-ФЗ).

Данная мера может повлечь для поставщика утрату доступа к рынку государственных закупок и существенные финансовые потери.

Включение сведений в реестр влечёт за собой также репутационные риски, существенно осложняющие работу поставщика с коммерческими организациями и заказчиками.

Ответственность предусмотрена и для заказчика. В случае просрочки оплаты товара поставщик вправе требовать уплаты пеней. За иные нарушения обязательств (например, неправомерный отказ от приёмки товара) предусмотрен штраф, который варьируется от 1000 до 100 000 руб. в зависимости от цены контракта.

Таким образом, меры ответственности по Федеральному закону № 44-ФЗ носят симметричный по конструкции, но асимметричный по последствиям характер.

Если для заказчика основным риском является финансовый (штраф, пени) и административный (штраф на должностное лицо), то для поставщика — репутационно-финансовый, что отражает публично-правовую направленность контрактной системы и её ориентацию на защиту государственных интересов.

Судебная практика

Несмотря на правила, установленные законодательством и постановлениями правительства, в правоприменительной практике между заказчиком и поставщиком возникает ряд проблем, связанных с начислением, взысканием и снижением штрафов и пеней по государственным и муниципальным контрактам.

Проблемы применения мер ответственности наглядно демонстрирует судебная практика, позволяющая проследить своеобразную «лестницу» санкций от штрафа за отдельный факт нарушения до полного возврата уплаченного по контракту.

Штраф за неисполнение гарантийного обязательства как самостоятельная санкция. Арбитражный суд Хабаровского края по делу № А73–10320/2026 взыскал с поставщика автоматизированных рабочих мест штраф в размере 5000 руб. за неисполнение гарантийного обязательства по замене дефектных системных блоков. Суд исходил из того, что санкция начисляется за сам факт неисполнения обязательства (п. 12.4 контракта, ст. 330 ГК РФ) — независимо от того, что поставка была осуществлена в срок и оплачена заказчиком. Размер штрафа соответствует п. 6 Правил № 1042: при цене контракта от 3 млн до 50 млн руб. за нарушение обязательства, не имеющего стоимостного выражения, штраф составляет 5000 руб. за каждый факт. При этом суд не снизил неустойку по ст. 333 ГК РФ, поскольку ответчик, не явившийся в заседание, правом на заявление о снижении не воспользовался (п. 71 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7) [7].

Поставка продукции, не соответствующей обязательным требованиям, — основание для возврата всей уплаченной суммы. Качественно иной уровень ответственности иллюстрирует дело № А81–3922/2026, рассмотренное Арбитражным судом Ямало-Ненецкого автономного округа. Учреждение здравоохранения по контракту, заключённому в рамках Федерального закона № 44-ФЗ, закупило смесь белковую композитную, предназначенную для диетического лечебного и профилактического питания. Поставщик представил свидетельство о государственной регистрации продукции, однако вступившим в законную силу приговором суда было установлено: результаты оценки клинической эффективности и переносимости продукта, на основании которых состоялась государственная регистрация, были сфальсифицированы — клинические исследования фактически не проводились. Более того, узнав о возбуждении уголовного дела в связи с подложными результатами исследований, поставщик продолжил отгрузку второй партии товара, не предприняв мер, предусмотренных ст. 38 Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» для предотвращения причинения вреда [8].

Суд пришёл к выводу, что поставленный товар не соответствует требованиям контракта и обязательным требованиям технических регламентов Таможенного союза (ТР ТС 021/2011, ТР ТС 027/2012): свидетельство о государственной регистрации, выданное на основании документа с ложными сведениями, не подтверждает качество и безопасность продукции, а последующее представление протоколов испытаний не может «легализовать» ранее поставленный товар, поскольку такой способ подтверждения качества ведёт к обходу требований технического регулирования. Нарушение признано существенным в смысле п. 2 ст. 475 и п. 2 ст. 523 ГК РФ, поэтому учреждение обоснованно отказалось от исполнения договора и потребовало возврата 399 270 руб. за неиспользованную часть товара. Одновременно суд, ссылаясь на правовую позицию Верховного Суда РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.08.2020 № 309-ЭС20–9064), указал на обязанность покупателя возвратить поставщику оставшийся товар — для сохранения эквивалентности встречных предоставлений при реституции [9].

На момент подготовки статьи оба приведённых судебных акта не вступили в законную силу: не истёк месячный срок на апелляционное обжалование. Ссылки на них используются в работе исключительно в целях иллюстрации подходов судов первой инстанции к разрешению спорных вопросов, итоговая оценка позиций может быть уточнена с учётом результатов рассмотрения апелляционных жалоб.

Одновременное взыскание пеней и штрафа и его предел. Практика исходит из допустимости одновременного взыскания с поставщика и пеней за просрочку, и штрафа за ненадлежащее исполнение (эти меры имеют разное назначение). При этом совокупная сумма начисленной неустойки (штрафов и пеней) не может превышать цену контракта, если иное не предусмотрено самим контрактом.

Сопоставление приведённых дел показывает, что меры ответственности в контрактной системе выстраиваются по принципу соразмерности нарушению. Отдельное нарушение гарантийных обязательств при поставке надлежащего по остальным параметрам товара влечёт штраф за сам факт нарушения, поставка же продукции, безопасность которой не подтверждена в установленном порядке, квалифицируется как существенное нарушение и открывает заказчику путь к решительным действиям — отказу от исполнения контракта, требованию возврата денежных средств и постановке вопроса об ответственности вплоть до уголовно-правовой.

При этом примечательно, что в деле № А81–3922/2026 заказчик ограничился требованием о возврате денежных средств, не начислив штраф за ненадлежащее исполнение.

Меры ответственности не кумулятивны в автоматическом порядке, а их выбор остаётся за заказчиком, который соизмеряет санкции с характером и тяжестью нарушения.

Выводы

Проведённый анализ подтверждает, что меры ответственности по Федеральному закону № 44-ФЗ действи-

тельно носят симметричный по конструкции, но асимметричный по последствиям характер: для заказчика основными рисками остаются финансовые и административные санкции, тогда как для поставщика они дополняются репутационными потерями и невозможностью участвовать в закупках на срок до двух лет.

Такая конструкция отражает приоритет защиты публичных интересов, однако порождает практические сложности в применении неустоек — от квалификации нарушений (разграничение просрочки и ненадлежащего исполнения) до определения их соразмерности и снижения.

Судебная практика показывает, что эффективность механизма ответственности прямо зависит от чёткости условий контракта, последовательности действий заказчика и подходов контрольных и судебных органов.

При этом остаются нерешёнными вопросы списания неустоек в отдельных ситуациях и критерии их соразмерности. Для достижения баланса между защитой интересов государства и недопущением чрезмерной нагрузки на добросовестного поставщика требуется дальнейшее совершенствование нормативного регулирования и единообразие судебной и административной практики.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. О техническом регулировании : Федеральный закон от 27.12.2002 № 184ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5140.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
5. Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения каждого обязательства, предусмотренного контрактом, соответственно заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем)) : постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 37. — Ст. 5432.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
7. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 06.11.2026 по делу № А73–10320/2026 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/d522f7c0-cd08-42e0-9b81-0d31256bf745 (дата обращения: 07.11.2026).
8. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа по делу от 07.04.2026 по делу № А81–3922/2026 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/992c9d1b-15ef-46d2-8208-456a9a0237f4 (дата обращения: 07.11.2026).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.08.2020 № 309-ЭС20–9064 по делу № А76-4808/2019 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18082020-n-309-es20-9064-po-delu-n-a76-48082019/ (дата обращения: 15.11.2026).

Проблемы признания лиц бывшими членами семьи собственника жилого помещения в судебной практике

Долгачева Алена Сергеевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуется проблема определения статуса бывшего члена семьи собственника жилого помещения и прекращения его права пользования жильём. Анализируются нормы жилищного и гражданского законодательства, а также разъяснения Верховного Суда РФ, раскрывающие основания прекращения семейных отношений и критерии утраты соответствующего статуса. На примерах судебной практики демонстрируется неоднозначность подходов судов к оценке

юридически значимых обстоятельств. Также внимание уделено противоречивым решениям по спорам между родителями и совершеннолетними детьми.

Ключевые слова. признание бывшим членом семьи, прекращение семейных отношений, члены семьи, право пользования жилим помещением, собственник жилого помещения

Участники жилищных правоотношений разнообразны. Среди них особо выделяются собственники жилых помещений, чьи права и интересы непосредственно находятся под защитой не только жилищного, но и гражданского, уголовного, административного законодательства.

Как правило, наряду с собственником в жилом помещении также проживают члены его семьи, которым, в соответствии с п. 1 ст. 292 ГК РФ [1] и ч. 1 ст. 31 ЖК РФ [2] предоставлено право пользования данным недвижимым имуществом. Важно отметить, что именно статус члена семьи собственника предоставляет субъекту возможность беспрепятственно проживать в жилом помещении. Тем не менее, семейные узы не всегда удается сохранить, что неизбежно влечет наступление определенных последствий, связанных с изменением, как семейного статуса лица, так и содержания его прав и обязанностей.

Следуя смыслу ч. 4 ст. 31 ЖК РФ [2], основанием прекращения ограниченного вещного права на жилое помещение у бывших членов семьи собственника является прекращение между ними семейных отношений.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда № 14 от 2009 года (далее — ПП ВС № 14) [3] дается разъяснение, что под бывшим членом семьи понимается «лицо, с которым у собственника прекращены семейные отношения». В доктрине представлены различные позиции относительно определения статуса данной категории лиц, тем не менее, как отмечает Н. М. Савельева «объединяет их одно: в качестве оснований ученые называют прекращение семейных отношений и (или) прекращение совместного проживания» [4].

Далее Верховным судом поясняется, что «под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным». В данном случае речь идет о прекращении семейных связей между супругами, не затрагивая, однако, других бывших родственников.

При этом круг лиц, которые могут признаваться в качестве членов семьи собственника жилого помещения, определятся достаточно полно и исчерпывающе. Так, согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ и п. 11 ПП ВС № 14: «членами семьи являются проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника» [3]. Также в качестве таковых могут признаваться и «другие родственники независимо от степени родства (например, бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети, племянники, племянницы и другие) и нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи, если они вселены в качестве членов своей семьи» по волеизъявлению собственника.

Следует отметить, что для признания других родственников, помимо супругов, бывшими членами семьи установлен ряд общих критериев, которые должны учитываться судами в каждом конкретном случае. К ним относятся: «отказ от ведения общего хозяйства иных лиц с собственником жилого помещения, отсутствие у них с собственником общего бюджета, общих предметов быта, неоказание взаимной поддержки друг другу и т. п., а также выезд в другое место жительства» [3].

При этом Верховный Суд уточняет, что «отсутствие ведения общего хозяйства собственником жилого помещения с членом семьи либо прекращение ими ведения общего хозяйства само по себе не может свидетельствовать о прекращении семейных отношений» [3], тем самым определяя необходимость судов учитывать данные основания в совокупности с другими доказательствами, представляемыми сторонами в том или ином случае. Представляется, что перечень критериев для признания лиц бывшими членами семьи не является исчерпывающим и определяется через обстоятельства, носящие оценочный характер, ввиду чего на практике возникают случаи, когда суды выносят незаконные решения.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции рассмотрела гражданско дело по иску собственника 1/3 доли домовладения, по которому тот потребовал прекратить право пользования своей дочери и выселить её вместе с супругом. Поводом стали конфликты, переезд истца к другой дочери и, по его утверждению, невозможность совместного проживания. Ответчики, в свою очередь, заявили встречный иск о сохранении за ними права пользования спорными помещениями, ссылаясь на то, что дочь истца вселена в дом с рождения дедушкой — прежним собственником, зарегистрирована там с 1970 года, кроме того, они несли бремя содержания жилья, произвели неотделимые улучшения, а также не имеют иного жилья.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, исходя из того, что ответчики членами семьи собственника не являются, общего хозяйства с истцом не ведут, а потому семейные отношения с дочерью прекращены. С учётом преклонного возраста истца и конфликтов суд признал невозможным совместное проживание, прекратил право пользования дочери истца и выселил обоих ответчиков, сохранив при этом за дочерью истца право пользования на четыре месяца как за бывшим членом семьи, не имеющим иного жилья.

Апелляционная инстанция оставила решение без изменения, отклонив апелляционную жалобу ответчиков.

И только Кассационная инстанция с позициями нижестоящих судов не согласилась и, изучив дело, указала, что суды неверно определили юридически значимые обстоятельства. По её мнению, главным вопросом было установить, приобрела ли дочь истца равное с ним право пользования спорной площадью на момент вселения, поскольку была вселена своими родителями в качестве члена семьи и проживала в доме непрерывно и безвыездно с рождения. Суд отметил, что поскольку ведение общего хозяйства между собственниками жилого помещения и лицом, вселенным им в данное жилое помещение, не является обязательным условием признания его членом семьи собственника жилого помещения, то и отсутствие ведения общего хозяйства собственником жилого помещения с указанным лицом либо прекращение ими ведения общего хозяйства само по себе не может свидетельствовать о прекращении семейных отношений с собственником жилого помещения. Следовательно, для правильного разрешения спора, судам необходимо было установить может ли ответчица являться бывшим членом семьи собственника жилого помещения — своего отца [5].

Таким образом, представляется, судам не всегда удается достичь единой позиции при выявлении наличия оснований для признания лиц бывшими членами семьи и в полной мере оценить юридически значимые обстоятельства в каждом конкретном случае.

Также не менее важный вопрос возникает в ситуациях, когда родители просят суд признать бывшими членами семьи своих совершеннолетних детей. Как верно отмечает Т. П. Строганова в своей монографии: «Дети и родители (в отличие от супруга) имеют с собственником ближайшее кровное родство, поэтому прекратить их членство в своей семье собственник может только с позиции права, но не природы».

При этом «механизм перехода ребенка или родителя в статус бывшего члена семьи собственника жилого помещения требует четкого увязывания этого статуса с позицией волеизъявления собственника жилья» [6].

Так, истец обратилась в суд с иском к своему сыну с требованием выселить последнего из квартиры. Свою позицию гражданка мотивировала следующим: ответчик ведет аморальный образ жизни, не работает, пьянствует, постоянно скандалит. Общего хозяйства истец и ответчик не ведут уже более 10 лет, общего бюджета не имеют. Между истцом и ответчиком отсутствует взаимное уважение и взаимная забота, общие семейные интересы, ответственность друг перед другом. Ответчик своим поведением постоянно нарушает покой истца. Тем не менее, суд установил, что ответчик вселён в квартиру матерью в несовершеннолетнем возрасте как член семьи, продолжает проживать в ней, соответственно, родственные связи с истцом не утрачены. Поэтому в выселении ответчика истцу было отказано [7].

Совершенно противоположное решение вынес суд при рассмотрении иска матери о выселении ответчика и его супруги и признании его бывшим членом ее семьи. Ответчик был вселен в квартиру еще при приватизации 2003 года, получив 1/3 доли, однако в 2013 году он подарил свою долю матери, передал ей ключи и с тех пор в квартире фактически не жил: работал вахтовым методом, снимал жилье с женой в других городах, бремя содержания и коммунальные платежи не нес. Суд подчеркнул, что одного родства и прописки для признания членом семьи недостаточно: по действующему законодательству семейные отношения предполагают взаимное уважение, заботу, общие интересы и ведение общего хозяйства. Тем не менее, суд указал: несмотря на то, что ответчик является сыном истца, членом ее семьи он не является, поскольку они на протяжении длительного времени не ведут общего хозяйства, он не участвует в оплате коммунальных услуг, между истцом и ответчиком отсутствует взаимное уважение и взаимная забота, общие интересы, ответственность друг перед другом [8].

Таким образом, в одном случае, суды даже при отсутствии ведения общего хозяйства, а также при явно недоброжелательных отношениях между родителями и детьми, не выселяют последних из жилого помещения. В другом случае, наоборот, не только признают их утратившими право пользования, но и лишают статуса члена семьи. Поэтому можно сделать следующий вывод: по смыслу жилищного законодательства кровные родственники могут перестать быть друг другу членами семьи и соответственно прекратить семейные отношения. Помимо этого, отсутствует единый подход в определении судами значимости факта ведения совместного быта родителями с совершеннолетними детьми при признании их бывшими членами семьи.

Представляется, основания для признания лиц бывшими членами семьи собственника жилого помещения не являются однородными и зависят от различных условий и обстоятельств, складывающихся в отношениях между родственниками. Поэтому на практике возникает множество вопросов при принятии соответствующего решения, которое должно сохранить баланс интересов сторон. Чтобы избежать такого рода ситуаций, предлагается, во-первых, конкретизировать в п. 13 Постановления Пленума ВС РФ № 1, указав перечень оценочных критериев, которыми должны руководствоваться суды при принятии решений по данному вопросу. Представляется возможным также выделить из уже существующих критериев наиболее важные, наличие или отсутствие которых будет влиять непосредственно на дальнейшее разрешение дел судами. Такой позиции придерживается Т. П. Строганова: в положениях действующего законодательства должен предусматриваться некий факт, с наступлением которого можно было бы связывать переход лица в статус бывшего члена семьи собственника» [6]. Во-вторых, следует внести уточнения, что признание совершеннолетних детей бывшими членами семьи собственника, по смыслу жилищного законодательства, не влечет наступления последствий, предусмотренных семейным законодательством, так как «нормы семейного законодательства не должны применяться к жилищно-правовым статусам субъектов» [6].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — (п. 1), Ст. 292.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1), ст. 31.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.3009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
4. Савельева, Н. М. О правовом положении бывших членов семьи собственника жилого помещения / Н. М. Савельева. — 2009. — № 6. — С. 16–22.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2026 г. по делу № 8Г-10432/2026
6. Строгонова, Т. П. Правовой статус членов и бывших членов семьи собственника жилого помещения / Т. П. Строгонова. — Статут, 2022. — 49–55с.
7. Решение Московского районного суда г. Твери от 14.01.2026 по делу № 2–232/2026.
8. Решение Ульяновского районного суда Ульяновской области от 30.01.2020 по делу № 2–1-34/2020.

Зарубежный опыт противодействия коррупции в системе публичной службы и возможности его адаптации в российских условиях

Дубейко Александр Сергеевич, студент магистратуры
Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Ульяновская область)

Цель. На основе сравнительно-правового анализа зарубежных моделей противодействия коррупции в системе публичной службы определить институты и правовые конструкции, которые могут быть учтены при совершенствовании отечественного механизма, а также обозначить пределы такого заимствования. Метод. Формально-юридический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы; материалом послужили нормы национального законодательства, доктринальные исследования и оценочные документы наднациональных институтов. Результат. Выделены четыре модели организации противодействия коррупции, различающиеся соотношением репрессивных и превентивных мер, степенью институциональной специализации и ролью негосударственных субъектов; обоснованы пять направлений адаптации зарубежного опыта (обеспечение функциональной самостоятельности антикоррупционных подразделений, устранение экономических предпосылок коррупции, оценка коррупционных рисков, защита заявителей, прозрачность процедур). Выводы. Результативность успешных практик определяется не отдельным институтом, а комплексностью воздействия; переносу подлежит функциональное ядро института, а не его внешняя форма.

Ключевые слова: *коррупция, публичная служба, зарубежный опыт, сравнительно-правовой анализ, антикоррупционные органы, конфликт интересов, прозрачность, адаптация законодательства.*

Foreign experience in countering corruption in the public service system and the possibilities of its adaptation to Russian conditions

Dubeyko Aleksandr Sergeevich, master's student
Dimitrovgrad Institute of Engineering and Technology — a branch of the National Research Nuclear University "MEPhI" (Ulyanovsk Oblast)

Background. The article addresses the applied problem of identifying foreign legal instruments in the field of anti-corruption that have proven effective and may be taken into account while improving the Russian public service mechanism. Methods. Formal legal, comparative legal and structural-functional analysis of national legislation, doctrinal sources and monitoring documents of supranational institutions. Result. Four models of anti-corruption organization are distinguished by the balance of repressive and preventive measures, the degree of institutional specialization and the involvement of non-state actors; five directions of adaptation are substantiated. Conclusion. The effectiveness of successful practices stems from the complexity of impact rather than from a single institution; what is transferable is the functional core of an institution, not its external form.

Keywords: *corruption, public service, foreign experience, comparative legal analysis, anti-corruption bodies, conflict of interest, transparency, legislative adaptation.*

Российский механизм противодействия коррупции к настоящему времени обладает развитой многоуровневой нормативной основой и сформированной институциональной инфраструктурой: действует профильный федеральный закон, функционируют подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений, введены механизмы декларирования и урегулирования конфликта интересов. Вместе с тем данные правоприменительной статистики и результаты международных мониторингов устойчиво указывают на разрыв между нормативной моделью и практикой ее реализации. Именно этот разрыв делает обращение к зарубежному опыту не академическим упражнением, а инструментом поиска решений.

Прикладной характер такого исследования следует подчеркнуть специально. Задача состоит не в описании иностранных институтов как таковых, а в выявлении правовых конструкций, доказавших результативность в сопоставимых условиях, и в оценке возможности их использования при доработке отечественного законодательства [1, с. 40]. Отсюда вытекает требование к методу: сравнительно-правовой анализ должен завершаться не констатацией различий, а определением того, что именно в чужом институте является переносимым, а что — сугубо национальным.

В доктрине сложилось несколько подходов к классификации национальных систем противодействия коррупции. Наиболее продуктивным представляется критерий, объединяющий три признака: соотношение репрессивных и превентивных мер, степень институциональной специализации и роль негосударственных субъектов [2, с. 58]. По этому основанию выделяются сингапурско-гонконгская, континентально-европейская, англосаксонская и североевропейская модели; особое место занимает китайский вариант, реализуемый в условиях централизованного партийно-государственного контроля.

Классификация, однако, не должна восприниматься как жесткая схема. Реальные национальные системы обычно сочетают элементы нескольких моделей, а их отнесение к той или иной группе отражает лишь доминирующую тенденцию.

Наиболее часто цитируемый пример радикального снижения уровня коррупции — опыт Сингапура. Институциональным ядром реформы стало создание в 1952 г. Бюро по расследованию коррупционных практик (Corrupt Practices Investigation Bureau, CPIB), наделенного тремя ключевыми характеристиками: организационной самостоятельностью (подчинение непосредственно главе правительства), правом расследовать деяния любого должностного лица, включая высших, и широкими процессуальными полномочиями [6, с. 84].

Не менее существенна экономическая составляющая. Ужесточение ответственности сопровождалось одновременным и значительным повышением оплаты труда государственных служащих, что снижало экономическую мотивацию коррупционного поведения. Дополнительными элементами модели выступают презумпция виновности служащего при обнаружении у него доходов, происхождение которых он не может объяснить, и системная антикоррупционная просветительская работа. Результат — устойчиво высокая позиция государства в международных рейтингах восприятия коррупции: страна стабильно входит в первую пятерку [3; 4].

Для целей настоящего исследования важно подчеркнуть, что сингапурская модель не сводится к созданию органа. Орган без ресурсов, независимости и политической поддержки остался бы декоративным; репрессия без устранения экономических предпосылок дала бы краткосрочный эффект. Работоспособность модели обеспечивается именно сочетанием элементов.

Германский подход строится на подробном нормативном регулировании статуса служащего. Федеральный закон о государственной службе и рамочные законы земель устанавливают запрет на принятие подарков и иных выгод, обязанность сообщать о побочной деятельности, требования к совместимости должностей и механизмы ротации на коррупционно опасных позициях [5, с. 96]. Существенную роль играют дифференцированная дисциплинарная ответственность вплоть до увольнения, система внутреннего контроля и институт антикоррупционных уполномоченных в органах власти.

Принципиальная особенность германской модели — трактовка коррупции прежде всего как управленческого риска, подлежащего систематической оценке и минимизации. Такая оптика переводит проблему из плоскости моральных качеств отдельных лиц в плоскость организации административных процедур, что делает ее технологически удобной для заимствования.

Американская система опирается на этическое регулирование и принудительное раскрытие сведений. Закон об этике в правительстве 1978 г. и последующие акты сформировали обязательное декларирование доходов и имущества, ограничения на переход служащих в частный сектор, а также институт независимых этических советников. Самостоятельное значение приобрели механизмы защиты лиц, сообщающих о нарушениях, и активное участие средств массовой информации и некоммерческих организаций в мониторинге [2, с. 132].

Специфика модели состоит в соединении правовых инструментов с сильной общественной подотчетностью: публичность сведений сама по себе выступает сдерживающим фактором, снижая потребность в рас-

ширении репрессивного аппарата. Исследования показывают при этом, что формальная прозрачность и реальная прозрачность — не одно и то же, и первый показатель не всегда коррелирует со снижением коррупции [7, с. 1104].

Китайская практика представляет собой модель, в которой антикоррупционная политика реализуется в условиях централизованного партийно-государственного контроля. Ключевой институт — система дисциплинарного надзора, обеспечивающая проверку соблюдения служащими установленных требований и строгую ответственность, в том числе за получение подарков и использование служебного положения в личных целях. Характерная черта — сочетание жесткой репрессивной составляющей с масштабной идеологической работой [8, с. 228].

Модель демонстрирует результативность в краткосрочной перспективе, однако ее переносимость ограничена: она неотделима от специфической институциональной среды и не предполагает автономии контрольных органов от политического руководства.

Североевропейский вариант, напротив, характеризуется отсутствием специализированного «антикоррупционного» органа. Акцент сделан на прозрачности административных процедур, свободном доступе к публичной информации, высоком уровне доверия к государству и этических стандартах служебного поведения [9, с. 121]. Практика свидетельствует, что низкий уровень коррупции достижим не только через репрессию, но и через создание условий, при которых коррупционное поведение становится экономически невыгодным и социально неприемлемым.

Этот вывод важен методологически: он показывает, что институциональная специализация не является универсальным условием успеха, а лишь одним из возможных путей.

Существенное влияние на национальные модели оказывают наднациональные институты. Группа государств против коррупции (ГРЕКО) осуществляет мониторинг выполнения государствами-участниками антикоррупционных стандартов Совета Европы, публикуя оценочные доклады и адресные рекомендации [10]. Организация экономического сотрудничества и развития развивает стандарты противодействия подкупу иностранных должностных лиц и продвижения добросовестности в публичном секторе. Управление ООН по наркотикам и преступности обеспечивает реализацию Конвенции ООН против коррупции, а Всемирный банк использует агрегированные показатели качества государственного управления, включая показатель «контроль коррупции» [1, с. 43].

Эти институты формируют общую систему координат, в которой оцениваются национальные усилия, и создают внешние стимулы для последовательного совершенствования законодательства — эффект, который в отечественной литературе недооценивается.

Проведенный анализ позволяет выделить пять направлений, представляющих интерес для отечественного механизма.

Во-первых, опыт создания независимых антикоррупционных органов с широкими полномочиями. Российское законодательство предусматривает подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений, однако их функциональная самостоятельность и ресурсное обеспечение остаются предметом дискуссии [6, с. 214].

Во-вторых, увязка репрессивной политики с повышением уровня материального обеспечения служащих. Устойчивое снижение коррупции невозможно без устранения ее экономических предпосылок, и сингапурский опыт здесь наиболее показателен.

В-третьих, германский подход к оценке коррупционных рисков как элементу служебной деятельности, предполагающий регулярную идентификацию «точек риска» в административных процедурах.

В-четвертых, американская практика защиты лиц, сообщающих о нарушениях, указывающая на необходимость развития гарантий для служащих, добросовестно информирующих о фактах коррупции.

В-пятых, североевропейский опыт, подтверждающий, что решающим фактором долгосрочной устойчивости системы выступает не количество запретов, а прозрачность процедур, открытость информации и сформированная антикоррупционная культура.

Следует отчетливо представлять ограничения предложенного подхода. Механическое копирование зарубежных институтов без учета правовых традиций, структуры государственного аппарата и уровня социального доверия, как правило, не дает ожидаемого эффекта: институт, работоспособный в одной правовой системе, может оказаться недееспособным в другой. Продуктивна не пересадка института как такового, а адаптация его функционального ядра — принципа независимости, прозрачности, неотвратимости ответственности или предупреждения — к отечественной правовой системе [5, с. 148].

Так, зарубежный опыт демонстрирует многообразие моделей противодействия коррупции в системе публичной службы, различающихся соотношением репрессивных и превентивных мер, степенью институциональной специализации и ролью институтов гражданского общества. Общая закономерность успешных практик — комплексность: репрессия, профилактика, прозрачность и антикоррупционная культура действуют в связке, а не изолированно, и ослабление любого элемента снижает эффект остальных.

Наиболее перспективными для российских условий представляются усиление функциональной самостоятельности антикоррупционных подразделений, устранение экономических предпосылок коррупции, систематическая оценка коррупционных рисков, развитие института защиты заявителей и повышение прозрачности административных процедур. Заимствование при этом должно носить адаптивный, а не механический характер.

Литература:

1. Щербинина, А. В. Опыт зарубежных стран в противодействии коррупции / А. В. Щербинина // Алтайский юридический вестник. — 2024. — № 3 (47). — С. 39–45.
2. Противодействие коррупции: учебник / под ред. А. В. Юрковского. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 360 с.
3. Corruption situation in Singapore firmly under control: Annual Statistics Report 2025 [Electronic resource] / Corrupt Practices Investigation Bureau (CPIB). — Singapore. — URL: https://www.cpib.gov.sg (date of access: 03.10.2026).
4. Corruption Perceptions Index 2025 [Electronic resource] / Transparency International. — Berlin. — URL: https://www.transparency.org (date of access: 03.10.2026).
5. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А. И. Землин, О. М. Землина, В. М. Корякин, В. В. Козлов; под общ. ред. А. И. Землина. — Москва: Юрайт, 2023. — 197 с.
6. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / И. В. Левакин, Е. В. Охотский, И. Е. Охотский, М. В. Шедий; под общ. ред. Е. В. Охотского. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 427 с.
7. Mungiu-Pippidi, A. Transparency and corruption: Measuring real transparency by a new index / A. Mungiu-Pippidi // Regulation & Governance. — 2023. — Vol. 17, iss. 4. — P. 1094–1113.
8. Gong, T. Navigating anti-corruption strategies / T. Gong, C. H. Lau // Global Public Policy and Governance. — 2024. — Vol. 4, iss. 3. — P. 225–230.
9. Rothstein, B. Controlling Corruption: The Social Contract Approach / B. Rothstein. — Oxford: Oxford University Press, 2021. — 208 p.
10. Group of States against Corruption (GRECO). 26th General Activity Report (2025) [Electronic resource] / Council of Europe. — Strasbourg. — URL: https://www.coe.int/en/web/greco/documents/general-activity-reports (date of access: 03.10.2026).

Цифровизация административного судопроизводства: проблемы обеспечения доступности и эффективности судебной защиты

Жеватова Регина Раилевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются актуальные направления цифровизации административного судопроизводства в Российской Федерации и их влияние на доступность судебной защиты. Рассматриваются положения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующие подачу электронных документов и участие в судебных заседаниях посредством дистанционных технологий. Особое внимание уделяется проблемам цифрового неравенства, соблюдения процессуальных гарантий и защиты информации. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования административно-процессуального законодательства с учетом интересов участников судопроизводства и требований эффективной судебной защиты.

Ключевые слова: *административное судопроизводство, КАС РФ, цифровизация, электронное правосудие, судебная защита, процессуальные гарантии, доступность правосудия.*

Развитие информационных технологий оказывает заметное влияние на организацию судебной деятельности и способы взаимодействия граждан с государственными органами. Электронная подача документов, получение сведений о движении дела и дистанционное участие в судебных заседаниях постепенно становятся частью современного судопроизводства. Вместе с тем внедрение цифровых решений требует не только технического обеспечения, но и соответствующего правового регулирования. В административном судопроизводстве этот вопрос имеет особое значение, поскольку речь идет о защите прав граждан и организаций в сфере публичных правоотношений, в том числе при оспаривании решений и действий органов государственной власти.

Актуальность темы подтверждается масштабами судебной деятельности. Согласно обзору судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 году в апелляционной инстанции судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ было окончено 852,1 тыс. апелляционных производств по гражданским и административным делам, тогда как в 2023 году данный показатель составлял 892,1 тыс. [1]. Хотя приведенные сведения объединяют две категории судопроизводства, они демонстрируют значительный объем

работы судебной системы и необходимость совершенствования процессуальных механизмов. В таких условиях цифровизация может способствовать повышению организационной эффективности судов, однако ее внедрение должно сопровождаться сохранением доступности правосудия и надлежащих гарантий защиты прав участников процесса.

Основная проблема заключается в необходимости обеспечить баланс между технологическим развитием судебной системы и реальной возможностью граждан пользоваться предоставленными им процессуальными правами. Электронные сервисы упрощают взаимодействие с судом, но одновременно могут создавать трудности для лиц, не обладающих необходимыми техническими навыками или стабильным доступом к цифровым ресурсам. Кроме того, дистанционное участие в судебном заседании требует соблюдения условий, позволяющих полноценно излагать позицию, представлять доказательства и реализовывать иные процессуальные права. Следовательно, дальнейшее развитие административно-процессуального законодательства должно быть направлено не только на расширение цифровых возможностей, но и на предотвращение ситуаций, при которых использование технологий затрудняет доступ к судебной защите.

Правовую основу цифровизации административного судопроизводства составляет Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Статья 3 КАС РФ закрепляет задачи административного судопроизводства, связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. Следовательно, внедрение информационных технологий должно рассматриваться как средство реализации указанных задач, а не как самостоятельная цель развития судебной системы [2].

Одним из основных направлений цифровизации является использование электронных документов. Согласно статье 45 КАС РФ, административное исковое заявление, жалоба и иные процессуальные документы могут подаваться на бумажном носителе или в электронной форме. Кодекс также предусматривает возможность получения электронных копий судебных актов и извещений, а при наличии технической возможности — доступа к материалам административного дела через информационную систему [2]. Подобные механизмы позволяют сократить временные затраты участников процесса, уменьшить необходимость личного посещения суда и упростить передачу процессуальных материалов.

Однако электронный формат не устраняет сложностей, связанных с соблюдением процессуальных требований. При обращении в суд гражданину необходимо правильно определить предмет требований, изложить обстоятельства дела и представить необходимые документы. Ошибки при подготовке заявления могут привести к неблагоприятным процессуальным последствиям независимо от способа его подачи. Поэтому развитие цифровых сервисов целесообразно сопровождать созданием понятных инструкций и доступных средств проверки комплектности документов. При этом автоматизированные подсказки не должны подменять юридическую оценку обращения и полномочия суда.

Отдельного внимания заслуживает проблема цифрового неравенства. Не все участники административного судопроизводства обладают одинаковыми техническими возможностями. Для одних электронное взаимодействие существенно облегчает обращение в суд, для других оно может стать дополнительным препятствием. Особенно это касается граждан, которые испытывают затруднения при работе с информационными системами или не имеют постоянного доступа к необходимым техническим средствам.

В связи с этим представляется обоснованным сохранение возможности использования традиционных способов взаимодействия с судом наряду с электронными сервисами. Цифровизация должна расширять доступные способы реализации процессуальных прав, а не создавать преимущество для лиц, лучше ориентирующихся в информационных технологиях. Такой подход соответствует самой цели административного судопроизводства, поскольку эффективность судебной защиты определяется не только скоростью обработки документов, но и реальной возможностью заинтересованного лица обратиться в суд и отстоять свою позицию.

Важным направлением цифровизации выступает дистанционное участие в судебном заседании. Статья 142.1 КАС РФ регулирует участие в судебном заседании посредством системы веб-конференции. Использование такого механизма возможно при наличии соответствующего ходатайства либо по инициативе суда, если участие лица необходимо для правильного рассмотрения дела, имеются объективные препятствия для его личного присутствия и суд располагает технической возможностью проведения веб-конференции [3].

Данный механизм особенно полезен в ситуациях, когда участник процесса находится на значительном расстоянии от суда. Дистанционное участие способно снизить транспортные расходы и облегчить доступ к правосудию. Вместе с тем техническая возможность подключения не гарантирует полноценного участия в разбирательстве. Перебои связи, недостаточное качество звука и изображения или затруднения при представлении документов могут препятствовать изложению позиции и исследованию доказательств.

Поэтому дальнейшее развитие дистанционных форм судопроизводства должно сопровождаться совершенствованием организационных и процессуальных гарантий. В частности, необходимо обеспечивать своевременное информирование участников о порядке подключения и предусматривать надлежащую процессуальную оценку технических сбоев, если они препятствуют реализации прав. При этом вопрос о проведении заседания посред-

ством веб-конференции должен разрешаться с учетом обстоятельств конкретного дела, а не исключительно исходя из удобства организации судебной деятельности.

Проблематика цифровизации административного судопроизводства получила отражение и в научной литературе. П. А. Курындин исследует российский и французский опыт использования цифровых технологий в административном судопроизводстве, уделяя внимание правовому регулированию дистанционного участия в судебных заседаниях [4]. Л. В. Шеломанова также рассматривает перспективы цифровизации и связанные с ней проблемы реализации процессуальных прав, обращая внимание на значение доступности правосудия и совершенствования нормативной основы судебной деятельности [5].

Анализ указанных исследований позволяет сделать вывод, что цифровое преобразование судопроизводства следует оценивать комплексно. Оно затрагивает не только техническую организацию работы суда, но и процессуальное положение участников дела, возможность реализации права на судебную защиту и соблюдение принципов административного судопроизводства.

Еще одним существенным вопросом является защита информации. Электронный документооборот предполагает обработку сведений об участниках процесса, обстоятельствах спора и представленных доказательствах. В этой связи необходимо учитывать положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6; 7]. Их требования имеют значение для обеспечения конфиденциальности сведений и надлежащей организации работы с информацией в электронной форме.

При подаче процессуальных документов в электронной форме необходимо соблюдать требования к электронной подписи. Соответствующие правовые основы установлены Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [8]. Применение электронной подписи позволяет обеспечить выполнение предусмотренных законодательством требований к подписанию документов, однако конкретный вид подписи должен определяться с учетом правил, установленных для соответствующего способа подачи и категории документа.

Представляется, что совершенствование административно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере должно осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, целесообразно повышать понятность электронных сервисов и обеспечивать участников процесса доступными разъяснениями порядка подачи документов. Во-вторых, необходимо сохранять альтернативные способы обращения в суд для граждан, испытывающих затруднения при использовании цифровых технологий. В-третьих, следует совершенствовать гарантии дистанционного участия в судебном заседании, включая порядок реагирования на технические сбои. Наконец, важным условием дальнейшего развития электронного правосудия остается обеспечение сохранности процессуальных документов и защиты персональных данных.

Таким образом, цифровизация административного судопроизводства должна рассматриваться как комплексное направление совершенствования правового регулирования. Ее результативность зависит не только от внедрения современных технологий, но и от того, насколько эти технологии позволяют участникам процесса реализовать предоставленные им законом права.

Цифровизация административного судопроизводства создает возможности для упрощения взаимодействия граждан с судом, сокращения организационных затрат и повышения доступности судебной защиты. Вместе с тем электронные сервисы и дистанционные формы участия не могут рассматриваться как безусловная гарантия эффективности правосудия. Их использование требует соблюдения процессуальных прав участников, учета проблемы цифрового неравенства и обеспечения информационной безопасности.

Основным направлением совершенствования административно-процессуального законодательства должно стать обеспечение баланса между технологическим развитием судебной системы и доступностью правосудия для всех категорий граждан. Для этого необходимо совершенствовать электронные сервисы, сохранять альтернативные способы взаимодействия с судом и развивать гарантии полноценного дистанционного участия. В конечном счете цифровизация должна оцениваться по тому, насколько она способствует реализации основной задачи административного судопроизводства — защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Литература:

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 30.10.2026).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 30.10.2026).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Статья 142.1. Участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/886442cd75fc9eab996436390e37f777d0786664/(дата обращения: 30.10.2026).

4. Курындин П. А. Российский и французский опыт цифровизации административного судопроизводства // Digital Law Journal. 2025. Т. 6, № 1. С. 35–51. DOI: https://doi.org/10.38044/2686–9136–2025–6-1.
5. Шеломанова Л. В. Цифровизация в административном судопроизводстве: перспективы развития и проблемы реализации // Административное право и процесс. 2025. № 1. DOI: https://doi.org/10.52433/18178170_2025_01_28. URL: https://www.newtech.legal/cabinet/catalog/sudya/7859/8638/ (дата обращения: 30.10.2026).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 30.10.2026).
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/(дата обращения: 30.10.2026).
8. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 30.10.2026).

Теоретико-правовые основы защиты прав и соблюдения законных интересов несовершеннолетних детей

Жучкова Анна Дмитриевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Статья посвящена теоретико-правовым основам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Российской Федерации. Анализируются международные стандарты (Конвенция ООН о правах ребенка), конституционные и отраслевые нормы, возрастные этапы дееспособности. Рассматриваются механизмы судебной и внесудебной защиты, включая прокуратуру, органы опеки, институт уполномоченного по правам ребенка. Выявляются проблемы правоприменения и предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: *несовершеннолетние дети, защита прав, законные интересы, правовой статус, дееспособность, органы опеки и попечительства.*

Theoretical and legal basis for protecting the rights and compliance with the legal interests of minor children

This article examines the theoretical and legal foundations for protecting the rights and legitimate interests of minors in the Russian Federation. It analyzes international standards (the UN Convention on the Rights of the Child), constitutional and industry norms, and age-specific stages of legal capacity. It examines mechanisms of judicial and extrajudicial protection, including the prosecutor's office, guardianship authorities, and the institution of the Children's Rights Commissioner. It identifies challenges in law enforcement and suggests ways to improve legislation.

Keywords: *minors, protection of rights, legitimate interests, legal status, legal capacity, guardianship and trusteeship authorities.*

Вопрос защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей все чаще возникает в современной правоприменительной практике Российской Федерации. Данная структура общества в силу определенных особенностей (возрастных, психофизических и социальных) преимущественно не способна самостоятельно и в полном объеме реализовывать собственные права и обязанности. Данный фактор обуславливает необходимость выработки эффективных теоретико-правовых основ охраны прав и соблюдения законных интересов детей.

Актуальной задачей науки семейного права является изучение основных результатов правоприменительной практики для выявления проблем и недостатков нормативно-правового регулирования основ реализации и защиты прав, соблюдения законных интересов несовершеннолетних детей, а также формулирования теоретических предложений по их совершенствованию.

Правовой статус несовершеннолетнего ребенка, по мнению Л. Н. Дегтяревой, формируется из нескольких составляющих. Несовершеннолетним может быть «гражданин; иностранный гражданин; лицо без гражданства; беженец; вынужденный переселенец» [5]. В широком смысле правовой статус несовершеннолетних детей — это совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, а также гарантий их реализации, закрепленных на всех уровнях: международном и национальном [8].

Ключевые элементы правосубъектности — правоспособность и дееспособность — имеют особый отпечаток при реализации прав несовершеннолетних детей. Согласно ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), способность иметь гражданские права и выполнять обязанности (правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами, включая малолетних детей [2]. Однако способность своими действиями приобретать и осуществлять права, а также создавать для себя обязанности (дееспособность) возникает у лица по мере достижения им определенного уровня психологической зрелости и возраста (ст. 21 ГК РФ).

Законодательством выделяется несколько возрастных этапов, каждый из которых характеризуется своим объемом дееспособности (см. таблицу 1).

Таблица 1. **Этапы дееспособности несовершеннолетних**

Возраст ребенка	Юридический статус	Объем дееспособности
0–6 лет	Малолетний	Полностью недееспособен. Все сделки от его имени совершают законные представители (п. 1 ст. 28 ГК РФ)
6–14 лет	Малолетний	Частичная дееспособность (п. 2 ст. 28 ГК РФ). Имеет право самостоятельно совершать три вида сделок
14–18 лет	Несовершеннолетний	Частичная дееспособность (ст. 26 ГК РФ). Обладает расширенным объемом прав и начинает нести самостоятельную имущественную ответственность

Законом предусматривается возможность объявления несовершеннолетнего ребенка полностью дееспособным (эмансипация) **по достижении им шестнадцатилетнего возраста в соответствии с ч. 1 ст. 27 ГК РФ в таких случаях, как:**

– **работа по трудовому договору (в том числе по контракту);**

– **ведение предпринимательской деятельности с согласия родителей, усыновителей или попечителя**.

Последствиями эмансипации является приобретение несовершеннолетним ребенком полной дееспособности (гражданин может самостоятельно осуществлять собственные гражданские права и исполнять обязанности); родители, усыновители или попечитель не несут ответственности за несовершеннолетнего ребенка по его обязательствам (п. 2 ст. 27 ГК РФ); эмансипированный несовершеннолетний ребенок сохраняет за собой льготы в области охраны труда (в отношении рабочего времени, отпуска и иных трудовых условий в силу возрастных особенностей). Однако несовершеннолетний ребенок после эмансипации не приобретает прав и обязанностей, в отношении которых государством установлен возрастной ценз (покупка алкогольных напитков; получение прав, кроме категорий М, А1; призыв на военную службу; содержание нетрудоспособных родителей, наличие статуса опекуна или попечителя; усыновление ребенка).

Защита прав и соблюдение законных интересов несовершеннолетних детей является системным правовым феноменом, а не просто отдельными правовыми мерами. В современной науке под правовым механизмом защиты понимается совокупность правовых средств, норм и процедур, последовательно направленных на восстановление нарушенных прав и устранение препятствий в их реализации, а также система органов, действующих в этих целях [6].

Применительно к детям такой механизм состоит из двух ключевых подсистем:

1. Нормативная подсистема — массив правовых норм международного и национального характера, закрепляющих права детей и устанавливающих способы их охраны.

2. Институциональная (организационная) подсистема — система государственных органов, общественных объединений и должностных лиц, наделенных властными полномочиями по защите прав детей (суды, прокуратура, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и т. д.) [7].

Фундаментом современного правового механизма защиты прав детей является Конвенция ООН о правах ребенка от 1989 года, ратифицированная 13 июня 1990 года Постановлением Верховного Совета СССР № 1559-1, а затем и Российской Федерацией как правопреемником [4]. Этот акт впервые закрепил подход к ребенку не как к пассивному объекту родительской заботы, а как к самостоятельному субъекту права. Конвенция о правах ребенка включает 54 статьи, охватывающих большой спектр прав ребенка: от гражданских и политических (право на имя, гражданство, сохранение индивидуальности) до социально-экономических и культурных (право на здравоохранение, образование, отдых).

Ключевыми принципами Конвенции являются:

– Недопустимость дискриминации (ст. 2): права распространяются на всех детей без исключения.

– Наилучшее обеспечение интересов ребенка (ст. 3): при принятии любых решений, затрагивающих детей, первостепенное значение придается интересам ребенка.

– Право на жизнь, выживание и развитие (ст. 6).

– Уважение взглядов ребенка (ст. 12): он имеет право свободно выражать свое мнение по всем вопросам, его затрагивающим.

Основным законом Российской Федерации — Конституцией РФ — также закрепляются базовые начала госу-

дарственной семейной политики: ст. 7 провозглашает Россию социальным государством, а ст. 38 устанавливает, что материнство и детство находятся под защитой государства и забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность обоих родителей [1].

Ключевым документом в регулировании вопросов о семье и детстве является Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ), где правам детей посвящена отдельная глава 11 [3]: ст. 54 закрепляет основное право ребенка на жизнь, а также право воспитываться в семье и знать своих родителей; ст. 56 гарантирует ребенку право на защиту его прав и законных интересов (осуществляемую родителями, опекунами или попечителем), право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или лиц, их заменяющих (в случае нарушения предусмотрено право самостоятельно обращаться за защитой в органы опеки и попечительства, а по достижении 14 лет — в суд).

Помимо Семейного кодекса РФ, отношения регулируются Федеральным законом № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» от 24.07.1998, который закрепляет цели государственной политики в интересах детей.

Судебная защита является наиболее распространенным и эффективным способом восстановления нарушенных прав несовершеннолетних детей. Дети в возрасте 14 лет и старше имеют право самостоятельно обращаться в суд.

Значимую роль в защите прав детей играет прокуратура. Прокурор обязан участвовать в гражданских делах, касающихся лишения (ограничения) родительских прав, усыновления (удочерения) и отмены усыновления. Прокуратура также имеет право самостоятельно подавать иски о лишении родительских прав в случае неисполнения законными опекунами их обязанностей.

Органы опеки и попечительства играют ведущую роль в повседневной защите прав несовершеннолетних; они несут ответственность не только за выявление и размещение детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 121 СК РФ), но и за защиту жилищных и имущественных прав детей. В судебных разбирательствах органы опеки обязаны предоставлять заключения по существу спорных вопросов (например, в отношении места жительства ребенка при разводе родителей) для защиты интересов ребенка. Институт уполномоченного по правам ребенка действует на федеральном и региональном уровнях. Уполномоченный по правам ребенка отвечает за рассмотрение жалоб, мониторинг соблюдения прав ребенка и его законных интересов, принимает участие в совершенствовании законодательства; это важный дополнительный механизм к внесудебной правовой помощи.

Важную роль также играет Комиссия по делам несовершеннолетних и их прав (КДН), ответственная за профилактику преступности и координацию деятельности всех профилактических органов.

Анализ показывает, что в Российской Федерации создана достаточно четкая теоретико-правовая база защиты прав несовершеннолетних детей. Правовой статус детей в полной мере отражает международные стандарты и национальные нормы и основан на принципе наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Структура механизма защиты прав ребенка в РФ включает нормативные (ряд правовых документов — от Конституции и конвенций до ведомственных директив) и институциональные компоненты (суды, прокуратуры, опекунские учреждения и комитеты по делам несовершеннолетних). Несмотря на относительно обоснованную законодательную модель, правоохранительная практика сталкивается с трудностями при межведомственном сотрудничестве и установлении формальных методов, наилучшим образом обеспечивающих интересы ребенка, что требует дальнейшего развития методов сотрудничества с несовершеннолетними правонарушителями в суде и в рамках опекунской деятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002014031000&page=1&sort=position&limit=50&nd=1&volid=1002014031000
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. I–III). — Ст. 5496. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002006052000&page=1&sort=position&limit=50&nd=54&volid=1002006052000
3. Семейный кодекс Российской Федерации: от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026): (с изм. и доп. от 23.03.2026, вступ. в силу с 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001996001000&page=1&sort=position&limit=50&nd=1879&volid=1001996001000
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. — 1993. — Вып. XLVI. — С. 242–257.
5. Дегтярева, Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. — 78 с.

6. Мосиенко, Т. А. Правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних в России и за рубежом: учебное пособие / Т. А. Мосиенко, М. М. Меркулов. — Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. — 248 с.
7. Степанова, Д. Н. Институт уполномоченного по правам ребенка в механизме защиты конституционных прав несовершеннолетних в Российской Федерации: автореферат дис. … кандидата юридических наук. — Белгород, 2024. — 26 с.
8. Хромова, Н. М. Правовой статус несовершеннолетних: частный и публичный аспекты // Российская юстиция. — 2024. — № 8. — С. 23–34.

Независимость присяжных заседателей и гарантии её обеспечения: состояние и пробелы правового регулирования

Забродина Ульяна Александровна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Рассматривается нормативная конструкция независимости присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве. Разграничиваются статусные гарантии и функциональные (процессуальные механизмы, обеспечивающие формирование вердикта, по внутреннему убеждению). Показано, что бланкетный характер ст. 12 порождает разрыв между провозглашённым объёмом гарантий и возможностью их реализации. На материале Определения Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 № 2660-О обосновывается необходимость дополнения статусной модели функциональной.

Ключевые слова: *суд присяжных; независимость судей; гарантии независимости; тайна совещания; роспуск коллегии; уголовно-процессуальное регулирование.*

Независимость присяжного производна от независимости суда, но не тождественна ей. Профессиональный судья защищён карьерными, материальными и процедурными гарантиями; присяжный, будучи «судьёй факта» на несколько дней, сохраняет социальные связи, уязвим для давления окружения и медиасреды и не обладает подготовкой, позволяющей отсеивать внепроцессуальную информацию. Законодатель распространил на него судейский иммунитет, однако сделал это способом, создающим больше вопросов, чем решений.

Ядро регулирования — ст. 12 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», распространяющая на присяжного гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ, избранными положениями Закона РФ от 26.06.1992 № 3132–1 и Федеральным законом от 20.04.1995 № 45-ФЗ. Ст. 11 Закона добавляет материальные и трудовые гарантии: компенсационное вознаграждение, сохранение места работы, запрет увольнения по инициативе работодателя, зачёт времени участия в стаж.

Бланкетная отсылка к чужому статусу экономична, но концептуально уязвима. Иммунитет судьи рассчитан на лицо, чья деятельность непрерывна и организационно обеспечена. Присяжный не имеет удостоверения, подтверждающего статус; момент возникновения и прекращения его полномочий не очевиден для сотрудников полиции; буквально перенесённая неприкосновенность жилища и личного транспорта ставит правоприменителя в тупик при необходимости неотложных следственных действий. В доктрине указывалось: бланкетность ст. 12 и отсутствие прямого перечня гарантий порождают вопросы о возможности осуществления некоторых из них, а отсутствие документа, подтверждающего статус присяжного, снижает реальность иммунитета [1].

Второй предел — предмет защиты. Иммунитет ограждает присяжного от посягательств извне: угроз, подкупа, вмешательства (ст. 294–297, 298.1, 311 УК РФ; ст. 17.5 КоАП РФ). Но независимость нарушается и тогда, когда воздействие не имеет признаков преступления, а лишь искажает информационную среду: публикации о деле, «народное следствие» в сети, резонансное обсуждение до вердикта. Такое влияние доказать сложнее всего, а вердикт присяжные не мотивируют, поэтому внешнее воздействие в нём не отражается. Исследователи фиксируют отсутствие развёрнутого механизма сохранения объективности присяжных и низкую эффективность имеющихся мер [2; 3]: после исследования недопустимого доказательства присяжные, как правило, не способны исключить его из внутреннего убеждения.

Функциональные гарантии формируют вердикт «изнутри» разбирательства: право на мотивированный и немотивированный отвод; удаление присяжных при разрешении вопросов допустимости доказательств (ч. 6 ст. 335 УПК РФ); запрет исследования данных о личности подсудимого и иной информации, способной вызвать предубеждение; напутственное слово (ст. 340 УПК РФ); тайна совещания и порядок голосования (ст. 341–345 УПК РФ).

Здесь обнаруживается основной дисбаланс. Отбор коллегии считается важнейшей гарантией беспристрастного

суда, однако перечень допустимых вопросов кандидатам нормативно не определён, а практика опроса неоднородна [4]; сравнительно-правовой анализ показывает, что потенциал процедуры, аналогичной voir dire, используется не полностью [5]. Наиболее уязвима тайна совещания: процессуальной формы установления фактов её нарушения не было, поскольку присяжный не мог быть допрошен как свидетель (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 07.07.2020 № 33-П допустил приглашение присяжных в апелляционную инстанцию для выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны без придания им статуса свидетеля. Барьер снят, но механизм не создан: статус таких лиц, порядок вызова, последствия неявки остались неурегулированными [6].

Показательно Определение Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 № 2660-О. После вынесения, но до провозглашения вердикта в сети появилась информация о его оправдательном содержании. Председательствующий расценил это как нарушение тайны совещания, распустил коллегию; новое рассмотрение завершилось обвинительным приговором.

Суд указал: вердикт, вынесенный при явном нарушении тайны совещания, порождает неустранимые сомнения в объективности и подлежит аннулированию, а коллегия — роспуску; решение о роспуске не может быть произвольным и должно быть мотивировано. Позиция состоятельна, но обнажает пробел. УПК РФ знает лишь два случая роспуска: по мотивам тенденциозности состава (ст. 330) и при несогласии с обвинительным вердиктом (ч. 5 ст. 348). Роспуск после вынесения вердикта по мотиву разглашения тайны прямо не предусмотрен; при выявлении конкретного нарушителя закон предписывает отстранить именно его с заменой запасным (ч. 4 ст. 333 УПК РФ), а при недостатке запасных — признать разбирательство недействительным (ч. 3 ст. 329 УПК РФ). Коллективная санкция при наличии индивидуального механизма допускает злоупотребление: под предлогом защиты тайны может быть аннулирован неудобный, прежде всего оправдательный, вердикт [7; 8]. Обратим внимание и на доказательственную сторону: судья опирается на сведения, достоверность которых в заседании не проверяется, а присяжный, разгласивший тайну, ответственности не несёт. Гарантия, задуманная как защита независимости, сама становится инструментом влияния на результат.

Не решён и вопрос информационного воздействия. Информированность присяжных из непроцессуальных источников признаётся основанием для отвода или роспуска при условии негативного влияния на внутреннее убеждение (Постановление КС РФ от 19.04.2010 № 8-П). Критерий оценочен, а инструмента её выявления — стандартизированного опроса, оценки медиасреды, «информационного карантина» по резонансным делам — закон не предусматривает [3]. Наконец, низкое вознаграждение и отсутствие ответственности за неявку ведут к мотивационному кризису института [3; 9]: независимость невозможна без социальной защищённости присяжного.

Механизм обеспечения независимости присяжных нуждается в перестройке по четырём взаимосвязанным направлениям. Прежде всего, ст. 12 Закона о присяжных заседателях следует дополнить прямым перечнем гарантий, распространяемых на присяжного, исключив отсылки к положениям, объективно неприменимым к его статусу, и предусмотрев документ, удостоверяющий полномочия присяжного на период исполнения обязанностей. Далее, в УПК РФ необходимо закрепить исчерпывающие основания и процедуру роспуска коллегии после удаления в совещательную комнату: они должны предполагать установление конкретных обстоятельств разглашения тайны совещания и заслушивание объяснений присяжных, а сам роспуск обязан оставаться субсидиарной мерой по отношению к отстранению конкретного нарушителя. Одновременно требует урегулирования порядок получения апелляционной инстанцией сведений от присяжных о нарушении тайны совещания и незаконном воздействии, что станет логическим развитием позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 07.07.2020 № 33-П. Наконец, необходим работающий механизм выявления информационного воздействия — как при формировании коллегии, так и в ходе судебного разбирательства, поскольку именно этот вид влияния остаётся сегодня наименее контролируемым и наиболее трудно доказуемым.

Независимость присяжных обеспечена преимущественно статусно: иммунитет, уголовно-правовые запреты, государственная защита. Но там, где независимость нарушается информационным давлением, оценочным усмотрением председательствующего или неопределённостью процедуры, конструкция обнаруживает пробелы. Определение № 2660-О обозначило один из них: защита тайны совещания вошла в противоречие с отсутствием легальной процедуры роспуска коллегии на соответствующей стадии. Требуется переход от декларативной модели гарантий к функциональной — с ясными основаниями, проверяемыми фактами и процессуальной формой решений, затрагивающих независимость присяжных.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.11.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 34. — Ст. 3528.
5. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132–1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.
6. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 г. № 33-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 28. — Ст. 4486.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2025 г. № 2660-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бережного Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 330 и частью пятой статьи 348 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Гребнева, Н. Н. Современные проблемы суда присяжных в России: процессуальные и социальные аспекты / Н. Н. Гребнева, А. В. Максимовских // Вестник Сургутского государственного университета. — 2026. — Т. 14, № 1. — С. 95–101. — DOI 10.35266/2949–3455–2026–1–9.
10. Гусеян, Г. О. Институт присяжных заседателей: актуальные вызовы и проблемы в российском уголовном судопроизводстве / Г. О. Гусеян, И. Н. Чеботарева // Полицейская и следственная деятельность. — 2026. — № 1. — DOI 10.25136/2409–7810.2026.1.77886.
11. Добряков, Д. А. Формирование коллегии присяжных заседателей в России и отдельных зарубежных странах / Д. А. Добряков, Ю. С. Донцова // Вестник Российской правовой академии. — 2025. — № 4. — С. 171–187. — DOI 10.33874/2072–9936–2025–0–4–171–187.
12. Корнелюк, О. В. Перспективы развития российского суда с участием присяжных заседателей / О. В. Корнелюк, М. В. Лифанова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2026. — № 1. — С. 108–122. — DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.29.8.
13. Лошкарев, В. В. Институт уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути их решения / В. В. Лошкарев, М. Ф. Мингалимова // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29, № 9. — С. 91–102. — DOI 10.61205/S160565900035013–8.

Формы воздействия решений Конституционного Суда Российской Федерации на развитие законодательства

Зверев Данил Васильевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Рассматриваются формы влияния решений Конституционного Суда РФ на законодательство. Разграничиваются устранение неконституционного регулирования, конституционное истолкование и временные предписания. Обосновывается различие непосредственного юридического эффекта решения и последующих законодательных изменений. Предлагается оценивать воздействие по содержанию предписания, его адресату и способу реализации с учетом принципа разделения властей.

Ключевые слова: *Конституционный Суд, законодательство, правовая позиция, конституционное истолкование, разделение властей.*

Введение

Решения Конституционного Суда Российской Федерации влияют не только на разрешение конкретного спора, но и на содержание действующего регулирования. Однако выражение «импульс развития законодательства» нуждается в уточнении: прекращение применения нормы, изменение ее понимания и принятие нового закона представляют разные последствия. Их смешение затрудняет оценку результатов конституционного контроля. Цель статьи — разграничить формы воздействия решений на законодательство и определить пределы такого воздействия. Используются формально-юридический анализ и систематизация нормативных положений и судебного примера.

Юридический эффект и законодательная реакция

Конституция РФ закрепляет высшую юридическую силу своих положений и полномочия Конституционного Суда по проверке нормативных актов [1, ст. 15, 125]. Для анализа последствий контроля необходимо различать систему права и систему законодательства. Первая характеризует внутренние связи норм и институтов, вторая — их выражение в нормативных актах. Поэтому изменение содержания правового регулирования возможно как через поправку в текст закона, так и через исключение неконституционного способа его применения.

Статья 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает непосредственное действие решения и отсутствие необходимости его подтверждения другими органами. Признание акта неконституционным нельзя преодолеть повторным принятием того же акта [2]. Эти свойства обеспечивают самостоятельный юридический эффект конституционного контроля. Он не должен отождествляться с последующим внесением поправок: обязанность учитывать решение возникает в соответствии с правилами его действия, а не по усмотрению законодателя.

Законодательная реакция представляет другой уровень воздействия. Она выражается в отмене, изменении или принятии нормативных положений, учитывающих выявленную проблему. В. В. Лазарев рассматривает имплементацию судебных решений в законодательство как самостоятельную доктринальную проблему [3]. Для ее исследования важно проследить переход от судебного вывода к нормативному результату, а не ограничиваться констатацией общеобязательности судебного акта.

Предлагается разграничивать непосредственный юридический эффект и фактическое обновление законодательства. Первый определяется содержанием решения и установленными законом последствиями; второе требует деятельности субъектов нормотворчества. При этом не каждое постановление предполагает обязательное принятие нового закона. Характер реакции зависит от того, сохранено ли регулирование, установлен ли его допустимый смысл либо выявлена необходимость устранить пробел или противоречие.

Основные формы воздействия

Подтверждение конституционности выполняет стабилизирующую функцию. Суд устраняет неопределенность относительно допустимости проверяемого регулирования, сохраняя его действие в соответствующих пределах. Отсутствие поправок после такого решения само по себе не свидетельствует о бездействии законодателя. Конституционный контроль может обеспечивать развитие правовой системы посредством уточнения оснований действующего регулирования без изменения текста акта.

Признание нормы неконституционной изменяет допустимые границы регулирования. Статья 79 связывает с ним утрату силы акта или его положений, а статья 80 определяет обязанности органов по приведению нормативных актов в соответствие с Конституцией [2]. Конкретные последствия следует устанавливать по самому постановлению и закону. Нельзя автоматически предполагать, что любое признание неконституционности оставляет отношения без регулирования или требует единственного варианта законодательного решения.

Конституционное истолкование сохраняет текст нормы, но ограничивает допустимые способы ее понимания. Статья 79 запрещает применение положения в смысле, расходящемся с выявленным Конституционным Судом [2]. Это позволяет исправить правоприменение без немедленного исключения нормы. Если из постановления вытекает необходимость устранить пробел или противоречия, возникает также вопрос о законодательной корректировке. Следовательно, сохранение текста не означает отсутствия обязательных правовых последствий.

Отдельную форму составляют предписания, регулирующие отношения до принятия законодательных изменений. Их назначение — обеспечить применение конституционных требований в переходный период. Такие положения следует отличать от общих рассуждений о желательном совершенствовании закона: временное правило непосредственно определяет допустимое поведение, тогда как предложение о дальнейшем развитии регулирования требует оценки его формулировки и места в решении.

Показателен пример постановления от 17 января 2013 г. № 1-П по вопросу о минимальном административном штрафе для юридического лица. Суд оценил положение части 5 статьи 19.8 КоАП РФ с точки зрения возможности индивидуализировать наказание. До внесения изменений он допустил снижение штрафа антимонопольным органом или судом с учетом сформулированных конституционных требований [4]. В одном акте оказались связаны выявление дефекта регулирования, ориентир законодателю и правило переходного периода.

Этот пример не дает оснований распространять соответствующее временное правило на любые санкции без отдельного правового анализа. Его значение для классификации состоит в сочетании нескольких способов воздействия. Поэтому противопоставление «отрицательного» и «положительного» влияния суда не всегда описывает структуру решения: устранение неконституционного ограничения может сопровождаться указанием, как применять регулирование до законодательной корректировки.

Пределы воздействия и критерии оценки

Принцип разделения властей требует учитывать различие конституционного контроля и законодательной деятельности [1, ст. 10]. Суд определяет конституционные пределы регулирования, а законодатель выбирает допустимые средства их реализации. Вместе с тем сво-

бода выбора не включает возможность воспроизвести установленный дефект. Граница должна проводиться между обязательным конституционным результатом и вариантами законодательной техники, способными его обеспечить.

Для практической оценки предлагается последовательно устанавливать предмет выявленного дефекта, содержание обязательного вывода и круг его адресатов. Затем необходимо определить, достигается ли результат непосредственно при применении решения или требуется изменение нормативного акта. Такой подход позволяет различать обязательное предписание, временный порядок и предложение о совершенствовании законодательства, не придавая любой фразе мотивировочной части одинакового регулятивного значения.

Наконец, законодательный результат следует сопоставлять с причиной вмешательства суда. Изменение редакции статьи не свидетельствует об устранении проблемы, если сохраняется механизм, приводивший к нарушению. Обратная ситуация также возможна: правоприменение корректируется вследствие конституционного истолкования при сохранении текста закона. Поэтому количество поправок не может служить универсальным показателем воздействия решений на правовую систему.

Заключение

Решения Конституционного Суда воздействуют на законодательство через стабилизацию регулирования, исключение неконституционных положений, установление обязательного истолкования и предписания переходного периода. Их непосредственный юридический эффект необходимо отличать от последующего нормотворчества. Оценка воздействия должна учитывать содержание дефекта, адресата и требуемый способ реализации. Такой подход позволяет раскрыть роль конституционного контроля в развитии законодательства без отождествления суда и законодателя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144 (8198).
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1447.
3. Лазарев В. В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал российского права. — 2019. — № 7. — С. 5–16.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П по делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 КоАП РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2013. — № 4.

Содержательное исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательном процессе

Зверев Данил Васильевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Исследуется различие формального реагирования на решения Конституционного Суда РФ и устранения выявленного дефекта регулирования. Предлагаются критерии оценки исполнения: определенность задачи, своевременность действий и соответствие нового регулирования конституционным требованиям. Обосновывается необходимость документировать связь между судебным предписанием и законопроектом, контролировать стадии его рассмотрения и оценивать результат с учетом принципа разделения властей.

Ключевые слова: *Конституционный Суд, исполнение решений, законодательный процесс, правовой мониторинг, конституционная законность.*

Введение

Обязательность решения Конституционного Суда не означает автоматического завершения законодательных преобразований. Между выявлением дефекта и принятием нового регулирования находятся подготовка законопроекта, парламентское рассмотрение и организация применения закона. На этих стадиях возможны задержки и утрата содержательной связи с судебным выводом. Цель статьи — определить критерии исполнения и способы его организационного обеспечения. Используются формально-юридический метод и анализ отдельных нормативных и судебных актов.

Обязанность реагирования и результат исполнения

Статьи 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» определяют юридическую силу решений и обязанности по приведению актов в соответствие с Конституцией [1]. Поэтому законодательное исполнение представляет собой определенную законом деятельность, а не факультативное согласие с позицией суда. Вместе с тем содержание необходимых действий устанавливается применительно к конкретному решению: не всякое постановление требует нового закона.

Необходимо различать внесение проекта, принятие закона и устранение выявленной проблемы. Внесение проекта означает начало парламентской стадии, принятие закона — изменение текста. Устранение проблемы требует оценки соответствия регулирования конституционному результату. В. В. Лазарев рассматривает имплементацию судебных решений как проблему перехода их содержания в законодательство [2]. Число поправок не характеризует полноту исполнения.

Статья 80 предусматривает, что в установленных ею случаях Правительство РФ вносит законопроект не позднее шести месяцев после опубликования постановления, если судом не установлен иной срок [1]. Речь идет о внесении проекта, а не об общем сроке завершения всех парламентских процедур. Следовательно, предложение повысить своевременность исполнения должно учитывать различия стадий. Повторное закрепление уже существующего начала отсчета от опубликования само по себе не устраняет задержку дальнейшего рассмотрения.

Определенность предписания, адресата и срока облегчает организацию исполнения, но не является универсальным доказательством его успешности. Закон может быть принят при отсутствии специального срока в постановлении; наличие срока не гарантирует качества поправок. Поэтому указанные признаки целесообразно использовать как параметры анализа конкретной ситуации. Отдельные примеры не доказывают обязательного совпадения всех трех условий.

Проверка законодательной реакции

Постановление Конституционного Суда от 25 апреля 2018 г. № 17-П касалось регулирования ответственности за нарушение правил дорожного движения и положения лица, скрывшегося с места происшествия. Суд поставил вопрос о недопустимости преимущества, возникавшего вследствие невозможности установить состояние опьянения такого лица [3]. Для оценки последствий постановления необходимо исследовать дальнейшее изменение регулирования, а не ограничиваться анализом самого предписания.

Федеральным законом от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ в статьи 264 и 264.1 УК РФ внесены изменения; оставление места совершения соответствующего деяния было включено в регулирование квалифицированных составов статьи 264 [4]. Следовательно, данный пример нельзя описывать как отсутствие законодательной реакции на постановление 2018 года. Он показывает необходимость проверять движение регулирования по актам о внесении изменений, прежде чем делать вывод о неисполнении.

При этом наличие поправок отвечает только на вопрос о факте реакции. Для оценки полноты следует сопоставить выявленное судом неравенство с содержанием нового правила и его сферой действия. Само принятие закона не доказывает устранения всех возможных проблем ответственности, как и наличие последующих дискуссий не означает автоматически неисполнения первоначального предписания. Предмет оценки должен оставаться связанным с конкретным конституционным дефектом.

Предлагается применять три критерия содержательного исполнения. Критерий адресности требует установить, какую проблему должен разрешить проект. Временной критерий предполагает раздельную оценку подготовки, внесения и рассмотрения. Критерий соответствия показывает, устраняет ли принятый акт недопустимое различие, ограничение или пробел. Такое разделение позволяет отличать задержку, неполное исполнение и отсутствие необходимых действий, не объединяя их в одну категорию.

Организационное обеспечение исполнения

Первое направление совершенствования — документирование задачи исполнения. В материалах законопроекта целесообразно показывать, какие выводы Конституционного Суда реализует каждая группа поправок. Такая сопоставительная таблица должна связывать выявленный дефект, предлагаемую норму и ожидаемый правовой результат. Это исследовательское предложение: оно не предполагает, что простое воспроизведение формулировок постановления заменит анализ отраслевого регулирования.

Второе направление — последовательный контроль стадий. Для проекта, подготовленного во исполнение постановления, предлагается фиксировать ответственных участников, даты внесения и рассмотрения, причины переноса и связь альтернативных вариантов с судебным предписанием. Развивать соответствующие процедуры возможно через уточнение Регламента Государственной Думы [5]. Контроль должен делать движение проекта обозримым, сохраняя обсуждение его содержания и возможность доработки.

Третье направление связано с оценкой результата. Сведения о принятом законе целесообразно дополнять объяснением того, каким образом устранен выявленный дефект. Если требуется изменение связанных актов, исполнение нельзя оценивать только по одному документу. Вместе с тем такая оценка должна учитывать полномочия проверяющего органа: организационный мониторинг не подменяет конституционное судопроизводство

и не позволяет произвольно объявлять закон неконституционным.

Процессуальная определенность должна сочетаться с разделением властей, закрепленным статьей 10 Конституции РФ [6]. Законодатель сохраняет выбор среди допустимых способов исполнения, но этот выбор ограничен обязательным конституционным результатом. Поэтому предметом контроля должны стать своевременность действий и соответствие поставленной задаче, а не навязывание единственной редакции закона. Предложения о новых санкциях или полномочиях суда требуют отдельного обоснования и не следуют автоматически из факта задержки.

Законодательные изменения не заменяют восстановления прав заявителя. Основания и пределы пересмотра его дела определяются законом и решением суда [1, ст. 79]. Поэтому нормативные и правоприменительные последствия следует учитывать раздельно.

Заключение

Содержательное исполнение решения Конституционного Суда предполагает связь между выявленным дефектом и принятым регулированием. Его оценка должна учитывать адресность задачи, своевременность отдельных стадий и соответствие результата конституционным требованиям. Предлагаются сопоставление предписаний и поправок, контроль движения проектов и мотивированное отражение результатов исполнения. Эти меры конкретизируют организацию законодательной работы, сохраняя свободу выбора допустимых решений и самостоятельность ветвей власти.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1447.
2. Лазарев В. В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал российского права. — 2019. — № 7. — С. 5–16.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П по делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 УК РФ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 19. — Ст. 2812.
4. Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323230/ (дата обращения: 10.11.2026).
5. Постановление Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. — 1998. — 25 февраля. — № 37.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144 (8198).

Провокация при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Ильин Александр Николаевич, преподаватель, лейтенант полиции
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации

В оперативно-розыскной деятельности постоянно возникает вопрос: где заканчивается выявление преступления и начинается его создание? Сотрудник не может раскрыть многие преступления без контакта с проверяемым лицом, но чрезмерное давление способно сформировать умысел, который потом будет зафиксирован как результат мероприятия. В статье разбираются признаки, позволяющие отличить провокацию от правомерного документирования, соотношение запрета провокации и оперативного эксперимента, а также влияние возможного побуждения на оценку доказательств. Отдельное внимание уделено тому, какие сведения подтверждают возникновение умысла до вмешательства и что делает процедуру проверяемой.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, провокация, оперативный эксперимент, проверочная закупка, подстрекательство, допустимость доказательств.*

Введение

Оперативно-розыскная деятельность устроена так, что её эффективность и её риск растут одновременно. Чем активнее сотрудник работает с проверяемым лицом, тем больше вероятность выявить готовящееся преступление — и тем выше опасность, что он сам подтолкнёт человека к противоправному поведению. Именно на этом стыке и возникает проблема провокации. Она обсуждается давно, но ясности до сих пор мало: закон запрещает

побуждать к преступлению, однако не даёт развёрнутых критериев, по которым можно отличить допустимый оперативный контакт от недопустимого воздействия.

В работе я исхожу из того, что провокацию нельзя определять по названию мероприятия или по одному факту согласия лица. Значение имеет совокупность обстоятельств: что было известно до вмешательства, от кого исходила инициатива, насколько настойчивым было воздействие и как полно зафиксирован ход событий. Эти вопросы рассматриваются на материале российского регулирования, судебной практики и позиций Европейского Суда по правам человека. За рамками работы остаются измерение распространённости провокаций, исчерпывающий обзор дел и тактические вопросы закрытых мероприятий.

1. Характеристика провокации в оперативно-розыскной деятельности

1.1. Понятие и сущность провокации в оперативно-розыскной деятельности

Провокация является одной из наиболее острой проблем, с которой сталкиваются органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Суть проблемы состоит в том, что при осуществлении отдельных ОРМ (оперативный эксперимент, проверочная закупка и др.) действия оперуполномоченных могут быть неоднозначно оценены на предмет соблюдения запрета, установленного в п. 4 ч. 8 ст. 5 ФЗ «Об ОРД». Если обратиться к указанной норме, то в ней закреплено, что органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация). Тем самым, в основном источнике оперативно-розыскного права законодатель закрепил понятие провокации, под которой понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Субъект провокационных действий обозначен достаточно широко — органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Неопределенность оценки действий оперуполномоченных порождается отсутствием правовых критериев провокации, позволяющих провести четкую грань между их законными и противозаконными действиями.

Для уяснения законодательного подхода к содержанию понятия провокации следует выйти за рамки оперативно-розыскного права. Появление законодательного запрета на провокацию в оперативно-розыскной деятельности связано с нормами уголовного законодательства. В отечественном праве понятие провокации преступления впервые было закреплено на законодательном уровне в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [20]. Данный нормативный акт устанавливал ответственность за провокацию взяточничества, однако исключительно в отношении должностных лиц. В частности, статья 115 УК РСФСР определяла провокацию взятки как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения, дающего взятку». Таким образом, законодатель стремился защитить граждан от противоправных действий со стороны должностных лиц, намеренно склоняющих их к совершению коррупционных деяний.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. [21] норма о провокации взятки была сохранена, но с расширением сферы юридической ответственности. Теперь под уголовное преследование попадали не только действия, связанные с провокацией дачи взятки, но и ее получения. В частности, ст. 119 гласила: «Провокация взятки, то есть заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку». Однако данное положение действовало лишь до момента принятия нового Уголовного кодекса РСФСР в 1960 г.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [22] провокация взятки была декриминализирована, и статья, устанавливающая ответственность за провокацию как дачи, так и получения взятки, отсутствовала. Однако в современном уголовном законодательстве РФ эта норма была вновь введена, хотя и в существенно измененном виде. В частности, действующий Уголовный кодекс 1996 г. [14] предусматривает ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304). В п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 разъяснено, что ответственность по статье 304 УК РФ наступает лишь в случае, когда попытка передачи (передача) денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась только в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо, заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее [11]. Тем самым, данный состав преступления охватывает весьма ограниченный круг деяний, что не отражает всего многообразия случаев провокации, встречающихся на практике органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

1.2. Общие условия, исключающие провокацию при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Общие условия, исключающие провокацию при проведении ОРМ, представляют собой выработанные правоприменительной практикой и закрепленные в законодательстве РФ правовые и этические принципы, соблюдение которых гарантирует законность действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность,

и предотвращает искусственное побуждение лица к совершению преступления. Цель данных условий состоит в недопущении использования методов, которые могут привести к нарушению прав человека и фальсификации доказательств. Рассматриваемые условия применимы ко всем ОРМ, где может быть использована провокация. В этой связи обратимся к сущности и содержанию каждого из условий, исключающих провокацию при проведении ОРМ.

Наличие достаточных оснований для проведения ОРМ. Одним из ключевых условий, исключающих провокацию при проведении ОРМ, является наличие достаточных оснований для их начала. Данное условие требует, чтобы органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, действовали только на основе объективной информации о возможной противоправной деятельности лица. Под достаточными основаниями следует понимать конкретные сведения, которые указывают на возможное совершение преступления или подготовку к нему. Рассматриваемые сведения должны быть подтверждены и документально зафиксированы до начала ОРМ. Они могут включать: письменные или устные заявления от граждан, которые свидетельствуют о возможных противоправных действиях конкретного лица (к примеру, жалобы на вымогательство, угрозы, коррупцию); анонимные сообщения, которые также могут быть использованы, но после дополнительной проверки их достоверности; сведения, полученные в ходе ранее проведенных ОРМ (например, результаты наблюдения, прослушивания телефонных переговоров); информация от конфидентов, которая указывает на конкретные преступные намерения лица или группы лиц; данные, выявленные в ходе расследования других уголовных дел, которые могут указывать на причастность проверяемого лица к преступной деятельности; данные, полученные из государственных и негосударственных официальных источников (кредитных учреждений, налоговых органов, таможенных служб и т. д.); официальные запросы из других правоохранительных органов, в том числе иностранных государств, которые содержат подтвержденную информацию о противоправной деятельности определенных лиц.

Для того чтобы признать основания для проведения ОРМ достаточными и правомерными, необходимо их документальное оформление в виде объяснения, заявления, явки с повинной, рапорта, справки, а также иных процессуальных и оперативно-служебных документов. Отсутствие документального подтверждения оснований проведения ОРМ может привести к признанию его результатов незаконными и недопустимыми в суде.

В случае проведения повторного и даже многократного ОРМ в отношении заподозренного лица, сотрудники органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, должны каждый раз обосновывать свои действия. Так, в п. 7.1 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ [23], Верховным судом РФ разъясняется, что проведение повторных ОРМ, включая очередную проверочную закупку у одного и того же лица, должно быть должным образом обосновано и мотивировано. Это требует наличия новых оснований и целей, а также обязательного вынесения нового постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. В случае отсутствия новых оснований суд должен признать доказательства, полученные в рамках такого мероприятия, недопустимыми.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, должны руководствоваться принципами объективности и добросовестности при оценке полученной информации, что предполагает исключение фальсификации данных для обоснования необходимости проведения ОРМ, отказ от использования неподтвержденных слухов, необоснованных предположений и иных сомнительных источников информации, от проведения ОРМ только на основании анонимного доноса без дальнейшей проверки,

Учитывая изложенное, наличие достаточных оснований для проведения ОРМ является важным, базовым условием, которое изначально способствует предотвращению злоупотреблений со стороны оперативных органов и исключает провокацию. Соблюдение этого требования обеспечивает законность действий оперуполномоченных и защищает права граждан от необоснованного вмешательства в их частную жизнь.

Проведение ОРМ в отношении лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. Осуществление оперативно-розыскной деятельности обоснованно в отношении лиц, обнаруживших свой умысел на совершение преступления. Целью проведения ОРМ в данном случае будет являться предупреждение реализации преступных намерений заподозренного лица. Кроме того, ОРМ должно проводиться в отношении тех лиц, которые уже реализуют умысел на совершения преступления. При этом действия оперуполномоченных в данной ситуации направлены на привлечение виновного к уголовной ответственности путем документирования его противоправной деятельности. Как следует из Постановления Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010 «Дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» [24], необходимо изучить основания для проведения оперативной операции и выяснить, имели ли место объективные подозрения в том, что лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления (п. п. 38–39 Постановления). Иными словами, ОРМ должны проводиться для документирования той противоправной деятельности, которая уже совершается или вот-вот начнется и без вмешательства полиции. Напротив, совершение ОРМ в «поисковых» целях, для выявления правонарушения, является провокацией.

Запрет на активное подстрекательство. Активное подстрекательство представляет собой действия сотрудников

органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, или лиц, оказывающим им содействие на конфиденциальной основе, которые направлены на создание у лица намерения совершить преступление. Оперуполномоченные не вправе побуждать или склонять человека к совершению преступления, если он сам не проявлял явного, добровольного намерения его совершить. Это включает:

– убеждение лица в том, что ему выгодно совершить преступление, предоставляя ложную информацию о последствиях или выгоде;

– активные предложения, при которых оперуполномоченные навязывают идею совершения преступления, предлагают средства, способы и механизм его совершения;

– искусственное создание ситуации, которая может спровоцировать человека на преступное поведение (например, предложение взятки должностному лицу при отсутствии доказательств его коррупционных намерений, оставление без присмотра больших сумм денег с целью спровоцировать кражу).

Во избежание обвинений в подстрекательстве, оперуполномоченные должны придерживаться ряда важнейших правил. Во-первых, оперативные сотрудники должны играть пассивную роль, не проявляя инициативу в склонении лица к совершению преступления. Их действия должны быть направлены лишь на фиксацию уже имеющихся намерений преступника, а не на их формирование. Во-вторых, необходимо оперативное документирование всех действий в ходе ОРМ. В частности, целесообразна запись переговоров с подозреваемым с помощью аудиозаписи и (или) видеосъемки для фиксации того факта, что инициатива совершения преступления исходила от самого подозреваемого. К примеру, из обзора судебной практики, подготовленного Верховным судом РФ в 2024 г., следует: «Установлено, что умысел осужденного на незаконный сбыт наркотических средств сформировался независимо от деятельности оперативных сотрудников. Как следует из фонограммы телефонных разговоров между Л. и неустановленным лицом, только 4 мая 2017 года состоялось 10 разговоров по инициативе каждой из сторон, в ходе которых обсуждались вопросы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств» [25].

В-третьих, как уже было отмечено ранее, необходимо документальное подтверждение преступных намерений разрабатываемого лица. Так, заблаговременное составление протоколов, докладных записок и других оперативно-служебных документов подтверждает, что у подозреваемого были самостоятельные преступные намерения до начала ОРМ.

В последующем, при рассмотрении материалов уголовного дела в рамках судебного производства судья тщательно анализирует, были ли действия оперуполномоченных провокационными. Если будет доказано, что сотрудники органов внутренних дел провоцировали подозреваемого, все доказательства могут быть признаны недопустимыми, что приведет к оправданию обвиняемого. Примеры из судебной практики показывают, что суды могут признавать результаты ОРМ недопустимыми, если в ходе их проведения было использовано провокация. Так, в апелляционной инстанции прокурором обосновано «что выводы суда о том, что сотрудниками полиции была совершена провокация в отношении ФИО1, являются необоснованным, противоречат фактическим обстоятельствам дела. Установлено, что в связи с поступившей 13.01.2017 от посторонних лиц оперативной информации о факте сбыта ФИО1 контрафактного программного обеспечения ««... 16.01.2017 заведено дело оперативного учета. При этом из показаний свидетеля ФИО8 следует, что ФИО1 не уговаривал сбывать именно контрафактную программу, а лишь спросил, может ли он реализовать необходимое программное обеспечение. ФИО1 попросил время ознакомиться с программой, после чего ему перезвонить. На следующий день ФИО1 сообщил, что реализует данную программу. Первый звонок от ФИО8 ФИО1 осуществлен 16.01.2017, его продолжительность составляет 53 секунды, второй — 17.01.2017 в 18 часов 10 минут, при этом программное обеспечение уже находилось на компьютере ФИО1. Учитывая кратковременность разговора, вывод суда о наличии уговоров является безосновательным. Факт неоднократных звонков ФИО1 не является свидетельством провокации» [26].

Соблюдение запрета на активное подстрекательство — это неотъемлемая часть правомерного проведения ОРМ, которая позволяет избежать фальсификации доказательств, защищает права граждан и обеспечивает законность действий правоохранительных органов. Нарушение данного условия может привести к серьезным юридическим последствиям, включая признание доказательств недопустимыми и привлечение оперуполномоченных к дисциплинарной и даже уголовной ответственности.

Из условия запрета на активное подстрекательство, следует, что *оперуполномоченный должен проявлять тактически обоснованную пассивность при проведении ОРМ*. Между фиксацией действия лица, которое склонно к совершению преступления, и активным подталкиванием его к этому имеется четкая грань. Пассивное поведение оперуполномоченного позволяет ему оставаться в рамках законного сбора доказательств уже совершаемого преступления, а не провоцировать его. Приведем пример. В одной ситуации, оперуполномоченный документирует факт передачи взятки между двумя гражданами и не вмешивается в процесс, тем самым обеспечивает отсутствие провокации. В другой же ситуации, оперативный сотрудник либо лицо, оказывающее ему конфиденциальное содействие, сам предлагает взятку должностному лицу, убеждая его принять ее. Налицо факт провокации преступления. Таким образом, пассивные действия оперуполномоченного, исключающие провокацию преступления, обеспечивают законность и допустимость собранных доказательств.

Принцип добровольности действий проверяемого лица. Все действия заподозренного лица в рамках ОРМ должны быть добровольными, что означает свободу его волеизъявления на осуществление преступных действий. Как от-

мечает С. Д. Демчук: «…умысел виновного должен возникнуть самостоятельно, а не под влиянием сотрудников правоохранительных органов или лица, оказывающего им содействие» [27]. Подозреваемый должен сам принять решение о совершении противоправного действия, без какого-либо внешнего давления со стороны оперуполномоченных. Из данного обстоятельства вытекает ряд следствий. Запрещено оказывать физическое и психологическое давление на подозреваемого, в частности, угрожать уголовным преследованием, заключением под стражу, увольнением, распространением сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, а также другими негативными последствиями, трансляция которых направлена на побуждение его к совершению преступления. Нельзя использовать методы запугивания, которые заставляют человека принимать решения под давлением страха.

Оперуполномоченные не вправе вводить подозреваемого в заблуждение, предоставляя ложную информацию о выгодах или отсутствии последствий совершения преступления. Например, обещание неприкосновенности в обмен на совершение противоправных действий расценивается как провокация со стороны сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Также запрещается настойчиво уговаривать человека совершить преступление, если он не выражал намерения этого делать. Например, многократные просьбы о продаже наркотических средств или совершении другой незаконной сделки направлены на создание доказательств вины проверяемого лица. Приведем пример из судебной практики. Так, в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Тейксейра де Кастро против Португалии» [28] провокацией признаны действия полиции, когда агенты под видом покупателей наркотиков настойчиво уговаривали человека, ранее не связанного с преступной деятельностью, продать им наркотики.

В представленных случаях оперуполномоченные действуют не в интересах защиты общественного порядка, а, по сути, нарушают закон, пытаясь искусственно создать повод для уголовного преследования.

Фиксация действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Для предотвращения злоупотреблений со стороны оперативных сотрудников все действия, связанные с проведением ОРМ, должны фиксироваться документально, а также с помощью аудио-, видеоаппаратуры или технические средств. Документирование всех этапов взаимодействия оперуполномоченных или их конфидентов с заподозренным лицом подтверждает отсутствие провокации в случае судебного разбирательства.

Соблюдение законодательства РФ при проведении ОРМ. Все действия оперуполномоченных должны соответствовать нормам законодательства, регулирующего оперативно-розыскную деятельность. Главным образом, речь идет о ФЗ «Об ОРД» и, в особенности, его положениях об основаниях и условиях проведения ОРМ, соблюдении прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, о правах и обязанностях органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и др.

Эффективность контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью. Одним из важнейших условий законности проведения ОРМ, предполагающей отсутствие провокаций со стороны оперуполномоченных, является контроль руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в ходе планирования, организации и проведения ОРМ (ведомственные контроль); прокурорский надзор за исполнением положений ФЗ «Об ОРД»; а также предварительный и ревизионный судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью. Регулярные и беспристрастные проверки законности проводимых ОРМ служат дополнительной гарантией защиты от злоупотреблений со стороны оперуполномоченных, тем самым, исключая реальные возможности использования провокаций.

Таким образом, общие условия, исключающие провокацию при проведении ОРМ, представляют собой выработанные правоприменительной практикой и закрепленные в законодательстве РФ правовые и этические принципы, соблюдение которых гарантирует законность действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и предотвращает искусственное побуждение лица к совершению преступления. На основании проведенного исследования, автор считает, что к указанным общим условиям относится:

1) наличие достаточных оснований для проведения ОРМ;

2) проведение ОРМ в отношении лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление;

3) запрет на активное подстрекательство;

4) использование оперуполномоченным тактически обоснованной пассивности при проведении ОРМ;

5) принцип добровольности действий проверяемого лица;

6) обязательная фиксация действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

7) соблюдение законодательства РФ при проведении ОРМ;

8) искоренение системы оценки эффективности деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД, только по количественным показателям, которые вынуждают прибегать к провокационным действиям;

9) эффективность контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью.

Представленные общие условия распространяются на все ОРМ, проведение которых предполагает риск использования провокации сотрудниками, органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Их соблюдение необходимо для обеспечения прав граждан и предотвращения незаконных провокационно-подстрекательных методов осуществления оператив-

но-розыскной деятельности. Нарушение перечисленных условий влечет серьезные правовые последствия, включающие отмену судебных решений и привлечение оперуполномоченных к юридической ответственности.

Литература:

1. Верховный Суд Российской Федерации. Банк судебных документов.
2. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.).
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).
5. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, 2000.
6. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. Москва: Наука, 1985.
7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/
8. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
9. Овчинский В. С. Оперативно-розыскная информация. Москва: ИНФРА-М, 2000.
10. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. Москва: ИНФРА-М, 2001.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/
12. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва: ИНФРА-М, 2006.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
15. Шумилов А. Ю. Закон об оперативно-розыскной деятельности в схемах и комментариях: учебное пособие. Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2005.
16. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2006.
17. Ashworth A. Testing fidelity to legal values: official involvement and criminality. The Law Quarterly Review. 1999. Vol. 115. P. 633–659.
18. LaFave W. R. Substantive Criminal Law. 2nd ed. St. Paul, MN: West Publishing, 2003.
19. United Nations Office on Drugs and Crime. Education for Justice: University Module Series on Organized Crime, Module 7: Investigation of Organized Crime. Vienna: United Nations, 2019.
20. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // URL: https://docs.cntd.ru/document/901757375 (дата обращения: 26.09.2024).
21. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
23. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) // URL: https://www.vsrf.ru/documents/thematics/15108/ (дата обращения: 09.11.2024).
24. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010 «Дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) // СПС «КонсультантПлюс».
25. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/
26. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми № 22–568/2018 от 20 марта 2018 г. по делу № 22–568/2018 // URL: //sudact.ru/regular/doc/66VHwJkDhExx/ (дата обращения: 01.12.2024).
1. Демчук С. Д. И вновь о провокации преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 107.
2. Постановление Европейского Суда по делу «Тейксейра де Кастро против Португалии» (Teixeira de Castro v. Portugal) от 09.06.1998 // Доступ из правовой системы «Гарант».

Особенности предмета доказывания по преступлениям, совершаемым организованными преступными группами

Исаева Ольга Витальевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором проведен комплексный анализ особенностей предмета доказывания по преступлениям, совершенным организованными преступными группами. При этом особое внимание уделено не только характеристике самого предмета, но и раскрываются его сущностные признаки, позволяющие определить специфику установления круга обстоятельств именно для данных преступлений.

Ключевые слова: *предмет доказывания, организованная преступная группа, обстоятельства, подлежащие установлению, преступления, событие преступления.*

Предмет доказывания по преступлениям, совершаемым организованными преступными группами, имеет как общие положения, так и специфические, обусловленные особенностями совершения преступлений групповыми формами.

Для выявления особенностей предмета доказывания по преступлениям, совершаемым организованными группами, следует рассмотреть более подробно специфические особенности, которые состоят не только в установлении обстоятельств преступления, предусмотренных в ст. 73 УПК РФ, но и дополнительных.

Как справедливо отмечает Ю. К. Якимович доказывание по преступлениям, совершенных организованными преступными группами представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, который состоит не из простой совокупности установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, а включает в себя целую систему действий по сбору доказательств, указывающих на организованный групповой характер преступлений [1, с. 277].

Помимо установления самого события преступления требуется установить причастность группы к совершению иных преступлений, так как преступная деятельность организованной группы не ограничивается одним или двумя преступлениями, а имеет более высокий количественный показатель. Далее устанавливаются время, место, способ и другие обстоятельства совершенного преступления. Значение имеют средства совершения преступления, так как для организованной группы характерно использование средств воздействия (материального и/или психического).

Мотивы и цели преступления также выступают обязательными элементами предмета доказывания по преступлениям, совершенным организованными группами, так как они обладают типичностью, в частности в большинстве случаев имеют корыстный характер.

Для групповых форм преступлений важно установить обстоятельства, характеризующие личность участника преступной группы. Причем такие характеристики касаются не столько самого совершенного преступления, сколько самой личности преступника и могут быть вовсе не связаны с преступлениями. Так, например, установлению подлежат такие признаки как возраст, пол, наличие судимости, образование, работа, семейное положение, поведение, взаимоотношения с соседями, на работе, в семье и иных коллективах. Данные сведения позволяют построить и воссоздать общий образ преступника, выявить типичные признаки, характеризующие его ролевую функцию, вид и группу совершаемых преступлений.

Особенностью предмета доказывания по рассматриваемым преступлениям является то, что обстоятельства, исключающие преступность, не входят в его пределы. Обусловлено это самой спецификой преступный деятельности организованной группы и совершаемых ею видов и групп преступлений, где общественная опасность деяния присутствует неоспоримо.

Также не всегда в круг обстоятельств предмета доказывания включаются основания освобождения от уголовной ответственности, что также связано с особенностями преступлений, которые относятся к тяжким и особо тяжким, а по таким преступлениям в большинстве случаев УК РФ не предусмотрены основания освобождения от уголовной ответственности.

Подытожив сказанное, необходимо привести следующую систему обстоятельств, входящих в предмет доказывания по преступлениям, совершенным организованными преступными группами, которые имеют специфику именно по данным видам преступлений и привести конкретные примеры из следственно-судебной практики.

Во-первых, это обстоятельства, указывающие на наличие события преступления, а также на факт совершения преступления организованной преступной группой.

Во-вторых, в предмет доказывания должны быть включены обстоятельства, позволяющие установить групповую форму преступной деятельности, а следовательно, ее причастность к совершенному преступлению. Сюда включаются такие обстоятельства как:

— характер, структура (иерархия) организованной преступной группы и распределение в ней ролей, в том числе обстоятельства, которые указывают на наличие звеньев внутри группы, уровни организации. При этом важно определить роль каждого из участников и принадлежность к тому или иному уровню или звену. Так, сначала устанавливаются обстоятельства, указывающие на то, какие функции были возложены на участника. По

данным фактам следователь определяет принадлежность лица к исполнительному звену, управленческому, организационному или обеспечивающему. Место и роль участника в системе организованной группы определяется не только исходя из конкретных действий и функций, которые были возложены на участника, но и деятельности иных участников. В связи с чем для следователя важным является установление этих связей, которые позволяют определить полный спектр взаимодействия участников внутри группы.

Так, из приговора суда следует, что в составе организованной преступной группы были совершены преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 ч. 5 ст. 228.1, ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. При этом на предварительном следствии доказано, что в группе существовало распределение ролей, в частности обвиняемый исполнял роль курьера-закладчика. В его функции входило оборудование тайников с расфасованным в полимерные свертки наркотическим средством и получение данных предметов также через тайник от других участников. Тем самым в данном случае обвиняемый хоть и дистанционно, но осуществлял взаимодействие с иными участниками группы, исполняя отведенную ему роль либо «закладчика-курьера» либо «мини-склада». В данном примере обвиняемый находился на низшем уровне преступной иерархии конкретной организованной группы. Также в предмет доказывания по данному уголовному делу входило установление иных участников организованной преступной группы и определение их ролей. Следователем были установлены такие участники как: организатор, который выполнял также и руководящую роль, куратор [2].

— существующую систему правил поведения для членов группы, характер санкций за их нарушение и виды применяемых поощрений. Так, например, из приговора суда следует, что в организованной группе действовали правила поведения, в частности «иметь при себе сотовый телефон с выходом в сеть «Интернет», быть готовым к получению электронных сообщений с использованием «интернет-мессенджера», использовать для обмена сообщениями программу «Telegram», периодически по указанию «организатора» и «руководителя», а также «оператора» удалять переписку в программе «Telegram», неуклонно соблюдать разработанные организатором меры конспирации и следовать инструкциям» [3].

— порядок распределения прибыли, полученной от преступный деятельности. Так, например, из приговора суда известно, что организатор распределял прибыль от преступный деятельности следующим образом. Часть прибыли от преступной деятельности шла на незаконные поставки новых оптовых партий наркотических средств, а часть на выплату незаконного денежного вознаграждения членам организованной группы, исходя из эффективности осуществляемой ими преступной деятельности [4].

Также устанавливаются конкретные способы распределения прибыли между участниками группы. Распространена практика распределения прибыли исходя из объема и качества совершаемых преступных действий. Так, например, из приговора суда следует, что прибыль между участниками распределялась с учетом «вклада» каждого лица в совершенное преступление [5].

— и др.

В-третьих, важен способ совершения преступления, который, зачастую, имеет триединую структуру (способ подготовки, совершения и сокрытия). Данный признак является основным и характерным для преступлений, совершаемыми организованными преступными группами. Наличие сложного разработанного и тщательно спланированного преступления предопределяет его детальную подготовку, а также включает способы сокрытия следов, в частности их уничтожение, маскировку и конспирацию. На примере уголовного дела от № 1–246/2024 от 18 июня 2025 г. [6] о мошенничестве, совершенных в составе организованной преступной группы наглядно можно проследить как преступления были подготовлены, какими средствами и способами осуществлялись и как скрывались следы. Так, разработанный план включал в себя совершение обмана должностных лиц и работников органов государственной власти, направленного на выделение денежных средств из бюджета в сумме, превышающей реальную стоимость товаров и услуг, на которые данные средства выделялись. Согласно данному плану, подготовка включала в себя совершение следующих действий, а именно создание и приискание юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые должны были подготовить коммерческие предложения с завышенной стоимостью работ и услуг или сфальсифицировать такие документы, приискание участников, как осведомленных о преступлениях намерениях группы, так и тех, кто не знал о преступной деятельности группы.

Далее способ совершения преступления состоял в проведении либо создании видимости выполнения работ или услуг, приемке результатов.

Сокрытие следов состояло в подготовке отчетной документации, счетов и актов, в сумме, превышающей фактически исполненные работы или услуги. Также сокрытие состояло в совершении конспиративных и маскировочных действий, включая обмен информацией только при личном общении, использование мессенджеров «Телеграмм» и «Вотсапп» с закрытыми чатами, маскировку действий под законные (осуществление закупок в рамках Федерального закона от <дата> № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), ведение нормальной хозяйственной и финансовой деятельности подконтрольных организаций, являющихся контрагентами.

Тем самым, преступления характеризовались сложностью и многоэпизодностью с наличием четкого плана, включающего средства и способы подготовки, совершения и сокрытия следов, которые в рамках указанных преступлений требуют обязательного установления и особого внимания со стороны следствия.

В-четвертых, особое внимание уделяется обстоятельствам, связанным со способами противодействия раскрытию и расследованию преступления, так как организованная преступная группа имеет разветвленную систему взаимосвязей и взаимоподдержки в различных кругах, включая правоохранительные, судебные, а также обладает навыками и имеет все доступные средства для конспирации преступной деятельности, не маскировки под законную. К тому же члены организованной преступной группы имеют большой опыт преступной деятельности, а значит могут оказывать активное сопротивление расследованию, запутывать следствие, создавать стройные, логичные версии произошедшего события, иметь искусственно созданное алиби и др. Что требует от следствия огромных усилий, навыков и умений противостоять противодействию и оказывать активное сопротивление, направленное на изобличение во лжи, разрушение версий и становление истинных причинно-следственных связей. На практике случаи противодействия расследованию являются достаточно частыми (33 % опрошенных ссылаются на частные случаи противодействия), что представляет некоторые сложности и вносит свои коррективы в расследование.

Воспрепятствование и противодействие расследованию по преступлениям, совершенным организованной группой, зачастую, ведется на качественно высоком уровне с разработанным планом и распределением ролей. Так, на примере уголовного дела противодействие состояло в следующем. Участник организованной группы Л. для подготовки ложных показаний похищал потерпевших, склонял их к даче ложных показаний, а также сопровождал их в зал судебного заседания, ю создавал ситуации, исключающие общение потерпевших с правоохранительными органами [7].

В-пятых, для преступлений, совершенных организованными преступными группами, в обязательном порядке в предмет доказывания включаются сведения о технической составляющей преступной деятельности, в том числе используемые технические средства не только для совершения преступлений, но и для обеспечения безопасности ее членов. Стоит отметить, что в век информационных технологий и развития цифровой техники, технически ВК средства и устройства играют главенствую роль при совершении отдельных видов преступлений. Так, при совершении мошенничества активно используется искусственный интеллект при создании дипфейков и последующего обмана [8, с. 107]. Установив технические средств и устройства, используемые организованной группой, следователю предоставляется возможность раскрыть преступную схему совершения преступления.

Так, например, по делам о незаконном обороте наркотиков в сети Интернет, совершенных организованной преступной группой, используются типовые технические средства и устройства. В частности сама сеть Интернет, которая выступает средством совершения преступления и имеет информационно-техническую природу. Используются и дополнительные технические средства, такие как «…технологии виртуальной частной сети VPN, скрывающей действительный IP-адрес, и (или) интернет-браузер TOR (система прокси-серверов, позволяющая создавать анонимное сетевое соединение), использование приватного мессенджера нового поколения «Telegram» с особыми способами шифрования, позволяющего проводить анонимную регистрацию, быстро и безопасно обмениваться сообщениями, с использованием вымышленных имен-псевдонимов; использование современных электронных платежных инструментов системы моментальных платежей для производства расчетов…» [9].

Указанные технические средства наиболее часто используются в «современных» видах преступлений, которые характеризуются компьютеризацией и цифровизацией.

Специальной совокупностью технических устройств характеризуется преступная деятельность организованной группы, связанная с мошенничеством. Так, по одному из уголовных дел установлено, что преступная группа для совершения преступлений использовала компьютерную технику, в том числе телефоны и иные средства, обеспечивающие возможность осуществления звонков. Из приговора суда следует, что группа обладала «высокой степенью технической оснащенности», о чем свидетельствует использование в большом количестве стационарных телефонов, с помощью которых велась работа «колл-центров». Для обеспечения технического обслуживания совершения преступлений в организованной группе была образована роль «технического специалиста», который налаживал действие оборудования, обеспечивал бесперебойность работы технических устройств, осуществлял контроль работоспособности техники и программных средств [10].

Техническое оснащение группы позволяет более детально изучить методы и способы совершения преступлений, понять преступный план и схему совершения преступлений, а также установление технических средств, используемых при совершении преступлений ложится в основу системы доказательств, направленных на изобличение участников преступной группы.

В-шестых, финансовая и материальная основа преступный деятельности организованной группы, куда включаются установление обстоятельств о финансовых фондах группы, материальной составляющей деятельности группы. В своем большинстве материально-финансовая основа преступлений, совершаемых организованными группами, основывалась на доходах от собственно преступной деятельности. Так, например, из приговора суда следует, что материально-финансовая база организованной группы «складывалась из суммы комиссионных сборов от всей суммы оборота по каждой из незаконных банковских операций, совершенных организованной группой в ходе своей деятельности» [11].

Однако в состав материально-финансовой базы включаются иные источники, в частности внешние, такие как кредиты, займы, пожертвования и гранты. Напрямую

данные средства не связаны с результатами преступный деятельности, но направлены на ее обеспечение [12, с. 211].

В-седьмых, обстоятельства, о связях организованной группы с другими преступными формированиями. Эти обстоятельства указывают на наличие раздела сферы влияния, территориального разделения преступной деятельности и др.

Доказывание по преступлениям, совершаемым организованными преступными группами, имеет ряд важных особенностей, которые значительно расширяют предмет доказывания, включая в него те обстоятельства, которые при расследовании иных форм (обычных) преступлений не имеют значения, что значительно расширяет предмет и пределы доказывания по данной категории преступлений [13, с. 59]. При этом особое внимание уделяет самой специфике группового характера совершения преступления и признакам организованной группы. Указанный перечень обстоятельств, позволяет в полной мере эффективно расследовать преступления, совершенные организованными группами, с достаточной достоверностью установить причастность группы к совершению того или иного преступления или совокупности преступлений.

На основании изложенного можно сформулировать понятие предмета доказывания по преступлениям, совершенным организованной преступный группой, под которым понимается совокупность и система типовых юридических фактов, подлежащих установлению, направленных на выявление и выяснение обстоятельств совершенных преступлений, и характеризующихся особенностями и сущностью как самой организованной преступной группы, так и ее преступной деятельностью.

Работа по доказыванию по рассматриваемым видам преступлений должна вестись на качественно высоком уровне. Это должен понимать следователь и с особой осмотрительностью и внимательностью строить доказательственную деятельность, включая в нее не только требования уголовно-процессуального характера, но и криминалистические рекомендации.

Литература:

1. Якимович Ю. К. Последние изменения уголовно-процессуального законодательства и проблемы уголовно-процессуального доказывания // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4.
2. Приговор от 23 октября 2025 г. Дело № 1–270/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/VZqShCcyMOZO/?regular-txt=+организованной+группы&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775150287187&snippet_pos=480#snippet.
3. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 25 июня 2025 г. Дело № 1–459/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/vDIxvxrEuvJg/?regular-txt=+организованной+группы+правила&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775151281500&snippet_pos=3154#snippet.
4. Приговор Останкинского районного суда города Москвы от 17 марта 2025 г. Дело № 01–0119/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/xeuAcd06uzVd/?regular-txt=++прибыль+от+преступной+деятельности&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775196097852&snippet_pos=1448#snippet.
5. Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 10 сентября 2025 г. Дело № 01–0694/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/C6MVnq5GhpZl/?regular-txt=Организованная+группа+подготовка+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775196504322&snippet_pos=18800#snippet.
6. Приговор Ессентукского городского суда Ставропольского края от 18 июня 2025 г. Дело № 1–246/2024 // https://sudact.ru/regular/doc/9mi8kEai0Bg8/?regular-txt=Организованная+группа+подготовка+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775196504322&snippet_pos=7174#snippet.
7. Приговор Ворошиловского районного суда города Ростова-на-Дону от 11 августа 2025 г. Дело № 1–601/2024 // https://sudact.ru/regular/doc/ntrWudrpgVHC/?regular-txt=Организованная+группа+воспрепятствование&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775236671781&snippet_pos=1038#snippet.
8. Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11 (168).
9. Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 22 октября 2025 г. Дело № 1–529/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/1RecpDC2GD6W/?regular-txt=Организованная+группа++&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775282015794&snippet_pos=3658#snippet.
10. Приговор Советского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 16 октября 2025 г. Дело № 1–655/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/YagStVJZhaHu/?page=2&regular-txt=Организованная+группа++&regular-case_

doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775289731206&snippet_pos=6832#snippet.
11. Приговор Савеловского районного суда города Москвы от 19 июня 2025 г. Дело № 01–0305/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/rI6MizGFbpoo/?page=3&regular-txt=Организованная+группа+материально-финансовая&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1775291899452&snippet_pos=3706#snippet.
12. Гафаров Э. С. Экономические основы организованной преступности // Форум молодых ученых. 2021. № 6 (58).
13. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки организованной группы // Lex Russica. 2021. № 74(8).

Система представительных органов публичной власти в Российской Федерации: научный анализ, цифровое развитие и пути совершенствования

Казачанский Владислав Евгеньевич, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается система представительных органов в единой системе публичной власти России с позиций административного права: их статус, формы деятельности, открытость и ответственность. Сопоставляются федеральный, региональный и муниципальный уровни. Показано, как цифровая трансформация публичного управления меняет работу представительных органов. Названы основные проблемы практики — фрагментарность регулирования, формальная открытость, цифровое неравенство, неравные ресурсы муниципальных органов, уязвимость электронных процедур — и предложены меры по их смягчению.

Ключевые слова: *представительные органы, административно-правовой статус, публичное управление, единая система публичной власти, местное самоуправление, цифровая трансформация, доступ к информации.*

Представительные органы принято изучать в рамках конституционного права, но административное право смотрит на них иначе: его интересует, как они встроены в публичное управление, по каким процедурам работают, кто их контролирует и кто отвечает за нарушения. Реформа 2020 года сделала такой взгляд необходимым: органы местного самоуправления и органы государственной власти вошли в единую систему публичной власти и взаимодействуют для решения задач в интересах населения (ч. 3 ст. 132 Конституции), а к ведению Российской Федерации отнесли безопасность личности, общества и государства при применении информационных технологий (п. «м» ст. 71). В статье рассматривается, как устроена система представительных органов и как её меняет цифровая трансформация публичного управления [4].

Система представительных органов многоуровневая. На федеральном уровне это Федеральное Собрание, которое статья 94 Конституции называет парламентом, представительным и законодательным органом страны. Государственная Дума включает 450 депутатов и избирается на пять лет; в Совет Федерации входят по одному представителю от законодательного и исполнительного органов каждого субъекта, а также представители Российской Федерации, назначаемые Президентом (ст. 95). На региональном уровне действуют законодательные (представительные) органы субъектов; организацию публичной власти в них определяет Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ. На местном уровне работают представительные органы муниципальных образований, статус которых определяет Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Правовое измерение организации власти в информационном обществе подробно анализирует Э. В. Талапина [6].

Представительные органы не входят в систему исполнительной власти: статья 10 Конституции разделяет ветви власти, а органы местного самоуправления в систему органов государственной власти не входят (ст. 12). Но административное право интересуется ими как субъектами публичного управления: у каждого есть организационная структура, регламент, право принимать правовые акты и формировать аппарат. Аппарат работает на государственной гражданской службе (Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ) или на муниципальной службе (Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ), а на депутатов распространяются антикоррупционные требования Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Стратегические вопросы организации публичного управления в информационном обществе рассматриваются в литературе [3].

Открытость — центральное требование к публичному управлению. Конституция гарантирует право свободно искать и получать информацию (ч. 4 ст. 29), а доступ

к сведениям о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления регулирует Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ. Ответственность предусматривает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: за отказ в предоставлении информации (ст. 5.39), за нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности органов власти (ст. 13.27) и за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан (ст. 5.59). Решение или бездействие органа публичной власти можно оспорить в суде в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства (ст. 46 Конституции). Однако, как подчёркивается в литературе, доступ к информации требует не только закреплённых форм, но и ясных процедур, организационных условий и ответственности за их нарушение [2].

Цифровизация затронула работу представительных органов в нескольких направлениях: электронный документооборот, электронное голосование депутатов, трансляции заседаний, электронные приёмные, обращения через портал государственных услуг, официальные страницы депутатов, платформа «Российская общественная инициатива». В ряде регионов на выборах применялось дистанционное электронное голосование. Но вместе с этим появляется иллюзия открытости: выложить на сайт массив неструктурированных файлов — не значит обеспечить доступ. Важно не то, что сведения опубликованы, а то, что их можно найти, понять и использовать. Ориентиры цифрового развития задаёт Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203); как право адаптируется к цифровой реальности, анализируется в литературе [8].

Отдельный вопрос — статус цифровых прав. В. Д. Зорькин предложил относить к ним права на доступ к цифровым произведениям, устройствам и сетям, на свободное общение и выражение мнения в сети, а также на неприкосновенность частной информационной сферы [5]. Другие авторы считают, что речь идёт о тех же классических правах в новой среде. Для административного права вопрос практический: избирательные права, право на обращение и право на информацию остаются прежними, но осуществляются через иные процедуры, и гарантии приходится прописывать заново. Ближе вторая позиция: новые формулировки нужны только там, где прежние гарантии объективно не работают.

Выгоды цифровых инструментов очевидны: меньше очередей, быстрее обратная связь. Издержки видны хуже. Во-первых, фрагментарность регулирования: требования к цифровой деятельности рассеяны по законам о доступе к информации, об обращениях, об электронной подписи и о выборах. Во-вторых, формальная открытость: протоколы размещены, а понять, кто за что голосовал и почему, затруднительно. В-третьих, цифровое неравенство: без стабильного интернета и навыков человек получает меньше возможностей влиять на власть, хотя юридически равен остальным (ст. 19 Конституции). В-четвёртых, неравенство ресурсов: областной парламент может содержать профессиональную службу, а совет сельского поселения — нет. В-пятых, уязвимость дистанционного голосования, где трудно обеспечить сразу и тайну волеизъявления, и независимую проверку результата. Право при этом не поспевает за технологиями [9].

К этому добавляется вопрос безопасности. Защита информации и систем, обеспечивающих работу представительных органов и выборов, — условие доверия к ним, но под лозунгом безопасности легко оправдать избыточное ограничение доступа к сведениям. Конституция допускает ограничение прав федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Если цель достижима менее жёсткой мерой, жёсткую выбирать нельзя [1].

Какие меры выглядят разумными? Во-первых, единые требования к публикации данных представительными органами: общий формат, поиск, открытые сведения о голосовании каждого депутата. Во-вторых, типовой порядок работы с электронными обращениями со сроками и обязанностью давать мотивированный ответ. В-третьих, сохранение офлайн-каналов для пожилых людей и жителей удалённых территорий. В-четвёртых, закрепление процедур независимого наблюдения за электронным голосованием. В-пятых, поддержка муниципальных органов: типовые цифровые решения, обучение депутатов и аппарата. В-шестых, оценка влияния крупных цифровых проектов на права граждан до их запуска и развитие цифровой грамотности [7].

Система представительных органов выстроена на трёх уровнях и после 2020 года рассматривается как часть единой системы публичной власти. С позиции административного права это субъекты публичного управления со своей организацией, аппаратом, процедурами и ответственностью. Цифровизация меняет саму модель публичного управления, но не отменяет требований к законности и проверяемости процедур [4]. Качество управления измеряется не количеством сервисов, а тем, остаются ли решения понятными, проверяемыми и соразмерными. Удастся ли сохранить баланс между открытостью, надёжностью электронных процедур и безопасностью, зависит не только от законодателя, но и от повседневной практики каждого представительного органа.

Литература:

1. Алексеева, М. В. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ / М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 3. —

С. 27–30. — URL: https://lawinfo.ru/articles/9882/konstitucionnye-aspekty-cifrovyx-prav-v-epoxu-cifrovizacii-yuridiceskii-i-prakticeskii-analiz (дата обращения: 08.11.2026).
2. Алексеева, М. В. Обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов / М. В. Алексеева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2011. — № 9 (15). — С. 58–64.
3. Алексеева, М. В. Особенности стратегии государственного управления в сфере развития информационного общества / М. В. Алексеева, В. Н. Линкин // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2018. — № 1. — С. 76–80.
4. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82500354 (дата обращения: 07.11.2026).
5. Зорькин, В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан: размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 09.11.2026).
6. Талапина, Э. В. Государственное управление в информационном обществе: правовое измерение / Э. В. Талапина. — Москва: Юриспруденция, 2015. — 184 с.
7. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14, № 3. — С. 122–146. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-tsifrovuyu-epohu/viewer (дата обращения: 07.11.2026).
8. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
9. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-pered-vyzovami-tsifrovoy-realnosti/viewer (дата обращения: 08.11.2026).

Проблемы достоверности и публичной достоверности Единого государственного реестра недвижимости

Камбетова Сауле Нурлановна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Единый государственный реестр недвижимости (далее — ЕГРН) является центральным инструментом легитимации прав на недвижимое имущество: от содержания записи зависят возникновение, переход и прекращение прав, а также оценка поведения участников оборота. Гражданский кодекс РФ устанавливает, что государственная регистрация осуществляется на основе принципов «проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра» (п. 1 ст. 8.1) [1]. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» определяет ЕГРН как «свод достоверных систематизированных сведений» и признает государственную регистрацию единственным доказательством существования зарегистрированного права (ч. 2, 5 ст. 1) [2].

Актуальность темы определяется тем, что нормативная декларация достоверности реестра до сих пор не получила последовательного механизма защиты лица, положившегося на его сведения. Только за 2025–2026 гг. Конституционный Суд РФ трижды формулировал правовые позиции о защите прав граждан, зарегистрированных в ЕГРН или приобретенных с опорой на его данные: в постановлениях от 28 января 2025 г. № 3-П [3], от 26 мая 2025 г. № 22-П [4] и от 29 октября 2026 г. № 63-П [5]. Одновременно сохраняется значительный объем фактической недостоверности кадастровых сведений: по данным Росреестра, с 2022 г. исправлено более 2,7 млн исторически накопленных реестровых ошибок [9].

Вместе с тем в литературе нередко отождествляются понятия «достоверность» и «публичная достоверность», а изменения законодательства 2019 года и практика Конституционного Суда РФ 2025–2026 гг. еще не получили обобщающей оценки в их единстве. Правовое регулирование содержит ряд противоречий.

Термин «публичная достоверность» в действующем законодательстве отсутствует. Пункт 1 ст. 8.1 ГК РФ называет самостоятельные принципы публичности и достоверности государственного реестра, а Закон № 218-ФЗ использует категорию достоверности применительно к составу сведений ЕГРН. Как отмечает Д. В. Лоренц, в ст. 7 Закона № 218-ФЗ достоверность и доступность сведений выступают отдельными началами ведения реестра.

Достоверность в собственном смысле — свойство информации. А. В. Ермакова определяет ее как соответствие сведений реестра о правовом состоянии объектов не-

движимости их действительному правовому состоянию и подчеркивает, что абсолютная достоверность реестра недостижима. Автор различает изначальную недостоверность (запись внесена в отсутствие надлежащего правооснования) и последующую (право изменилось вне реестра), а средствами обеспечения достоверности считает предотвращение, индикацию и актуализацию недостоверных сведений [8]. Такая достоверность адресована прежде всего государству: орган регистрации прав отвечает за полноту и достоверность предоставляемых сведений (п. 3 ч. 1 ст. 66 Закона № 218-ФЗ).

Публичная достоверность, напротив, характеризует не качество сведений, а правовые последствия их использования. Это правило распределения риска расхождения между записью и действительным правовым положением в пользу третьего лица, положившегося на реестр.

Действующее право содержит отдельные элементы публичной достоверности: презумпцию правообладания лица, указанного в реестре (абз. 1 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ), запрет ссылаться на данные реестра лицу, знавшему или должному знать об их недостоверности (абз. 2), презумпцию добросовестности приобретателя (абз. 3), а также защиту лиц, полагавшихся на записи, при исправлении ошибок (ч. 4 ст. 61 Закона № 218-ФЗ). Однако ключевой элемент — приобретение права в силу доверия к записи вопреки действительному правообладателю — отсутствует. Показательно сравнение с п. 2 ст. 51 ГК РФ: для ЕГРЮЛ законодатель уже употребил полную формулу, запрещающую юридическому лицу ссылаться в отношениях с добросовестным лицом на невключенные или недостоверные данные, за изъятием сведений, внесенных помимо его воли, а Пленум Верховного Суда РФ подтвердил соответствующую презумпцию [6]. Для ЕГРН такая формула не воспроизведена. Поэтому российскую модель точнее характеризовать как ограниченную (относительную) публичную достоверность.

В Постановлении № 3-П Конституционный Суд РФ указал, что требование о признании отсутствующим зарегистрированного (или отраженного в ЕГРН как ранее возникшее) права гражданина на земельный участок в границах особо охраняемой природной территории или земель лесного фонда предполагает проверку добросовестности ответчика по правилам п. 1 ст. 302 ГК РФ и срока исковой давности. При установлении добросовестности или истечения давности требование в отношении лесного участка не удовлетворяется, а в отношении участка в границах особо охраняемой территории удовлетворяется с одновременным возложением на органы, первично предоставившие участок, обязанности предоставить равноценный участок либо иную компенсацию. Суд подчеркнул, что за достоверность выданных правоустанавливающих документов и соблюдение процедур предоставления земли и регистрации прав прежде всего отвечают органы публичной власти [3].

В Постановлении № 22-П Конституционный Суд РФ разграничил волеизъявление, направленное на возникновение прав, и добровольную передачу владения и признал, что действия уполномоченных органов по передаче жилого помещения в частную собственность, даже впоследствии признанные незаконными, исключают вывод о выбытии имущества помимо воли публичного собственника. Государственная регистрация, не являясь распоряжением имуществом, выступает завершающим элементом юридического состава и презюмирует наличие воли публичного собственника на выбытие жилого помещения. Риски, по мнению Суда, должны распределяться с учетом неравных возможностей сторон по их выявлению и предотвращению, а к органам власти применяется повышенный стандарт осмотрительности. Компенсация по ст. 68.1 Закона № 218-ФЗ охарактеризована как резервный механизм, не отменяющий основных гарантий прав добросовестного приобретателя [4].

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 2 (2025) прямо опирается на презумпцию абз. 3 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ: при отсутствии в ЕГРН отметок о судебных спорах и возражениях само по себе расхождение цены договора с кадастровой стоимостью не предрешает вывода о недобросовестности, а вопрос разрешается по совокупности обстоятельств — подыскания продавца, переговоров, осмотра имущества, осведомленности о притязаниях третьих лиц [7]. Наконец, в Постановлении № 63-П Конституционный Суд РФ распространил эту логику на иски публичных образований о признании зарегистрированного права отсутствующим, которые суды нередко квалифицируют как негаторные: поскольку такой иск лишает гражданина имущества, которое тот считал своим, условия неблагоприятных для него последствий должны определяться по правилам виндикации [5].

Представляется, что риск недостоверности ЕГРН является системным, т. е. порожденным самой государственной системой регистрации, а не поведением одного из участников спора. В Постановлениях № 16-П, № 3-П и № 22-П Конституционный Суд РФ последовательно исходит из того, что последствия пренебрежения публичной властью требованиями осмотрительности не должны перекладываться на граждан. Логическим продолжением этой позиции является переход от виновной ответственности к безвиновной гарантийной обязанности государства возмещать потери, вызванные доверием к реестру, с последующим регрессом к виновным лицам. Такая конструкция не тождественна деликтной ответственности: она основана на гарантирующей функции реестра и может финансироваться из целевого компенсационного фонда, формируемого за счет части государственной пошлины за регистрацию.

Достоверность и публичная достоверность ЕГРН — взаимосвязанные, но различные категории. Достоверность представляет собой объективное свойство сведений реестра и публично-правовую обязанность государства; публичная достоверность — частноправовое последствие доверия к реестру, распределяющее риск расхождения записи и действительности в пользу добросовестного

третьего лица. Вторая категория необходима именно потому, что абсолютная достоверность недостижима. Действующая российская модель является моделью ограниченной (относительной) публичной достоверности. Она включает презумпцию правообладания, правило о недопустимости ссылки на заведомо недостоверные данные, презумпцию добросовестности приобретателя и защиту доверия при исправлении ошибок, но не содержит правила о приобретении права в силу доверия к записи: исход спора определяется критериями ст. 302 ГК РФ, не связанными с содержанием реестра. Интрасистемным ориентиром для реформы может служить п. 2 ст. 51 ГК РФ, уже закрепивший полную формулу защиты доверия к ЕГРЮЛ.

На этой основе предложено: разграничение достоверности и публичной достоверности в п. 1 ст. 8.1 ГК РФ; новый п. 6.1 ст. 8.1 ГК РФ о защите доверия к записи с исключением для аффилированных лиц; распространение трехлетнего срока п. 4 ст. 302 ГК РФ на всех собственников и все объекты недвижимости; замена главы 10.1 Закона № 218-ФЗ институтом безвиновного гарантийного возмещения из компенсационного фонда; ограничение возможности противопоставлять незарегистрированные права добросовестным приобретателям после переходного периода; презумпция правильности сведений о границах, установленных с нормативной точностью; обновление разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2025 № 22-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. В. Панкратовой». URL: https://pravo.ppt.ru/postanovlenie/konstitutsionny-sud/n-22-p-313884 (дата обращения: 06.11.2026).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.10.2026 № 63-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 1 статьи 8, абзаца четырнадцатого статьи 12, статьи 304 Гражданского кодек-са Российской Федерации, части второй статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части 5 статьи 1 и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Остроумовой Ольги Александровны» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://pravo.ppt.ru/postanovlenie/plenum-verkhovnogo-suda/n-25–68961 (дата обращения: 06.11.2026).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025). URL: https://pravo.ppt.ru/obzor/320990 (дата обращения: 06.11.2026).
8. Ермакова А. В. Категория достоверности реестра прав на недвижимость в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. Пермь, 2021.
9. Более 2,7 млн реестровых ошибок исправили с 2022 года по госпрограмме НСПД // NormaCS. 13.01.2026. URL: https://www.normacs.info/news/78119 (дата обращения: 06.11.2026).

Правовые проблемы осуществления права собственности на жилые помещения в многоквартирных домах

Камбетова Сауле Нурлановна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Актуальность темы определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, Федеральными законами от 21.12.2021 № 430-ФЗ и от 24.07.2023 № 351-ФЗ в ГК РФ включены общие нормы о помещениях (ст. 141.4), об общем имуществе собственников недвижимых вещей (ст. 259.1–259.4), о праве собственности на помещения и о прекращении права собственности на бесхозяйственно содержимое помещение (ст. 287.5–287.7); ст. 290 ГК РФ изложена в новой редакции, а ст. 293 ГК РФ утратила силу [7; 19]. Соотношение этих норм со специальными нор-

мами ЖК РФ еще не получило завершенного доктринального осмысления. Во-вторых, Конституционный Суд РФ в Постановлениях от 24.03.2015 № 5-П, от 23.03.2023 № 9-П и от 25.04.2024 № 21-П выявил дефекты регулирования краткосрочного найма и прав третьих лиц на жилые помещения [10; 11; 12], на что законодатель отреагировал Федеральными законами от 23.03.2024 № 55-ФЗ, от 26.12.2024 № 482-ФЗ и от 23.07.2025 № 233-ФЗ. В-третьих, Президиум Верховного Суда РФ 13.12.2023 утвердил Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме [15], а Пленум Верховного Суда РФ 09.12.2025 внес изменения в Постановление от 02.07.2009 № 14 [13].

Исходным для анализа является вопрос об объекте права. Помещением признается обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания граждан (жилое помещение) либо для других целей и подходящая для использования в соответствующих целях; помещения, предназначенные для обслуживания иных помещений, являются общим имуществом и не участвуют в обороте как самостоятельные недвижимые вещи (п. 1, 2 ст. 141.4 ГК РФ). Правила ГК РФ о помещениях применяются к жилым помещениям, если иное не установлено ЖК РФ (п. 7 ст. 141.4 ГК РФ), который определяет жилое помещение как изолированное помещение, являющееся недвижимым имуществом и пригодное для постоянного проживания граждан (ч. 2 ст. 15 ЖК РФ) [2].

Собственнику квартиры наряду с помещением принадлежит доля в праве собственности на общее имущество дома (ст. 289 ГК РФ). В редакции Федерального закона № 430-ФЗ ст. 290 ГК РФ распространила этот режим на собственников всех помещений и машино-мест, включила в состав общего имущества земельный участок (п. 2 ст. 287.6 ГК РФ) и запретила отчуждать долю отдельно от права на помещение. Федеральный закон № 351-ФЗ дополнил гл. 16 ГК РФ параграфом об общем имуществе собственников недвижимых вещей: доля следует судьбе права собственности на недвижимую вещь, не может быть выделена в натуре и отчуждена отдельно от него, а сделки, совершенные в нарушение этого правила, ничтожны (п. 2 ст. 259.2 ГК РФ)[1]. Государственная регистрация права на помещение в многоквартирном доме одновременно является регистрацией неразрывно связанного с ним права общей долевой собственности на общее имущество (ч. 1 ст. 42 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости») [5].

Таким образом, объект права собственника квартиры имеет составной характер: он охватывает индивидуально-определенное помещение и идеальную долю в праве на комплекс общего имущества.

Применительно к российскому праву доля в общем имуществе представляет собой акцессорный элемент права собственности на помещение: она неотделима от него, определяется пропорционально площади (ч. 1 ст. 37 ЖК РФ, п. 1 ст. 259.2 ГК РФ) и не может изменяться соглашением собственников (п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64) [14]. Таким образом, собственник одновременно осуществляет индивидуальное право на помещение и право общей собственности, ограниченное коллективными решениями (ч. 2 ст. 36, ч. 5 ст. 46 ЖК РФ).

Основная проблема заключается в определении состава общего имущества. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ, к нему относятся помещения, предназначенные для обслуживания более одного помещения в доме. Их назначение определяется функциональными характеристиками, расположением и решением собственников (п. 1 ст. 287.5 ГК РФ). Право общей собственности возникает в силу закона независимо от регистрации, а запись об индивидуальной собственности может быть оспорена в суде (п. 3, 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 64). Однако отсутствие соответствующих сведений в ЕГРН, особенно в отношении ранее учтенных объектов, создает неопределенность состава общего имущества и необходимость его установления в судебном порядке.

Другая проблема связана с разграничением общих и специальных правил распоряжения общим имуществом. По ГК РФ решения принимаются большинством голосов, передача имущества в пользование требует не менее двух третей голосов, а его отчуждение — единогласия (п. 2, 4, 5 ст. 259.3 ГК РФ). ЖК РФ предусматривает передачу общего имущества в пользование большинством не менее двух третей голосов (ч. 4 ст. 36, п. 3 ч. 2 ст. 44, ч. 1 ст. 46), а уменьшение его размера посредством реконструкции — только с согласия всех собственников (ч. 3 ст. 36). Приоритет специальных норм ЖК РФ определяется п. 7 ст. 141.4 ГК РФ.

При этом ЖК РФ не регулирует отчуждение общего имущества без реконструкции, что обусловливает применение общих положений ГК РФ. Кроме того, законодательством не определен режим долгосрочного исключительного пользования частью общего имущества одним собственником, занимающего промежуточное положение между передачей в пользование и уменьшением состава общего имущества. Данный вопрос рассматривается в § 3.2.

Правомочие собственника изменять принадлежащее ему жилое помещение ограничено административной процедурой и правами других собственников. С 08.01.2019 порядок переустройства и перепланировки распространяется на все помещения в многоквартирном доме (гл. 4 ЖК РФ в ред. Федерального закона от 27.12.2018 № 558-ФЗ). Такие работы проводятся на основании проекта по согласованию с органом местного самоуправления (ч. 1, 2 ст. 26 ЖК РФ), а если они невозможны без присоединения части общего имущества, — при наличии протокола общего собрания о согласии всех собственников (п. 3 ч. 2 ст. 26, ч. 2 ст. 40 ЖК РФ). Реконструкция многоквартирного дома, в результате которой уменьшается размер об-

[1] Пункт 2 ст. 259.2 ГК РФ введен Федеральным законом от 24.07.2023 № 351-ФЗ; ст. 290 ГК РФ изложена в новой редакции Федеральным законом от 21.12.2021 № 430-ФЗ.

щего имущества, требует согласия всех собственников помещений и машино-мест (ч. 3 ст. 36 ЖК РФ, п. 6.2 ч. 7 ст. 51 ГрК РФ) [6].

Обзор судебной практики от 13.12.2023 систематизировал подходы к разграничению этих режимов. Решающее значение придано объекту изменений: перепланировка изменяет конфигурацию помещения, тогда как работы, в результате которых изменяются параметры дома (высота, этажность, площадь, объем) либо заменяются или восстанавливаются несущие конструкции, являются реконструкцией (п. 3, 5 Обзора). Устройство отдельного входа путем разрушения части несущей стены не может быть согласовано в порядке гл. 4 ЖК РФ (п. 4), тогда как замена балконного профиля остекления, не изменяющая параметров дома и не связанная с присоединением общего имущества, согласия всех собственников не требует (п. 9). Согласие всех собственников признано обязательным условием реконструкции, переустройства и перепланировки, влекущих уменьшение размера общего имущества; протокол, отражающий согласие 53 % голосовавших, такого согласия не подтверждает (п. 11). При передаче собственнику квартиры части лифтового холла — даже по решению товарищества собственников жилья о безвозмездном пользовании сроком на 49 лет — суд обязан установить действительную волю собственников и оценить, не имеет ли место фактическое присоединение общего имущества к помещению (п. 13) [15]. Одновременно Верховный Суд РФ подчеркнул, что отсутствие согласования само по себе не является безусловным основанием для приведения помещения в прежнее состояние, если права иных лиц не нарушены и угроза жизни или здоровью не создается (п. 16, 17).

Изложенное позволяет выделить три режима воздействия собственника на общее имущество: а) использование, не затрагивающее объем общего имущества; б) передача части общего имущества в пользование, в том числе отдельному собственнику (ч. 4 ст. 36 ЖК РФ, квалифицированное большинство); в) присоединение части общего имущества к помещению или иное уменьшение его размера (единогласие). Граница между вторым и третьим режимами проводится по оценочному критерию «фактического присоединения»: многолетнее исключительное пользование частью холла с возведением перегородки экономически равнозначно присоединению, но юридически оформляется как пользование. Такая неопределенность стимулирует обходные конструкции, что подтверждают и обстоятельства дела, обобщенного в п. 13 Обзора.

Наиболее значимое исключение из п. 2 ст. 292 ГК РФ установлено ст. 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»: на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения, имевших в момент приватизации равные с ним права пользования и отказавшихся от участия в ней, не распространяется ч. 4 ст. 31 ЖК РФ; п. 2 ст. 292 ГК РФ к ним не применяется (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14) [4]. Такое бессрочное право пользования следует за вещью, но длительное время не отражалось в реестре. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24.03.2015 № 5-П указал, что сохранение подобного обременения при обращении взыскания на заложенное жилое помещение, притом что требование его государственной регистрации не установлено, не может расцениваться как надлежащая гарантия прав участников оборота, действующих разумно и добросовестно, и поручил законодателю обеспечить максимальную прозрачность информации о правах третьих лиц на отчуждаемые жилые помещения [10]. В Постановлении от 25.04.2024 № 21-П Суд признал не соответствующей Конституции РФ ч. 6 ст. 32 ЖК РФ, поскольку она не обеспечивала жилищных гарантий таким лицам при изъятии жилого помещения в доме, признанном аварийным [12].

Законодатель отреагировал двумя актами. Федеральным законом от 26.12.2024 № 482-ФЗ с 01.09.2025 предусмотрено внесение в ЕГРН сведений о членах семьи (в том числе бывших) собственника приватизированного жилого помещения, имевших в момент приватизации равные права пользования, а также о членах семьи собственника жилого помещения в доме жилищного (жилищно-строительного) кооператива, круг которых определяется на дату полной выплаты паевого взноса; сведения вносятся по заявлению собственника либо члена (бывшего члена) семьи или на основании решения суда [8]. Федеральный закон от 23.07.2025 № 233-ФЗ дополнил ст. 19 Вводного закона частью 3: при изъятии жилого помещения в связи с изъятием земельного участка для публичных нужд названные лица, сведения о которых внесены в ЕГРН, приобретают право на внеочередное предоставление жилого помещения по договору социального найма, если изымаемое помещение является для них единственным пригодным для проживания и они приняты на учет в качестве нуждающихся либо имеют право состоять на таком учете [9].

Данные новеллы обеспечивают публичность, но не решают проблему полностью. Во-первых, внесение сведений в ЕГРН носит заявительный характер, а последствия отсутствия записи для добросовестного приобретателя жилого помещения законом не определены; значение реестровой записи установлено лишь для специального случая изъятия (ч. 3 ст. 19 Вводного закона). Во-вторых, сохраняется неопределенность правовой природы самого права. Д. Д. Климанова квалифицирует его как ограниченное вещное право проживания в чужом жилом помещении (habitatio), являющееся разновидностью узуфрукта, указывая на внедоговорное основание возникновения, бессрочность и следование за вещью; она напоминает, что Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. предполагала трансформацию подобных прав в «социальный узуфрукт», однако соответствующий параграф был исключен из проекта федерального закона № 47538–6/5 [16]. Для права пользования членов семьи собственника (ст. 31 ЖК РФ) в доктрине преобладает противоположный вывод: после изменения ст. 292 ГК РФ с 01.01.2005 оно утратило признак следования, а вместе с ним и вещно-правовой характер [17].

Соглашаясь с квалификацией права лица, отказавшегося от приватизации, как вещного, нельзя поддержать предложение Д. Д. Климановой обязать собственника получать согласие управомоченного лица на распоряжение и обременение жилого помещения по аналогии со ст. 604 ГК РФ [16]. Поскольку право проживания следует за вещью, интерес управомоченного лица защищен самим сохранением права при смене собственника; требование согласия создало бы дополнительное право вето и снизило бы оборотоспособность жилья без приращения защиты. Достаточной мерой является публичность. Предлагается дополнить ст. 19 Вводного закона правилом о том, что по истечении переходного срока право пользования, сведения о котором не внесены в ЕГРН, не может быть противопоставлено добросовестному приобретателю, а также закрепить в ГК РФ право проживания в чужом жилом помещении в качестве поименованного ограниченного вещного права. Необходимость такой конструкции О. В. Сахно обосновывал еще в 2005 г., предлагая ввести в ЖК РФ «жилищный сервитут» [18].

Второй аспект — принудительное прекращение права собственности как санкция за ненадлежащее осуществление. С 01.09.2022 ст. 293 ГК РФ утратила силу, а ее правило перенесено в ст. 287.7 ГК РФ, распространенную на помещения любого назначения и на машино-места: если собственник использует помещение не по назначению, систематически нарушает права и интересы соседей либо бесхозяйственно содержит помещение, допуская его разрушение, уполномоченный государственный орган или орган местного самоуправления может предупредить собственника, а при продолжении нарушений суд по иску этого органа может принять решение о продаже помещения с публичных торгов; к жилым помещениям эти правила применяются с особенностями, установленными ЖК РФ (п. 1, 2 ст. 287.7 ГК РФ). Самостоятельное основание продажи с публичных торгов предусмотрено ч. 5 ст. 29 ЖК РФ для случаев неисполнения обязанности привести самовольно переустроенное или перепланированное помещение в прежнее состояние. Верховный Суд РФ, опираясь на Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 1880-О, квалифицирует такую продажу как исключительную меру, допустимую лишь по истечении разумного срока для устранения нарушений, при невозможности сохранения помещения и отсутствии иного способа защиты (п. 19 Обзора от 13.12.2023) [15].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Право собственности на жилое помещение в многоквартирном доме объединяет индивидуальную собственность и неотделимую от нее долю в общем имуществе. Его осуществление ограничено функциональным единством здания, коллективным принятием решений и целевым использованием помещений.

Реформа 2021–2023 гг. сформировала общую модель регулирования общего имущества в ГК РФ и специальные нормы ЖК РФ. Однако сохраняются проблемы определения состава общего имущества при отсутствии сведений в ЕГРН и разграничения его предоставления в пользование и присоединения к помещению.

Законодательство недостаточно четко определяет пределы пользования жилыми помещениями. Критерии разграничения краткосрочного найма и гостиничных услуг, сформулированные в Постановлении Конституционного Суда РФ № 9-П, не получили полноценного законодательного закрепления. Отсутствие института соседского права восполняется судебной практикой.

Требование единогласия при присоединении общего имущества защищает собственников, но может блокировать решения в крупных домах. Более сбалансированным представляется получение согласия лиц, чьи права непосредственно затрагиваются. Кроме того, Федеральный закон № 482-ФЗ не решил вопрос о противопоставимости незарегистрированных прав пользования добросовестному приобретателю. Право проживания сохраняет статус непоименованного ограниченного вещного права.

Применение ст. 287.7 ГК РФ в качестве крайней меры обоснованно, однако зависимость ее реализации от инициативы публичных органов снижает эффективность защиты собственников.

Для совершенствования законодательства предлагается:

— дополнить ст. 17 ЖК РФ ч. 3.1, закрепив критерии разграничения предоставления жилого помещения и гостиничных услуг;

— предоставить общему собранию право утверждать правила проживания большинством не менее двух третей голосов с обязательностью для нанимателей и иных пользователей;

— закрепить возможность исключительного срочного и возмездного пользования частью общего имущества по решению квалифицированного большинства при согласии собственников примыкающих помещений, сохранив единогласие для его уменьшения и отчуждения и предусмотрев судебное преодоление необоснованного отказа;

— установить процедуру внесения в ЕГРН сведений об общем имуществе ранее учтенных многоквартирных домов по заявлению уполномоченного лица;

— дополнить ст. 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» правилом о непротивопоставимости незарегистрированного права пользования добросовестному приобретателю, а в ГК РФ закрепить право проживания в чужом жилом помещении как ограниченное вещное право;

— предоставить ТСЖ или уполномоченному общим собранием лицу право предупреждать собственника и предъявлять иск по ст. 287.7 ГК РФ, а также актуализировать п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с правосубъектностью сообщества собственников помещений, правовым режимом апартаментов и цифровизацией принятия решений общим собранием собственников.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
6. Федеральный закон от 27.12.2018 № 558-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации в части упорядочения норм, регулирующих переустройство и (или) перепланировку помещений в многоквартирном доме». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 24.07.2023 № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
8. Федеральный закон от 26.12.2024 № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 23.07.2025 № 233-ФЗ «О внесении изменений в статьи 85 и 89 Жилищного кодекса Российской Федерации и статью 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»» // Российская газета. 2025. 30 июля.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева».
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 21-П (по делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации).
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (с изм. от 09.12.2025 № 33).
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Климанова Д. Д. Защита интересов бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения // Lex russica. 2024. Т. 77. № 3. С. 22–31. DOI: 10.17803/1729–5920.2024.208.3.022–031.
17. Самойлов Е. И. Видовой признак ограниченных вещных прав граждан на жилое помещение // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 31–34.
18. Сахно О. В. Осуществление права собственности на жилые помещения: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар, 2005. 207 с.
19. Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступил в силу 01.09.2022).

Приобретение права собственности на объект незавершенного строительства: гражданско-правовые и регистрационные проблемы

Камбетова Сауле Нурлановна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Объект незавершенного строительства занимает в российском праве недвижимости особое место. Это вещь, существование которой изначально задумано как временное, однако нередко на годы становящаяся са-

мостоятельным предметом оборота, залога, налогообложения и судебных споров. Распространенность «долгостроя» на земельных участках, находящихся в публичной собственности и предоставленных в аренду, придает вопросу о том, кто, когда и при каких условиях становится собственником ОНС, не только догматическое, но и выраженное практическое значение.

Актуальность темы обусловлена тремя группами новелл последних лет. Во-первых, Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ дополнил ГК РФ главами 6.1 «Недвижимые вещи» и 17.1 «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места», вступившими в силу с 1 сентября 2022 г. [6]. Во-вторых, развивалось регулирование учета и регистрации: Федеральным законом от 24.07.2023 № 368-ФЗ введена упрощенная процедура учета и регистрации прав на ОНС, включенные в реестры незавершенных объектов капитального строительства [7], а Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218-ФЗ) действует в редакции от 4 августа 2026 г. [5]. В-третьих, Верховный Суд РФ обобщил практику по делам о предоставлении публичных земельных участков для строительства (Обзор, утвержденный Президиумом ВС РФ 19 ноября 2025 г.; далее — Обзор от 19.11.2025) и по делам о самовольном строительстве (Тематический обзор № 13/2026, утвержденный 1 июля 2026 г.) [16]. Эти акты существенно уточнили судьбу ОНС, но не устранили базовых противоречий его правового режима.

Согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ ОНС относятся к недвижимым вещам наряду со зданиями и сооружениями как объекты, прочно связанные с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [1]. Указание на ОНС появилось в ст. 130 ГК РФ в результате изменений, внесенных Федеральным законом от 30.12.2004 № 213-ФЗ; до этого практика ориентировалась на разъяснение Пленума ВАС РФ, относившего к недвижимости не завершенные строительством объекты, не являющиеся предметом договора строительного подряда [9]. Градостроительный кодекс РФ рассматривает ОНС как разновидность объекта капитального строительства и исключает из этого понятия некапитальные строения и неотделимые улучшения земельного участка — замощение, покрытие и другие (п. 10 ст. 1 ГрК РФ) [4].

Учетно-регистрационная процедура определена ст. 40 Закона № 218-ФЗ. Кадастровый учет и регистрация прав на ОНС осуществляются на основании разрешения на строительство (выписки из реестра разрешений) и правоустанавливающего документа на земельный участок, а для объектов, не требующих разрешения, — на основании технического плана и правоустанавливающего документа на участок (ч. 10). Если право заявителя на участок не зарегистрировано, учет и регистрация прав на ОНС производятся одновременно с регистрацией права на участок (ч. 1). Истечение срока аренды или безвозмездного пользования участком, предоставленным для строительства, не является основанием для приостановления, если разрешение на строительство на момент представления документов действует (ч. 2.1). При регистрации прав на здание или сооружение, созданные в результате завершения строительства, ОНС снимается с учета, а право на него прекращается без отдельного заявления (ч. 8).

Первый аспект разрешен Пленумом ВАС РФ. Отсутствие у продавца зарегистрированного права на момент заключения договора само по себе не влечет его недействительности: договор квалифицируется как купля-продажа будущей недвижимой вещи (п. 2 ст. 455 ГК РФ), однако для регистрации перехода продавец должен обладать правом собственности. Если право продавца не зарегистрировано, покупатель не вправе требовать передачи вещи и регистрации перехода и может лишь потребовать возврата уплаченного, процентов и возмещения убытков (пп. 1, 5 постановления № 54). Возникает своего рода регистрационная ловушка: исполнимость договора зависит от воли продавца, который может уклоняться от регистрации собственного права, тогда как п. 3 ст. 551 ГК РФ позволяет преодолеть уклонение лишь от регистрации перехода, но не от первичной регистрации. Представляется, что покупатель, исполнивший обязанность по оплате, должен иметь возможность требовать в судебном порядке одновременной регистрации права продавца на ОНС и его перехода к покупателю; для этого ст. 40 Закона № 218-ФЗ следует дополнить правилом о совместном осуществлении первичной регистрации и регистрации перехода права на основании вступившего в силу судебного акта. Право на однократное заключение без торгов договора аренды для завершения строительства (подп. 10 п. 2, п. 5 ст. 39.6 ЗК РФ) и истечение срока прежней аренды прямо влияют на вероятность изъятия ОНС по ст. 239.1 ГК РФ.

Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ) применительно к ОНС реализован неполно. Глава 17.1 ГК РФ урегулировала пользование чужим участком лишь собственником здания или сооружения (ст. 287.3), а исключительное право на приобретение публичного участка без торгов закреплено за собственниками зданий и сооружений (п. 1 ст. 39.20 ЗК РФ). Собственнику ОНС земельное законодательство предоставляет право на однократную аренду для завершения строительства (подп. 10 п. 2, п. 5 ст. 39.6 ЗК РФ).

Специальный механизм прекращения права на ОНС установлен ст. 239.1 ГК РФ, введенной Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ. При прекращении договора аренды публичного участка, предоставленного по результатам аукциона, ОНС может быть изъят у собственника по решению суда путем продажи с публичных торгов. Требование заявляет уполномоченный орган; оно не подлежит удовлетворению, если собственник докажет, что нарушение срока строительства вызвано действиями (бездействием) публичных органов или лиц, эксплуатирующих сети инженерно-технического обеспечения;

начальная цена определяется на основании рыночной оценки, а вырученные средства за вычетом расходов выплачиваются бывшему собственнику (пп. 1–5 ст. 239.1). Эти правила применяются и к договору аренды, заключенному без торгов для завершения строительства (п. 6). Порядок торгов утвержден постановлением Правительства РФ от 03.12.2014 № 1299 [10]. Статья 239.1 не распространяется на договоры аренды, заключенные до 1 марта 2015 г. (п. 33 ст. 34 Закона № 171-ФЗ); для них действует п. 21 ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ, что порождает сложности применения нормы во времени [8].

Конституционный Суд РФ признал, что ст. 239.1 ГК РФ призвана обеспечить баланс интересов публичного собственника участка и арендатора исходя из принципов свободы договора и единства судьбы участка и прочно связанных с ним объектов, а продажа на торгах с начальной ценой, определенной на основании рыночной оценки, соответствует природе отношений и обеспечивает справедливое возмещение бывшему собственнику [11].

Верховный Суд РФ в Обзоре от 19.11.2025 конкретизировал применение нормы. Изъятию подлежит лишь незавершенный объект: если строительство окончено, уполномоченный орган не вправе отказать в новом договоре аренды для ввода объекта в эксплуатацию (п. 4). Иск по ст. 239.1 удовлетворяется при соблюдении ее правил и подп. 2 п. 5 ст. 39.6 ЗК РФ и отсутствии доказательств того, что срок строительства нарушен по вине публичных органов (пп. 10, 10.1). Статья 622 ГК РФ не может служить основанием для понуждения собственника правомерно возведенного ОНС освободить участок: применяется специальный порядок ст. 239.1, а при наличии признаков самовольной постройки — ст. 222 ГК РФ (п. 11). Если уполномоченный орган в течение шести месяцев после истечения аренды не обратился в суд, собственнику ОНС не может быть отказано в новом договоре аренды для завершения строительства (п. 12; ранее аналогичная позиция была высказана в определении от 05.07.2022 № 308-ЭС22–3699) [12]. Одновременно ВС РФ указал, что ст. 239.1 ГК РФ не ограничивает срок обращения в суд, и требование, заявленное по истечении шести месяцев, может быть удовлетворено, если собственник уже использовал право на однократную аренду и за новым договором не обращался (п. 12.3).

Сопоставление пп. 12 и 12.3 Обзора обнаруживает внутреннее напряжение правового регулирования. Шестимесячный срок подп. 2 п. 5 ст. 39.6 ЗК РФ определяет не продолжительность притязания публичного собственника, а лишь момент, с которого у собственника ОНС может возникнуть право на новую аренду. В результате по истечении шести месяцев складывается состязательная модель: приоритет получает тот, кто обратится первым, — уполномоченный орган с иском об изъятии или собственник ОНС с заявлением об аренде; на это обращают внимание и практикующие юристы [14]. Для института принудительного прекращения права собственности (подп. 3.1 п. 2 ст. 235 ГК РФ) такая неопределенность едва ли приемлема: собственник ОНС, не способный по объективным причинам немедленно возобновить строительство, бессрочно находится под угрозой изъятия. Кроме того, ст. 239.1 ГК РФ не устанавливает сроков проведения торгов после вступления решения в силу и последствий их непроведения; в практике отмечается неурегулированность ситуации, когда ОНС изъят, но не продан [14].

Наиболее существенный пробел касается частных земельных участков. Механизм ст. 239.1 ГК РФ рассчитан только на публичную землю; для частного собственника участка, на котором по договору с ним возведен чужой ОНС, аналогичных правил нет, а ст. 287.3 ГК РФ на ОНС не распространяется [15]. После прекращения права пользования участком частный собственник не может ни потребовать сноса правомерно возведенного ОНС, ни принудительно выкупить его, ни понудить собственника ОНС завершить строительство. Примечательно, что ГК РФ знает механизм продажи с публичных торгов бесхозяйственно содержимого помещения (ст. 287.7), а проект изменений ГК РФ, подготовленный на основе Концепции 2009 г., предусматривал общую обязанность собственника ОНС завершить строительство в разумный срок и возможность продажи объекта с публичных торгов по иску органа местного самоуправления при неисполнении этой обязанности [17].

Разграничение правомерного ОНС и самовольной постройки определяет не только судьбу объекта, но и способ возникновения права на него. Лицо, осуществившее самовольное строительство, не приобретает права собственности, не вправе распоряжаться постройкой и совершать с ней сделки до признания права судом (п. 4 постановления Пленума ВС РФ № 44). Постройка может быть признана самовольной на любом этапе строительства, начиная с возведения фундамента (п. 5), а наличие зарегистрированного права на объект с признаками самовольности не исключает требования о его сносе (п. 8). Вступившее в силу решение о признании права собственности на самовольную постройку является основанием возникновения права и основанием для учета и регистрации; разрешение на ввод объекта в эксплуатацию после этого не требуется, однако технический план представляется (п. 45). С иском о признании права вправе обратиться обладатель вещного права на участок, а также арендатор, если участок предоставлялся для строительства соответствующего объекта (п. 41). Иск подлежит удовлетворению, если единственным признаком самовольности является отсутствие разрешений, к получению которых истец принимал надлежащие меры, и отсутствуют признаки явного и намеренного недобросовестного поведения (п. 43) [13].

Проведенный анализ позволяет сформулировать авторскую позицию: ОНС в российском праве представляет собой недвижимую вещь переходного характера, самостоятельность которой обусловлена не столько физическими свойствами, сколько потребностями оборота в условиях раздельной принадлежности земельного участка и постройки. Объектом незавершенного строи-

тельства признается создаваемое здание или сооружение, строительство которого начато в установленном законом порядке и в отношении которого полностью завершены работы по устройству фундамента или аналогичные им работы, позволяющие определить его в качестве индивидуально-определенной вещи. Уточнить ст. 287.1 ГК РФ, указав, что договором может быть предусмотрено возникновение права собственности на создаваемый объект у иного лица лишь при условии принадлежности этому лицу права на земельный участок, допускающего строительство данного объекта. Распространить ст. 287.3 ГК РФ на собственников ОНС и дополнить главу 17.1 ГК РФ правилом о прекращении права на ОНС, расположенный на частном земельном участке: если право пользования участком прекратилось, а строительство не завершено в разумный срок, собственник участка вправе требовать в суде продажи ОНС с публичных торгов с выплатой вырученных средств собственнику ОНС; собственнику участка при этом предоставляется преимущественное право приобретения ОНС по цене, определенной на основании рыночной оценки. Дополнить ст. 239.1 ГК РФ правилами о том, что требование об изъятии ОНС может быть заявлено в течение одного года со дня прекращения договора аренды, по истечении которого собственник ОНС вправе требовать заключения договора аренды для завершения строительства; торги должны быть проведены в установленный законом срок после вступления решения суда в силу, а при их непроведении собственник ОНС вправе требовать заключения такого договора. Внести в ст. 40 Закона № 218-ФЗ изменения, предусматривающие: а) учет и регистрацию прав на ОНС, созданный в период действия договора аренды и разрешения на строительство, независимо от истечения их сроков к моменту обращения при подтверждении этого обстоятельства исполнительной документацией (по аналогии с ч. 2); б) включение в технический план ОНС заключения кадастрового инженера о завершении фундаментных или аналогичных работ; в) обязательное уточнение характеристик ОНС перед регистрацией перехода права или обременения, если с момента внесения сведений об объекте в ЕГРН прошло более одного года (по аналогии с ч. 23); г) внесение в ЕГРН особой отметки о заключении договора аренды публичного участка для завершения строительства ОНС и сроке его действия; д) одновременную регистрацию права продавца на ОНС и перехода права к покупателю на основании судебного акта по иску покупателя, исполнившего обязанность по оплате. Дополнить ст. 51 ГрК РФ правилом о выдаче разрешения на завершение строительства ОНС, право собственности на который признано судом по правилам п. 3 ст. 222 ГК РФ. Производное приобретение ОНС сопряжено с регистрационной ловушкой (невозможностью регистрации перехода при отсутствии зарегистрированного права продавца), с риском неверной квалификации предмета договора и с неочевидными для приобретателя рисками изъятия ОНС по ст. 239.1 ГК РФ. Механизм ст. 239.1 ГК РФ, оцененный Конституционным Судом РФ как обеспечивающий баланс интересов, в современном истолковании (пп. 12 и 12.3 Обзора от 19.11.2025) не ограничивает сроком притязания публичного собственника и не определяет последствий непроведения торгов. Разъяснения постановления Пленума ВС РФ № 44 и Тематического обзора № 13/2026 допускают признание права собственности на самовольный ОНС, но не обеспечивают его последующего завершения в правомерном режиме и не защищают добросовестного приобретателя от сноса. Предложения по совершенствованию законодательства сводятся к закреплению в ГК РФ понятия и критериев ОНС, ограничительной корректировке ст. 287.1, распространению ст. 287.3 на ОНС и введению механизма прекращения права на ОНС, расположенный на частном участке, установлению пресекательного срока для иска по ст. 239.1 ГК РФ, а также к уточнению ст. 40 Закона № 218-ФЗ и ст. 51 ГрК РФ. Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой модели ограниченного вещного права застройки как условия перехода к концепции единого объекта недвижимости, с анализом правового режима ОНС в процедурах банкротства застройщиков и в налоговых отношениях, а также с оценкой влияния цифровых реестров (ЕГРН, реестров незавершенных объектов капитального строительства) на достоверность сведений об ОНС.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5, ст. 410.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44, ст. 4147.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1), ст. 16.
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 04.08.2026; с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4344.
6. Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52, ст. 8989.

7. Федеральный закон от 24.07.2023 № 368-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости».
8. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44, ст. 4148.
9. Федеральный закон от 30.12.2004 № 213-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1, ст. 39.
10. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3377.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2787-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Локтионова Олега Станиславовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 239.1 Гражданского кодекса Российской Федерации».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.07.2022 № 308-ЭС22–3699 по делу № А63–4067/2021.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке»
14. Дорофеева С. Аренда публичного участка закончилась, а здание не достроено? // Адвокатская газета (проект «АГ-эксперт»). 2026. 24 сент.
15. Суханов Е. А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4. Приводится по: Кресс В. В. Указ. соч. С. 109, 111.
16. Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025).
17. Сабирова, З. К. Проблема приобретения права собственности на объекты незавершенного строительства в современной отечественной цивилистике // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3(19). С. 223–224.

Тактические особенности допроса участников преступных групп, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с учетом индивидуальных и этнокультурных особенностей

Капустина Виктория Викторовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором проведен комплексный анализ особенностей тактики допроса участников преступных групп, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Выявлены основные проблемные аспекты, а также сложности, которые возникают при подготовке к данному следственному действию и его проведении, включая планирование, установление психологического контакта, интерпретацию вербальных и невербальных признаков и др. На основании выявленных особенностей разработаны криминалистические рекомендации по производству допроса.

Ключевые слова: *преступная группа, незаконный оборот наркотиков, допрос, переводчик, расследование, индивидуальные и этнокультурные особенности.*

Проведение такого следственного действия как допрос позволяет получить большой объем информации о расследуемом событии, причем, чем более верно спланирован и проведен допрос, тем больше и качественнее сведений получит следователь в виде показаний.

Осложнить допрос могут различные факторы и условия, в которых он проводится, а также индивидуальные особенности допрашиваемого. При подготовке следователю важно учитывать конкретные обстоятельства, имеющие значение для общения и понимания показаний: язык, уровень владения русским языком, культурный и религиозный контекст, традиции и обычаи, если они имеют непосредственное отношение к ситуации допроса [1, с. 22]. При этом этническая принадлежность сама по себе не предопределяет поведение человека и не позволяет делать выводы о его психологических характеристиках. Качество допроса зависит от различных физических и психических характеристик допрашиваемого, например, его возраста, в том числе когда допрашивается несовершеннолетний.

Допрос участников преступной группы представляет сложность для следователя, поскольку на допрашиваемых может оказываться давление со стороны других участников, вплоть до угроз расправы или причинения вреда

здоровью и близким. Опасаясь наказания или давления, допрашиваемые могут стремиться переложить вину на других участников либо преуменьшить степень собственного участия в преступной деятельности. Например, они могут давать признательные показания в отношении менее тяжких деяний или отрицать свою роль исполнителя либо организатора. В отдельных случаях встречаются ситуации, когда ответственность за действия группы принимает на себя один из ее участников, в том числе женщина. Такие обстоятельства следует устанавливать по материалам конкретного дела, не связывая подобное поведение с этнической принадлежностью или полом.

Допрос по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков и совершенным организованной группой, имеет свои особенности, обусловленные обстоятельствами дела, индивидуальными характеристиками допрашиваемого, его процессуальным статусом, а также способами совершения преступления.

Круг вопросов и обстоятельств, подлежащих выяснению на допросе, различается в зависимости от вида совершенного преступления, исходя из которого следователь составляет план допроса. При этом допрос участника преступной группы может включать общие тактические приемы, в частности:

– изучение индивидуальных особенностей личности, значимых для проведения допроса, включая особенности владения языком, используемые речевые обороты, диалекты и жаргон, а также релевантные культурные и коммуникативные контексты [2, с. 106];

– привлечение специалистов, переводчиков;

– проведение допросов участников группы раздельно, что позволяет снизить риск согласования показаний [3, с. 10].

Подготовка к допросу является важным этапом, на котором тщательному изучению подвергается личность допрашиваемого, что позволяет использовать определенные способы установления психологического контакта, исключить конфликтную ситуацию, грамотно и верно построить всю схему допроса, сформулировать вопросы.

При подготовке и проведении допроса отдельных участников преступной группы могут возникать трудности, связанные с уровнем владения русским языком, грамотностью, образованием, пониманием процессуальных процедур или поведением конкретного лица. Эти обстоятельства необходимо проверять индивидуально и не связывать автоматически с принадлежностью к какой-либо этнической общности. Если возникают затруднения в понимании вопросов или организации общения, следователю следует обеспечить их разъяснение, при необходимости привлечь переводчика или специалиста и поддерживать деловой, уважительный и процессуально корректный стиль общения. Тактические решения должны основываться на фактическом поведении допрашиваемого и обстоятельствах дела, а не на этнических стереотипах [4, с. 91].

Привлечение к допросу переводчика вносит коррективы в тактику проведения данного следственного действия и может усложнить получение криминалистически важной информации. В частности, отсутствие прямого словесного (вербального) контакта между следователем и допрашиваемым может затруднить своевременное уточнение смысла сказанного, сопоставление словесных высказываний с жестами и интонацией, а также оценку коммуникативных особенностей. Это может привести к неправильной интерпретации сообщенной информации. Для снижения такого риска важно обеспечить точный перевод, согласовать порядок передачи вопросов и ответов и при необходимости уточнять значение отдельных выражений.

Невербальные проявления — например, зрительный контакт, жесты, темп и громкость речи — могут различаться у разных людей и зависеть от множества обстоятельств, включая индивидуальные привычки, ситуацию общения, стресс и культурный контекст. Нельзя однозначно связывать определенный жест, избегание зрительного контакта или повышенный тон речи с этнической принадлежностью, полом либо принадлежностью к определенному региону. Следователю следует оценивать такие признаки только в совокупности с другими данными и с учетом индивидуальных особенностей конкретного допрашиваемого [5, с. 76].

Таким образом, в каждом конкретном случае тактика допроса по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенным преступной группой, должна строиться с учетом сложившейся следственной ситуации на момент проведения допроса, индивидуальных особенностей допрашиваемого, вида совершенного преступления (сбыта, контрабанды), степени участия в преступлении и занимаемой роли в структуре группы. Подготовка к допросу является важным этапом и определяет тактическую линию поведения следователя, которая должна основываться на конкретной следственной ситуации. При необходимости учитываются языковые, коммуникативные и культурные особенности, если они установлены и имеют значение для проведения допроса. Их изучение помогает обеспечить понимание вопросов и ответов, снизить риск недопонимания, сгладить конфликт и уменьшить напряжение при допросе.

Литература:

1. Касаев И. Х. Предупреждение преступлений, совершаемых участниками этнических преступных группировок: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
2. Фойгель Е. И. Использование информации об этнических характеристиках личности при реализации стратегий противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1.

3. Козырева И. Е. Стратегии определения направлений расследования преступлений, основанные на знаниях закономерностей показаний участников уголовного судопроизводства // Эксперт-криминалист. 2025. № 02–2025.
4. Груша В. Н. Тактические особенности допроса этнических преступных групп // Юридическая наука. 2020. № 6.
5. Морозова А. С. Особенности тактического обеспечения допроса иностранного гражданина с привлечением переводчика // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4.

Понятие и правовая природа изъятия земельных участков и его разграничение с иными основаниями принудительного прекращения

Кашаева Анастасия Вячеславовна, студент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Правовое регулирование прекращения прав на земельные участки исходит из недопустимости произвольного лишения собственника принадлежащего ему имущества, однако предусматривает случаи, при которых сохранение соответствующего права становится невозможным вследствие установленных законом обстоятельств. В первую очередь данное положение относится к принудительному прекращению права собственности, поскольку п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) устанавливает общий запрет принудительного изъятия имущества и одновременно закрепляет исчерпывающие группы оснований, при которых отступление от данного запрета допускается законом [1]. Среди них законодатель отдельно называет обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника, отчуждение имущества, которое не может принадлежать определенному лицу, отчуждение недвижимости в связи с ненадлежащим использованием земельного участка, изъятие для государственных или муниципальных нужд, реквизицию и конфискацию.

Исходя из того, что изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд не связано с совершением правообладателем земельного правонарушения, прекращение его права сопровождается предоставлением предварительного и равноценного возмещения. Согласно п. 1 ст. 279 ГК РФ изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд осуществляется в случаях и порядке, предусмотренных земельным законодательством, а п. 2 той же статьи связывает его с прекращением права собственности гражданина или юридического лица, прекращением права постоянного бессрочного пользования и пожизненного наследуемого владения, а также с досрочным прекращением договора аренды либо безвозмездного пользования государственным или муниципальным земельным участком. При этом п. 6 ст. 279 ГК РФ предусматривает «сроки, размер возмещения и другие условия, на которых осуществляется изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд, определяются соглашением об изъятии земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости для государственных или муниципальных нужд (далее — соглашение об изъятии). В случае принудительного изъятия такие условия определяются судом».

На начальном этапе изъятия земельного участка решение принимается уполномоченным государственным органом или органом местного самоуправления независимо от согласия собственника, что свидетельствует о публично-правовом характере соответствующих отношений. В дальнейшем стороны вправе заключить соглашение, определяющее размер возмещения и другие условия прекращения права на землю, а если договоренность не достигнута, принудительное изъятие допускается только на основании судебного решения.

Собственник не участвует в принятии властного решения, но вправе оспорить его в суде на основании п. 14 ст. 56.6 ЗК РФ.

Предварительное и равноценное возмещение как условие принудительного изъятия закреплено в п. 4 ст. 281 ГК РФ.

Можно перечислить взаимосвязанные признаки, которые указывают на правовую природу института изъятия:

— земельный участок изымается в отсутствие правонарушения

— со стороны собственника или иного правообладателя;

— наличие государственной (муниципальной) цели использования земельного участка;

— наличие предусмотренного действующим законодательством основания изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд;

— равноценное возмещение за изымаемый земельный участок;

— прекращение или изменение существующего права на земельный участок;

— сроки, размер возмещения и другие условия, на которых осуществляется изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд, определяются соглашением об изъятии земельного участка

и расположенных на нем объектов недвижимости для государственных или муниципальных нужд. В случае принудительного изъятия такие условия определяются судом.

Основания прекращения права собственности на земельный участок из ЗСХН, например:

— выявлен факт неиспользования такого земельного участка по целевому назначению в течение трех и более лет;

— земельный участок используется с нарушением законодательства Российской Федерации не менее трех лет подряд с даты выявления в рамках федерального государственного земельного контроля (надзора) данного нарушения;

— земельный участок не используется по целевому назначению по истечении одного года с даты его приобретения.

Исключительность изъятия следует непосредственно из ст. 49 ЗК РФ. Данная норма допускает прекращение земельных прав для выполнения международных обязательств Российской Федерации, размещения определенных объектов государственного или местного значения при отсутствии иных вариантов, а также в иных случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. КС РФ в указанном нами ранее Постановлении от 09.04.2026 № 22-П также указал, что ст. 49 ЗК РФ предусматривает изъятие «в исключительных случаях» в связи с ограниченным кругом обстоятельств [2].

Проведенный анализ позволяет определить изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд как самостоятельное возмездное основание принудительного прекращения права собственности и иных прав на землю. Оно применяется при наличии установленной федеральным законом публичной необходимости независимо от правомерного поведения правообладателя и предполагает соблюдение процедуры, судебную защиту и предоставление предварительного равноценного возмещения.

Прекращением существующего права на земельный участок, а не сохранением данного права с уменьшением объема допустимого использования, изъятие отличается от резервирования, публичного сервитута и иных ограничений. Отсутствием чрезвычайных обстоятельств и постоянным характером прекращения права оно отличается от реквизиции, возмездностью и отсутствием санкционного характера от конфискации, отсутствием связи с обязательствами собственника от обращения взыскания. От изъятия ЗСХН вследствие ее неиспользования или использования с нарушением законодательства рассматриваемое основание отличают отсутствие правонарушения собственника и иная цель прекращения права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 31.10.2026).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2026 № 22-П // Собрание законодательства РФ. 20.04.2026. № 16. Ст. 2145.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.
5. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3018.

Основания возникновения правоотношения по ведению переговоров

Клычников Роман Юрьевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Шепелев Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

Законодатель, вводя ст. 434.1 в Гражданский кодекс РФ [1] ориентировался на соглашения о порядке ведения переговоров как самостоятельную конструкцию, выступающую одним из оснований возникновения переговорного правоотношения между субъектами частного права. Название этих соглашений может быть различным, в том числе и не содержащим само слово «переговоры». При квалификации такого соглашения, не отталкиваясь лишь от его названия, следует оценивать намерения сторон вести переговоры о заключении основного гражданско-правового договора. Оно не определяет условия будущего договора, не порождает обязательство его заключить договор, его предметом является сама процедура ведения переговоров. Заключение основного договора может не

состояться, если стороны переговоров не сумели достичь соглашения по существенным условиям договора. Правила ст. 434.1 ГК РФ определяют, что стороны не отвечают за то, что соглашение не достигнуто, но при этом правила данной статьи применяются независимо от заключенности договора.

Соглашение о ведении переговоров занимает особое место среди договорных конструкций, направленных на организацию договорных связей. В отличие от ряда иных конструкций такое соглашение не порождает обязанности заключить основной договор. Соглашение о переговорах отличается от основного договора в первую очередь тем, что не порождает обязательство по осуществлению предоставления. Именно по этой причине нормы о рассматриваемом соглашении законодатель разместил в общих положениях о договорах Гражданского кодекса РФ. Все договорные конструкции, регламентируемые второй частью Гражданского кодекса РФ, относятся к основным договорам, их содержание характеризуется обязанностями по предоставлению товаров, выполнению работ, оказанию услуг. Соглашению о переговорах, имеющему совершенно другую правовую цель, не могло быть найдено место во второй части Гражданского кодекса РФ [2, с. 44].

Можно ли считать само соглашение о порядке ведения переговоров разновидностью гражданско-правовых договоров? Следует отметить, что под термином «договор» в нормах обязательственного права понимается не только основной договор, порождающий обязательственную связь сторон, но и сопутствующие или предшествующие ему конструкции. В частности, этот термин используется для обозначения предварительного, рамочного договоров, договора об организации перевозок грузов. М. Н. Малеина считает, что термин «соглашение» используется применительно к данной конструкции исключительно для исключения смешения ее с основным гражданско-правовым договором. Она определяет соглашение о процедуре переговоров (переговорных процедурах) как «гражданский договор, в силу которого стороны обязуются принять меры по организации процедуры переговоров для заключения основного договора (в частности, участвовать в разработке документов переговоров, нести расходы на стадии переговоров, соблюдать конфиденциальность переговоров) в объеме, предусмотренном соглашением» [3, с. 39.]

Природа соглашения о переговорах определяет специфику его юридической квалификации. Этот договор, безусловно, следует отнести к группе консенсуальных соглашений, поскольку обязательства совершать действия по согласованию условий будущего договора возникают с момента достижения соглашения лицами, имеющими намерение обсуждать такой договор. Также возможно охарактеризовать соглашение о переговорах в качестве двухсторонне обязывающего, поскольку обязанности, связанные с согласованием условий будущего договора, как правило, возлагаются на все стороны. Эти обязанности не связаны со встречным предоставлением сторон друг другу, а скорее направлены на достижение того результата, в котором заинтересованы все участники переговоров, — заключение основного договора. По причине отсутствия встречного предоставления названное соглашение невозможно классифицировать по критерию «возмездные/безвозмездные», поскольку таковой относится скорее к основным договорам, порождающим обязательство. Наличие имущественных обязанностей сторон переговоров, связанных с распределением расходов по ведению переговоров, не делает это правоотношение возмездным [2, с. 45].

Остановимся на вопросе о возможности установления переговорных отношений без непосредственного заключения специального соглашения. В юридической литературе выделяют договорный и бездоговорный порядок переговоров. С обозначением второго порядка как бездоговорного нам трудно согласиться. Не стоит подменять отсутствие подписанного сторонами соглашения о ведении переговоров наличием или отсутствием самого соглашения о переговорах. Законодательство РФ не устанавливает для такого соглашения письменную форму, тем более под страхом его недействительности.

Безусловно, наличие письменного соглашения о переговорах делает отношения более определенными. Но его отсутствие не означает, что стороны не договариваются о ведении переговорного процесса. Момент возникновения обязанности к добросовестному ведению преддоговорных переговоров определяется моментом вступления партнера в переговоры, независимо от того, ведутся они устно или письменно. Это могут быть и конклюдентные действия, и ответы на предложения, свидетельствующие о намерении согласовывать договорные условия. Главное — наличие в действиях или ответах потенциального контрагента заинтересованности в обсуждении возможности заключения договора в будущем. Не согласившись с вступлением в переговорный процесс, невозможно обсуждать условия будущего договора. Поэтому, на наш взгляд, рассуждения о бездоговорном порядке не вполне обоснованы. Для современной российской действительности заключение именно специальных соглашений о переговорах между предпринимателями является, скорее, исключением. Правовая культура нашего бизнеса пока не доросла до составления полноценных соглашений, регламентирующих переговорный процесс, в то время как обсуждение условий договора активно ведется многими будущими сторонами перед заключением договора.

Вместе с тем порядок переговоров без заключения специального соглашения создает сложности в определении момента начала переговоров лиц, имеющих намерение заключить договор. Это важно для применения стандартов добросовестности и возложения преддоговорной ответственности. Так, Ю. С. Порфирьева отмечает, что момент возникновения преддоговорных отношений должен связываться не с любым началом переговоров вообще, а именно со становлением наиболее близкого взаимодействия между сторонами переговоров по поводу заклю-

чения будущего договора [4, с. 240]. Следует согласиться, что на так называемом нулевом этапе не возникает обязанности по ведению переговоров. Категоричное понимание начальной стадии возникновения преддоговорных отношений как любых контактов субъектов противоречило бы идее переговорного процесса, который регламентируется гражданским законодательством через призму установления стандартов добросовестного поведения сторон.

Представляется, что к каждой ситуации определения начального момента возникновения преддоговорных отношений стоит подходить индивидуально, взвешивая все фактические обстоятельства дела. Рассмотрим ставшем одним из первых в отечественной правовой действительности предметом судебного разбирательства спору о привлечении стороны переговоров к преддоговорной ответственности. Речь об иске несостоявшегося арендодателя против ООО «Ашан» в связи с тем, что ответчик немотивированно прекратил ведение переговоров на стадии, когда сторонами переговоров практически был согласован окончательный проект договора. В Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда отмечается, что в ходе согласования всех существенных условий сделки ответчик проводил юридический и финансовый анализ документации, направлял запросы на необходимые документы, согласовывал основные и детальные условия сделки по всем существенным, коммерческим и техническим условиям, неоднократно переносил и назначал новые даты ее заключения, чем позиционировал себя в глазах истца, как имеющий твердые намерения вступить с ним в договорные отношения [5]. Таким образом апелляционный суд указывает на обстоятельства, имеющие значение для оценки того, что между сторонами имела место договоренность согласовывать условия будущего основного договора.

Ведение переговоров возможно только на началах соглашения, содержащего волю всех переговаривающихся сторон обсуждать возможность заключения гражданско-правового договора, оформление же специального соглашения, регламентирующего переговорный процесс, является лишь вопросом о придании такой воле простой письменной формы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1004. — № 32. — Ст. 3301.
2. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович и др.; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. — М.: Статут, 2023. — 272 с.
3. Малеина М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. — 2016. — № 10. — С. 36–46.
4. Порфирьева Ю. С. Обязанность к добросовестному поведению при ведении переговоров в российском и европейском гражданском праве // Договоры и обязательства: в 2 томах. Т. 1: Общая часть. — М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. — 456 с.
5. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2017 № 10АП-7521/2017 по делу № А41–90214/16 / [Электронный ресурс]: Доступ из СПС КонсультантПлюс, 2026: URL: http//online.consultant.ru (дата обращения: 01.11.2025).

Особенности доказывания в делах о защите авторских прав

Койше Дарина Орумбаевна, студент;
Силаева Алина Александровна, студент
Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В данной статье авторами рассматриваются специфические черты доказывания в делах о защите авторских прав. Проводится анализ норм права, регулирующих дела, где спорными объектами выступают произведения науки, литературы или искусства, созданные творческим трудом. На основе приведенной судебной практики анализируются виды доказательств и особенности их представления.

Ключевые слова: *автор, доказывание, авторские права, доказательства, защита.*

Эффективность судебной защиты нарушенных прав рассматривается как производная от качества процессуальных механизмов, обеспечивающих своевременное и полное установление юридически значимых обстоятельств. Среди таких механизмов значительную роль играет судебное доказывание при рассмотрении

различных категорий дел. Особенно важен данный механизм при рассмотрении дел о защите авторских прав, где предмет доказывания отличается повышенной сложностью, а сами объекты — нематериальным характером и уязвимостью в условиях цифровизации.

Согласно ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) автором произведения науки, литературы или искусства является гражданин, создавший его своим творческим трудом. Лицо, обозначенное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным способом, предусмотренным п. 1 ст. 1300 ГК РФ, признается автором, пока не доказано обратное. Для возникновения, осуществления и защиты прав данной категории лиц законодатель в п. 4 ст. 1259 ГК РФ отмечает, что нет требования о регистрации произведения или иных формальностей, что в свою очередь усложняет доказывание авторства.

Также Пленум Верховного суда Российской Федерации в п. 110 постановления от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» обращает внимание на то, что помимо указания в качестве автора конкретного лица на оригинале или экземпляре произведения у суда при оспаривании может возникнуть необходимость исследования иных предоставленных доказательств, перечень которых не является исчерпывающим.

Так, в качестве доказательств можно представить источники, лежащие в основе создания произведения (необработанный снимок, эскизы, исходные файлы текстов и т. д.). Проиллюстрировать это можно на примере Решения Кировского районного суда г. Новосибирска от 18 марта 2026 г. по делу № 2–381/2026, в котором истец просила признать за ней личные неимущественные права автора на произведения изобразительного искусства в виде дизайна упаковки для мороженного, созданное в 2018 году посредством переработки более раннего дизайна [4]. В качестве доказательств истцом были представлены: электронная переписка в подтверждение факта направления макета работодателю; утвержденный макет упаковки как результат его работы; ссылки на открытые источники в сети «Интернет» для обоснования существования первоначального дизайна до 2018 года. Суд, оценив обстоятельства дела, установил, что представленные доказательства не дают возможности достоверно подтвердить факт создания спорного дизайна истцом. Электронная переписка и финальный макет свидетельствуют только о передаче готового результата, но не раскрывают творческую составляющую работы истца. Точно также и направление макета на согласование руководителя не имеет связи с созданием оригинальной композиции и не является основанием для возникновения авторских прав. Кроме того, в Решении было отмечено, что истцом не были предоставлены доказательства, подтверждающие сам процесс творческой работы над дизайном, а именно эскизы, черновики, исходные файлы с историей изменений, обоснование художественных и дизайнерских решений, промежуточные версии макета. В связи с чем, в удовлетворении исковых требований было отказано.

В системе средств доказывания по рассматриваемой категории дел особое место занимают электронные доказательства. Под электронными доказательствами понимается собирательная категория, включающая электронные документы; сообщения, переданные по электронной почте; цифровые аудио- и видеозаписи и т. д. Объединяющим признаком для них является электронная форма [1, с.14–15]. Сведения из таких источников могут быть представлены, в частности, в виде распечатки интернет-страницы, заверенной участниками процесса, с обязательным указанием точного адреса и времени. Тем не менее, анализ судебной практики показывает, что суды часто не принимают данные доказательства при отсутствии нотариального удостоверения, что обуславливает необходимость неукоснительного соблюдения установленного порядка сбора доказательственной базы [2, с. 23]. Так, в Решении Арбитражного суда г. Москвы от 20 марта 2019 г. по делу № А40–288608/2018 истцом был предоставлен в качестве электронного доказательства — протокол осмотра сайта, который впоследствии не был признан допустимым доказательством, так как он не был заверен нотариально и составлен в одностороннем порядке без участия ответчика или иных заинтересованных лиц [3]. Также суд акцентирует внимание на том, что надлежащим способом фиксации содержимого сайта является нотариальное обеспечение доказательств, чего сделано не было.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специфика доказывания по делам о защите авторских прав обусловлена отсутствием обязательной регистрации произведения. Это возлагает на истца бремя доказывания авторства и факты нарушения, требуя представления широкого спектра доказательств: от исходных материалов и оригинальных носителей до нотариально заверенных электронных данных. Приведенная судебная практика демонстрирует строгий подход к допустимости доказательств. В связи с чем представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства, направленное на упрощение процедур фиксации авторства и повышении эффективности защиты прав авторов.

Литература:

1. Александров, А. Ю., Пономарев, Б. С. Понятие и общая характеристика электронных доказательств / А. Ю. Александров, Б. С. Пономарев // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2023. — № 4. — С. 14–16.
2. Жапарова, А. Б. Особенности доказывания нарушения авторских прав в цифровой среде // Инновации в гуманитарных науках: новые перспективы и методы исследования: сборник научных трудов по материалам Ме-

ждународной научно-практической конференции 30 июня 2025 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). — 2025. — С. 22–25.
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 марта 2019 г. по делу № А40–288608/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/D2ZoC3N2jHlZ/.
4. Решение Кировского районного суда г. Новосибирска № 2–381/2026 2–381/2026(2–4041/2025;)~М-2496/2025 2–4041/2025 М-2496/2025 от 18 марта 2026 г. по делу № 2–381/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/XfFCBzItyULB/?ysclid=mvkfvharhh919830451.

Применение искусственного интеллекта в системе государственного финансового контроля: правовые возможности и проблемы

Кондратенко Константин Дмитриевич, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье проводится анализ правового значения результатов применения искусственного интеллекта в государственном финансовом контроле с учетом научных подходов к цифровизации контрольной деятельности и защите прав подконтрольных лиц. На примерах прогнозирования бюджетных рисков и анализа закупок рассматривается различие между обнаружением отклонения и его правовой оценкой. Автор приходит к выводу о том, что алгоритмическая оценка риска сама по себе не подтверждает бюджетного нарушения, а подготовленные системой материалы требуют проверки их источников и содержания. Также предлагается закрепить за объектом контроля возможность оспорить машинный вывод по существу до принятия решения, затрагивающего его права.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, государственный финансовый контроль, бюджетное нарушение, алгоритмический вывод, доказательства, контрольный мониторинг, права подконтрольных лиц.*

А. С. Палазян связывает перспективы применения искусственного интеллекта с ускорением обработки отчетности и расширением возможностей государственного аудита [1, с. 13–14]. При использовании таких средств в управлении публичными финансами возникает вопрос о том, в какой мере можно доверять результату автоматизированного анализа. Обнаружение необычной операции, даже если система опередила инспектора, еще не объясняет, нарушено ли бюджетное законодательство. Поэтому практическое значение этих возможностей следует оценивать с учетом того, как найденное отклонение проверяется и получает юридическую оценку.

Особенно существенна эта проблема при переходе к электронному взаимодействию контрольного органа и получателя бюджетных средств. Статья 267.1 Бюджетного кодекса РФ предусматривает контрольный мониторинг как метод внутреннего государственного финансового контроля, осуществляемый Федеральным казначейством на основании соглашения с объектом контроля. В ходе мониторинга Казначейство составляет мотивированные мнения [2, ст. 267.1]. Следовательно, нужно различать информационную обработку операций и предусмотренный законом результат деятельности уполномоченного органа: сама цифровая форма взаимодействия такого различия не устраняет.

Полагаем, что допустимость использования ИИ должна зависеть от того, можно ли проверить основания конкретного вывода и возразить против него. Участие должностного лица в процедуре имеет смысл лишь тогда, когда оно самостоятельно оценивает документы и объяснения объекта контроля. Поэтому центральной проблемой становится не объем полномочий, который можно передать программе, а порядок превращения машинного предположения в обоснованный вывод о нарушении.

В научной литературе вопросы цифровизации финансового контроля рассматриваются с разными акцентами. А. П. Бондарцкова обращает внимание на необходимость адаптации контрольных методов к цифровой экономике и развития компетенций специалистов [3]. Мы согласны с этой позицией, но считаем нужным уточнить, какие именно знания нужны контролеру. Умения получить отчет из информационной системы недостаточно: необходимо понимать, что означает рассчитанный риск и какие обстоятельства модель не учитывает. Иначе контролер, получив новые технические средства, может стать менее самостоятельным в профессиональной оценке.

А. В. Остроушко разграничивает общие информационные отношения, уже урегулированные законодательством, и специальные вопросы использования ИИ, больших данных и интеллектуальных агентов при предупреждающем СМАРТ-контроле. Автор указывает на необходимость совершенствования правового механизма и обеспечения открытости соответствующих процедур [4]. Такой подход позволяет точнее определить предмет

дальнейшего регулирования. Само наличие электронного документа не требует создания особого правового режима ИИ; специальной оценки заслуживают способы получения новых выводов из совокупности документов и последствия их использования.

Н. В. Савина рассматривает внедрение СМАРТ-контроля через развитие стандартов контрольной деятельности. В ее исследовании цифровые инструменты сочетаются с документальными и фактическими методами проверки, а стандартизация распространяется на источники информации, ее верификацию и оформление результатов [5, с. 92, 99]. Мы поддерживаем эту позицию: применение алгоритма должно быть частью проверяемой последовательности контрольных действий. Вместе с тем внутреннего стандарта недостаточно, если объект контроля не может понять, какие сведения стали причиной неблагоприятного для него вывода.

Иной акцент представлен в исследовании Е. В. Овчаровой и С. Е. Звягинцева. Обращаясь к французскому опыту сдержанного внедрения ИИ в финансовом контроле, авторы предлагают усилить правовые гарантии подконтрольных лиц [6]. Эта позиция дополняет подход к стандартизации: упорядочивая работу органа, необходимо учитывать возможности защиты другой стороны. На наш взгляд, качество цифрового контроля нельзя оценивать исключительно удобством обработки информации для инспектора.

К рассматриваемой проблеме наиболее близка позиция А. С. Зуевой: она обосновывает вспомогательный характер алгоритмических выводов и разграничивает их с мотивированным мнением Казначейства и установленным фактом нарушения [7]. С этим разграничением следует согласиться. Однако вспомогательный характер не означает отсутствия какого-либо доказательственного значения у всех материалов, подготовленных с применением ИИ. Необходимо установить, что содержит конкретный материал и можно ли проверить достоверность этих сведений.

Рассмотренные работы позволяют выделить взаимосвязанные направления обсуждения: развитие аналитических возможностей контроля, стандартизацию процедур и защиту подконтрольного лица. Они не исключают друг друга. Полагаем, что эти направления объединяет требование проверяемости конкретного вывода. Это требование связывает технологическую пользу системы с обязанностью органа обосновать свое решение и позволяет оценивать ИИ в пределах определенной контрольной задачи.

Практическую востребованность прогнозных инструментов подтверждают материалы Федерального казначейства. В сообщении от 6 февраля 2025 г. указано на использование машинного обучения для прогнозирования ликвидности, рисков отзыва лимитов и остатков на счетах. Также описано применение ИИ в ГАС «Управление» для поиска связей между показателями и мероприятиями и выявления рисков неисполнения контрольных точек [8]. Этот пример характеризует аналитическую работу с публичными финансами; из него не следует, что система самостоятельно устанавливает нарушение или определяет меру ответственности.

Рассмотрим условную ситуацию. Программа обнаружила, что при строительстве бюджетного объекта доля перечисленных средств заметно превышает отраженную в отчетности готовность работ. Такое соотношение заслуживает внимания контролера, но само по себе не позволяет установить нецелевое использование средств. Расхождение может объясняться предусмотренным контрактом авансом, приобретением оборудования для последующего монтажа или задержкой обновления отчетных данных. Один и тот же внешний признак допускает разные объяснения. Необходимо выяснить правовую значимость каждого из них.

В этом случае ИИ будет полезен, если обнаружит операцию и укажет документы, между которыми выявлено расхождение. Если система сообщает только высокий балл риска, инспектору приходится заново восстанавливать основания оценки. Если же она указывает платеж, соответствующее условие контракта и дату сведений о готовности объекта, появляется возможность предметной проверки. По нашему мнению, использовать результат для обоснования последующих контрольных действий следует при условии, что такая проверка доступна.

Сходная проблема возникает при анализе закупок. Допустим, модель обнаружила у нескольких поставщиков общий адрес и устойчивую очередность побед. Это может послужить поводом для изучения их связей, но не доказывает согласованности поведения. Общий адрес иногда связан с размещением независимых организаций в одном деловом центре, а повторяемость побед может объясняться особенностями местного рынка. Вывод о нарушении требует оценки совокупности обстоятельств уполномоченным органом. Условный пример показывает, почему корреляцию нельзя автоматически переводить в правовую квалификацию.

Оценивая доказательственное значение результата, необходимо различать прогноз и сведения о совершенной операции. Прогноз выражает оценку вероятности будущего события и потому не подтверждает факт уже допущенного нарушения. Подготовленная программой подборка платежных документов или расчет расхождений может иметь информационное значение для проверки. Однако для ее использования необходимо обратиться к исходным данным, проверить правильность расчета и соблюсти применимую процедуру. Способ подготовки материала сам по себе не придает ему заранее установленной достоверности.

Поэтому мы считаем неточным как безусловное признание машинного вывода доказательством, так и полное отрицание значения всех результатов автоматизированной обработки. Если программа правильно сопоставила платеж с договором, такое сопоставление можно

проверить. Если она лишь отнесла организацию к группе риска по неизвестной совокупности признаков, предмет проверки существенно сложнее. Различие определяется содержанием результата и доступностью его проверки, а не самим фактом применения технологии ИИ.

Требование проверяемости связано и с объяснимостью результата. Объекту контроля необходимы сведения о спорной операции, источниках данных и причине выявленного расхождения. Публикация программного кода не заменяет такого объяснения и сама по себе может оказаться бесполезной для защиты прав. Одновременно ссылка на сложность модели не должна освобождать орган от обоснования претензии. Если основания вывода невозможно изложить в форме проверяемых фактических обстоятельств, считаем недопустимым использовать его для неблагоприятного решения.

Здесь обнаруживается предел распространенного предложения об обязательном участии человека. Инспектор может формально утвердить подготовленный системой текст, не проверив его содержания. Поэтому предлагаем при подтверждении алгоритмического результата фиксировать, какие исходные документы изучены, какие объяснения получены и почему они приняты либо отклонены. Это авторское предложение о порядке документирования проверки; оно не означает, что соответствующая специальная обязанность уже установлена для всех применений ИИ.

Самостоятельного внимания заслуживает состав данных. Статья 5 Федерального закона «О персональных данных» требует соотносить их обработку с определенными целями и не допускать избыточности. Статья 16 этого закона устанавливает специальные гарантии при принятии решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных, включая предусмотренные законом исключения [9, ст. 5, 16]. Эти положения касаются физических лиц. Было бы ошибкой считать, что они непосредственно разрешают все вопросы защиты организации, получающей бюджетные средства. Распространение сопоставимых гарантий на решения в отношении организаций требует отдельного обоснования.

На наш взгляд, в таких ситуациях нужно гарантировать возможность исправить ошибочные исходные сведения и добиться содержательного рассмотрения возражений до принятия решения, создающего неблагоприятные последствия. Последующее судебное обжалование, гарантированное статьей 46 Конституции РФ, сохраняет самостоятельное значение [10, ст. 46]. Однако возможность своевременно объяснить расхождение способна предотвратить ошибку уже в ходе контроля. Для этого возражение должно рассматриваться по существу, а повторный запуск той же модели не должен подменять проверку доводов.

Следует учитывать и развитие общего законодательства об ИИ. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ регулирует поддержку развития технологий искусственного интеллекта, в том числе вопросы больших фундаментальных моделей. Его вступление в силу разделено на этапы [11, ст. 1, 13]. При этом принятие указанного закона само по себе не меняет компетенцию органа финансового контроля. Равным образом оно не означает, что любой результат модели должен признаваться установленным бюджетным нарушением. Правовые последствия конкретного вывода необходимо определять с учетом специальной контрольной процедуры.

Полагаем целесообразным предусмотреть в регулировании государственного финансового контроля запрет на обоснование неблагоприятного решения одной лишь непрозрачной алгоритмической оценкой риска. В материалах контроля следует сохранять использованные источники и результаты их проверки. Объект контроля, в свою очередь, должен иметь возможность дать объяснения по выявленным расхождениям. Эти гарантии должны определять правовые условия применения технологии. При этом выбор технических способов их выполнения должен оставаться за органом контроля в пределах его полномочий.

Проведенный анализ научных позиций позволяет рассматривать развитие аналитики во взаимосвязи со стандартизацией контрольных процедур и защитой подконтрольного лица. Применение ИИ дает возможность раньше обнаруживать бюджетные риски, однако при этом возрастает значение проверяемости контрольного вывода. Мы придерживаемся следующего подхода: прогноз служит основанием для дальнейшего изучения ситуации, а фактические материалы, подготовленные системой, оцениваются после проверки их источников и содержания. Вывод, имеющий юридическое значение, должен быть мотивирован и сделан уполномоченным органом. При соблюдении этого условия применение ИИ может расширять возможности финансового контроля без ослабления гарантий его законности.

Литература:

1. Палазян А. С. Цифровой поворот в системе государственного финансового контроля: роль искусственного интеллекта // Экономика: теория и практика. 2024. № 1 (73). С. 11–15. DOI: 10.31429/2224042X_2024_73_11. — URL: https://etip.kubsu.ru/article/view/729 (дата обращения: 04.10.2026).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. Ст. 267.1. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/5b996d177d7949b33799b2d8fdc06a915bc89cf8/ (дата обращения: 05.10.2026).
3. Бондарцкова А. П. Проблемы осуществления финансового контроля в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 51 (550).. — URL: https://moluch.ru/archive/550/120943/ (дата обращения: 06.10.2026).

4. Остроушко А. В. Правовое регулирование информационных процессов в рамках предупреждающего СМАРТ-контроля // Юридические исследования. 2024. № 4. С. 109–123. DOI: 10.25136/2409–7136.2024.4.70573. — URL: https://journals.rcsi.science/2409–7136/article/view/368529 (дата обращения: 07.10.2026).
5. Савина Н. В. Имплементация подходов СМАРТ-контроля в архитектуру стандартов внутреннего государственного финансового контроля // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10 (ч. 1). DOI: 10.17513/vaael.3781. — URL: https://vaael.ru/article/view?id=3781 (дата обращения: 08.10.2026).
6. Овчарова Е. В., Звягинцев С. Е. Технологии искусственного интеллекта при проведении мероприятий финансового контроля и применении мер государственного принуждения // Законодательство. 2026. № 6. DOI: 10.58741/16818695_2026_6_41. — URL: https://publications.hse.ru/articles/1170389677 (дата обращения: 10.10.2026).
7. Зуева А. С. Искусственный интеллект во внутреннем государственном финансовом контроле: публично-правовые проблемы применения // Финансовое право. 2026. № 10. DOI: 10.18572/1813–1220–2026–10–24–28. — URL: https://lawinfo.ru/articles/15390/iskusstvennyi-intellekt-vo-vnutrennem-gosudarstvennom-finansovom-kontrole-publicno-pravovye-problemy-primeneniya (дата обращения: 11.10.2026).
8. Федеральное казначейство. Заместитель руководителя Казначейства России Александр Албычев посетил День науки в Президентской академии. 06.02.2025. — URL: https://roskazna.gov.ru/press/325799 (дата обращения: 12.10.2026).
9. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ.– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 14.10.2026).
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.10.2026).
11. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ.– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/ (дата обращения: 17.10.2026).

7

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 25.11.2026. Дата выхода в свет: 02.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.